Надежда Мамаева

Водные маги жгут

ПРОЛОГ

– У этих инкубов только одно на уме: чтобы не перевелся их демонский род! – в сердцах сказала, как плюнула, белочка, она же – Дарящая Безумие всем желающим и не желающим этого. Причем Эйта презентовала шизофрению своим клиентам оптом и вразвес, взаймы и авансом.

– И, судя по количеству ваших совместных чад, думает он об этом усиленно и регулярно. - Смерть перекинула косу из одной своей костлявой руки в другую, кивнув на детскую коляску. Из оной торчали острые маленькие рожки, ушки с кисточками и пушистые хвосты цвета охры, а с ними – минимум обещание нервного срыва любому, кто решит проявить интерес к рыжему беличьему выводку.

Из люльки доносилось писклявое многоголосье:

– Ма-а-а-ма!

– Пи-и-ить!

– Писать!

– Хочу куша-а-а-ать!

– Хочу куклу вуду!

– Проклятье!

Последнее выпалила уже Эйта, нервно дернув хвостом и подняв выпавшую на парковую дорожку игрушку, истыканную ежиными иголками: как говорится, чем бы исчадь… чада ни тешились, лишь бы не громили все вокруг… А если ёж убежать не успел, это его проблемы, а не многодетной матери.

Едва Дарящая Безумие сунула куклу в лапы бельчонку, как тот метко отправил пупса в новый полет.

У белки задергался глаз.

– Неужели некому с ними посидеть?

– С ними, - при этих словах рыжая привычно, рефлекторно цапнула попытавшегося самоубиться бельчонка, который едва не вывалился из коляски, – посидеть нельзя. Только поседеть. Зато с гарантией и сразу на всю голову. Как мои свекор со свекровью … – Эйта дернула мордочкой в сторону наследников, втиснула неудачливого прыгуна к остальным, оборвав сама себя. Но потом собралась с мыслями и продолжила: – Теперь эти демоновы родственнички решили, что внуков любят, очень любят, но на расстоянии.

– Вытянутой руки? - наивно уточнила Хель, имея в виду мокрые пеленки, которые могли обмарать бабушку и дедушку, испортив тем впечатление о воспитанности наследников.

– Бездны, - мрачно припечатала Эйта. – Теперь они только советы дают по воспитанию. Дистанционно.

Смерть недоверчиво и теперь с куда большим уважением и опаской посмотрела на ходящую ходуном детскую коляску. Ей даже почудилось, что в недрах этой новой сверхмодной люльки, по бокам которой были высечены скалящие клыки упыри, твари Бездны, зомби и волколаки, сидят не симпатичные бельчата, а минимум всадники апокалипсиса. Только они пока ясельного возраста. Но, как говорится, все впереди.

Хель почесала острым навершием косы свой черный балахон и с сомнением произнесла:

– Эйта, скажи мне, ЧТО нужно сотворить, чтобы два высших исчадия Мрака, пережившие Великий Прорыв, укротившие не одно восстание тварей истинной Тьмы, поседели?

– Конкретно мне – поддаться на уговоры одного инкуба и выйти замуж… – Белка решительно схватилась лапами за ручку коляски и затрясла ее, то ли укачивая свой шумный выводок, то ли взбивая его, будто пахтала масло. Судя по всему, второе, потому как шебутная мелочь, на манер сливочных сгустков, опала на дно люльки и, главное, на пару секунд затихла.

– А я тебе ещё у алтаря в качестве свадебного подарка предлагала убить его тихо и по-быстрому, – напомнила Смерть. - А что? Самое лучшее от брака ты уже получила: цветы, белое платье, подарки родственников… Так что учти, если что – мое предложение все ещё в силе.

– Ну уж нет! Пусть мучается! Тем более он пока не нашел места, куда мы всей семьей смогли бы переехать.

– А как насчет твоей родни? – с сомнением вопросила Хель.

– Ты что?! Я не могу допустить, чтобы мои крошки росли в такой ужасной атмосфере, – тут же возмутилась белка и ударила себя лапой в пушистую грудку, произнеся на одном дыхании: – Яжмать!

Видимо, стукнула сама себя Эйта в порыве чувств столь сильно, что сбила дыхание и закашлялась. Впрочем, это не помешало ей цыкнуть на одного из бельчат, который в захвате хвостом начал душить своего собрата.

– Стоит заметить, что ты сама в этой самой атмосфере прекрасно выросла…

– Тебе напомнить, как мой брат, Голод, вечно пытался меня сожрать, сестричка Война – укокошить, а Мор – подсунуть какую-нибудь дрянь…

– Вообще-то именно Мор нас и познакомил, - так, ни на что не намекая, напомнила Хель.

– Угу, он тогда пытался произвести на тебя впечатление и готов был на все, чтобы ты обратила на него внимание.

– Я не настолько сошла с ума, чтобы встречаться с ним.

– Вот и он так же говорил и решил, что сестра – Дарящая безумие – это хорошо, удобно, а главное – можно сэкономить на авансе, - мечтательно протянула Эйта, вспомнив, как они с Хель пропили тот самый задаток. Знатный был самогон. И компания Лавронса – тоже ничего. – Кстати, а как ты моего братца все-таки от себя отвадила?

– Сказала, что я буду верна ему до гробовой доски. Его гробовой доски. Этого оказалось достаточно, чтобы Мор утратил ко мне интерес.

Именно в этот момент воздух перед Хель и Эйтой заклубился и на парковой дорожке соткался невероятно счастливый однорогий инкуб.

– Моя невозможная гадостная прелесть! – распахнув объятья, воскликнул он, ринувшись к рыжей супруге. Но дети оказались быстрее. В едином порыве выпрыгнув из коляски, они повисли на любимом отце, как шишки на елке.

– Папа! Папочка появился! Папа! – многоголосый писк разнесся по всей округе.

– Ну вот, рожаешь их, мучаешься, кормишь, хвосты чистишь, а они – «папа-папа», – Эйта проворчала в усы, впрочем, скорее для порядка.

– Я нашел для нас удивительное место. Усадьба на берегу моря, где наши детки будут чувствовать себя привольно и хорошо…

– И где? - полюбопытствовала белочка.

– Северный удел Темных. За Пижанскими лесами. Кстати, в них такие нажористые вурдалаки водятся, что ух! – воодушевленно вещал инкуб. – Только от хозяина надо избавиться. Сведем его быстренько с ума и заживем…

К слову, Аррмоятрий был самым неправильным инкубом из всех, которых знал Мрак. Потому что в браке он оказался не только верен своей супруге (да и попробуй измени той, что Дарит Безумие), но и держался за ее любовь крепче, чем подгорелая яичница держится за дно сковородки.

– Постой… – протянула Хель. - Это не удел ли Хозяина Бурь ты имеешь в виду?

– Его… – слегка озадачился инкуб. - А что?

– Знаешь, не хотелось бы тебя огорчать, но Дроккрина Стоуна, темного экзорциста, которой и владеет этими землями, свести с ума не проще, чем ледяную глыбу.

– А ты-то откуда знаешь? – подозрительно уточнил инкуб тоном «дорогая, я терплю твою подругу только ради тебя».

– Я его убить пыталась. Больше дюжины раз! А он жив-живехонек, гад снежный. – С этими словами Хель метко сплюнула под ноги, убив тем спешившую по дорожке сколопендру.

– М-да… – Эйта почесала затылок, созерцая, как дети вдохновленно пытаются отломать

единственный папин рог. Инкуб стоически терпел. - Ну значит, сначала потренируюсь на его жене, а потом и его самого сведу в лабиринты безумия…

– А вот с женами у Дроккрина туго, - перебила белку Хель, явно воспрянув духом. - Точнее, даже не с женами, а с невестами.

– Осаждают? – участливо поинтересовался демон.

– Наоборот… Как брусчатка на центральной площади Йонля, - туманно намекнула Хель и, видя недоуменный взгляд беличье-демонова семейства, пояснила: – Не приживаются они. Отвергает их земля северная…

– Мрут, что ли? - понятливо уточнила Эйта.

– В основном – да, - гордо отозвалась Хель тоном того, кто приложил к этому делу и костлявую руку, и косу жнеца душ, и много чего еще. - А новому Хозяину Бурь до исхода этого года обязательно нужно жениться. Хоть убейся, но если ты стал главой северного удела и не успел к тому моменту обзавестись супругой, то будь добр в ближайшее время отловить какую-нибудь темную и прогуляться с ней к алтарю. Таков закон.

– Не слышал о подобном обычае … – отдирая от уха очередного своего отпрыска, невозмутимо произнес инкуб.

– Тю! Тьма ты демонская, необразованная! – фыркнула Смерть. - Еще скажи, что и о Дикой охоте ничего не слышал в своем Мраке?! И не знаешь ничего о Всадниках, что мчатся сквозь снежную равнину, отнимая жизни и нагло воруя души умерших?! Между прочим, мои души, законные, умыкая! – возмутилась Хель. - Издавна противостоял этой своре Хозяин Бурь. И противолежал тоже, если умирал в битве. Но потом в роду шустро выбирали нового Хозяина Бурь и… В общем, ещё лет сто назад род Стоунов как по расписанию отбивал эти набеги. А потом отец Дроккрина умудрился заключить с всадниками Дикой охоты мирный договор…

– А женитьба-то тут при чем?

– Да при том самом, что эти наездники признают только свои обычаи. А по ним у вождя должна быть жена. Живая. И если хёдвиг не может свою супружницу от смерти уберечь, то под силу ли ему за целый народ постоять? Правильно, не факт. А значит, такого главу не грех и пришибить. А его народ – поработить.

– Так ему жена для статуса нужна, как императору светлых земель – корона на затылке?

– Ну да, - пожала плечами Хель.

– А если супруги к исходу года так и не сыщется?

– То, скорее всего, в этот раз всадники не станут садиться за стол с новым Хозяином Бурь, а поднимут мечи. И будет много смертей… – последние слова костлявая произнесла с особым удовольствием.

– А потом? - уточнила Эйта.

– А потом к кому-то приду в гости я. Хотелось бы к Дроккрину. Уж больно он меня достал, зараза. Живучий, что сил моих дамских на него уже нет!

– А что, его удел настолько хорош? – прикидывая что-то в уме, спросила Эйта.

– Для наших деточек, - с любовью в голосе произнес демон, отцепляя от себя бельчат и выпуская их в шуршащую осеннюю листву, – идеален. Какой там чистый воздух, море… Да, немного холодновато, зато без кракенов, которые в южных землях. К тому же водичка бодрит. Опять же закаливание. Ни восстаний вшивых заключенных, ни блохастых пиратов... Помнишь, как после той шхуны, которую потопил наш малютка, пришлось у Хаосика паразитов вычёсывать. Подцепил малыш у кого-то из этих оборванцев. Да что там разбойники – там даже трупов мало! Потому как пришлые туда не суются, а местных – немного. Зато люди не сидят на головах друг у друга, как в столицах... Если что, их численность успешно регулирует пижанская нежить. В общем, благодать, тишина и спокойствие…

– Хель, а что, если нам с тобой поспособствовать тому, чтобы этот… как его там... ну нынешний хозяин нашего будущего удела напоролся на мечи Всадников Дикой Охоты. Они ведь наверняка, как его укокошат, не останутся в замке. Перебьют всех, награбят и ускачут…Они ведь вольное племя… А нам, для деточек, останутся чудесные земли… – глядя на резвящихся в золотисто-охровом опаде бельчат, умильно произнесла Эйта и мечтательно добавила: – И главное, никаких родственничков.

– До исхода года осталась всего пара седмиц. Скоро первый снег. А с ним и всадники Дикой Охоты, – в голосе Смерти прозвучало предвкушение, без слов говорившее: Дроккрин уже труп, впрочем, как и любая его потенциальная невеста. Ведь нет силы страшнее и опаснее, чем мать, желающая добра своим чадам.

ГЛАВА 1

– Помогите! Чести лишают! – крикнула я, напрочь лишившись совести. Самостоятельно лишившись. Давно и прочно.

Руками взбила волосы, чтобы придать себе помятый вид. Ибо лэр самостоятельно приставать ко мне категорически не желал. Даже отошел на пару шагов, не иначе как опасался контузии от звуковой волны. Чернильная темнота комнаты практически скрыла его.

Вопила я во всю силу своих легких, стараясь на благо будущего семейного счастья лэриссы Викар. На что только не пойдет девушка, чтобы выйти замуж?! А уж ее две младшие сестры, дабы отправить старшую под венец … Даже скинутся на скандал.

Его-то я сейчас и организовывала. Да как! С размахом. Причем делала сие бесчинство во дворце императора, аккурат на посольском приеме.

– До этого момента я даже и не думал прикасаться к вам, – раздался из темноты чуть насмешливый бархатный баритон.

– А сейчас – уже хотите? - сбавив громкость, деловито уточнила я, отступая к козетке. Чисто из чувства самосохранения отступая. Так, на всякий случай, если в меня захотят кинуть ядреным ругательством, или стулом, или пульсаром. Кто этих благородных аристократов знает. А все потому, что не ведают они своего будущего счастья, поэтому так и реагируют!

– Да, но только не взять силой, а убить, если вы не прекратите орать, - в голосе собеседника послышалась сталь.

– Даже если вы будете меня душить, я все равно буду кричать, что лишают чести, а не жизни, – честно предупредила я и добавила: – Так что постойте смирно, не мешайте мне вас компрометировать.

– Вообще-то, обычно порочат репутацию лэрисс, а не наоборот, – холодно заметил будущий супруг Аниты Викар, под чьей личной я сейчас и актерствовала.

– Чья есть, ту и порочу, - фыркнула я.

Моим словам вторил топот ног. По коридору явно спешила толпа. Пока ещё она была далеко, но с каждым мигом приближалась. Ну вот, сейчас все и закончится. Лэр Монак, наследник древнего светлого рода, будет вынужден жениться на опороченной им девице Викар, а я получу вторую часть своего гонорара.

В этот момент в руке будущего жениха вспыхнуло ядовито-зеленое пламя, озарив неровным светом собеседника. И я поняла: вышла промашечка. У светлого мага-стихийника Винора Нормирского как минимум были рыжие волосы и янтарные глаза. Стоявший же передо мной тип был светло-русым. Настолько светло, что почти блондин. Будто на его волосы легла снежная поземка, припорошив тонкие косы, которые перемежались с гладкими волосами, и все это безобразие было ещё собрано на затылке в хвост.

– Твою ж Бездну, – вырвалось у меня любимое ругательство моей няни…

– Отрадно видеть перед собой темную соплеменницу, - меж тем усмехнулся этот недожених, превратно поняв мою географическую оценку ситуации. Интересно, если бы я дала анатомическую характеристику тому, куда угодила, то он бы принял меня за целителя?

– Вы обознались, – на чистом глазу заявила я. – Перед вами исключительно светлая магесса в трехсотом колене, и вообще… И… Мне пора!

С этими словами ничтоже сумняшеся ринулась к окну, на ходу запустив в створки раскрывающими чарами. У организатора семейного счастья всегда должен быть запасной план. Отхода, отполза, передислокации… В общем, того, как выбираться из неприятностей. Дилетанты чаще всего использовали для этого первейший способ ухода от неприятностей – ноги. Но я, как истинная дочь семейства Флейм, не мелочилась. У меня на стреме лежала верная метла!

Высунулась в чернильный холод ночи по пояс, свистнув на ультразвуке. Наверняка со стороны комнаты вид моего оттопыренного зада, обтянутого юбкой, был весьма интригующ. Ну да плевать. Убедившись, что моя летунья услышала зов, я вскочила уже ногами на подоконник.

Топот в коридоре был совсем рядом. Обернулась, выпрямившись в полный рост, и поймала на себе заинтригованный взгляд темного. Его рот чуть скривился в легкой усмешке, словно он ждал. Впрочем, ждал с умеренным интересом, чем же все закончится.

Я деловито отряхнула подол и выдала:

– Лэр, вы опозорили меня. Я не могу этого вынести, – вместо прощания произнесла с надрывом.

Судя по тому, как поморщился этот белый северный лис, с патетикой я перестаралась. Трагизму переложила. Сильно так. Как моя сестричка Брукс, у которой был удивительный дар превращения. Нет, не свинца в золото. Увы. А простых безобидных заклинаний в очередной конец света под лозунгом: «Спасайся, кто может!» А все оттого, что она тоже перекладывала. Правда, не эмоциональной возвышенности в прощальные речи, а сил в свои плетения. Так что… это у нас семейное – добавлять с избытком.

– Лэрисса, слезайте с подоконника, - процедил меж тем маг. – На улице холодно. Вы выстудите комнату.

Я про себя фыркнула. Какой, однако, неделикатный темный. Ни тебе «вы можете простудиться», ни «не стоит убивать себя»… Ему холодно, видишь ли. И все! Какой неженка. Подумаешь, на улице месяц санного первопутка. Не снежень же! С сугробами. Так, первый снежок всего лишь летит. Хлопьями. В лицо. Наотмашь. Но первый же!

Топот ног тех, кто, услышав призывы о помощи, ринулся спасать чью-то честь, сменился резким толчком в дверь. К слову, оная была запечатана лично мной, чтобы компрометируемый стихийник не сбежал раньше времени. А то будущие женихи – они такие… Могут и удрать, если не уследишь. Прямо как кэльпи с привязи.

– Прощайте, развратник! – с этими словами я прыгнула вниз. И судя по тому, что в последний момент в мою сторону полетел ловчий аркан, темный все же не рассчитывал, что я решусь во всех этих кринолинах выпасть с четвертого этажа.

Причем, паразит, как точно его кинул – еле увернулась! Ну как увернулась... Он поймал меня за юбку. Основательно так. Пришлось полоснуть по парчовой ткани, которую подцепили удерживающие нити, режущим заклинанием, чтобы отстал. Хотелось бы, конечно, по самому темному аркану, но он оказался до гадства прочным.

А потом я наконец-то рухнула на метлу, которая услужливо ждала меня, зависнув аккурат чуть ниже окна. И неважно, что оседлала я ее задом наперед, вцепившись руками в прутья веника. Это не помешало мне молниеносно дать деру. Правда, за угол я завернуть бы не успела. Зато описать полумесяц вокруг раскрытой створки так, чтобы меня не увидели в оконный проем, и зависнуть уже между четвертым и пятым этажами – вполне.

Я даже умудрилась лицезреть светлую макушку этого северного лиса, когда он перегнулся через подоконник с половиной моей юбки в руках. Видимо, искал внизу мое распластанное на брусчатке тело. Увы, долго рассматривать ночную дворцовую площадь ему не дали.

Судя по звукам, дверь в комнату блюстители девичьей чести все же выбили. На миг воцарилась тишина. Вязкая такая, предскандальная.

– Лэр Дроккрин, потрудитесь объяснить, что здесь произошло? И кто кричал? - Властный, чуть надтреснутый голос было отлично слышно за пределами комнаты. Мне, зависшей над окном и сверкающей на всю округу батистовыми панталонами, сидя задом наперед на метле, - так точно.

Увы, я лично не знала обладателя баритона, но в красках могла представить ввалившуюся в комнату толпу, в которой в обязательном порядке должен быть и глава семейства Викар. Того самого, старшую девицу из которого я почти пристроила, если бы не эта досадная путаница с кандидатом в мужья.

Но ведь следящий маячок, который я нацепила на стихийника, точно вел сюда. Нахмурилась, пытаясь понять, где же я просчиталась…

Меж тем события в комнате набирали обороты. А я узнала кое-что новое о психологии темных. В частности то, что неподготовленному приличному светлому магу после общения с сыном тьмы нужен будет либо лекарь душ, либо костоправ, либо баночка для яда, чтобы оный туда сцедить. Это уж как повезет. В данном случае, судя по всему, мои спасители обойдутся всего лишь нервным тиком. Еще бы, так изощренно издеваться – это исключительно в духе темных.

– Кричал я, – невозмутимо, явно насмешничая, начал этот северный лис.

– Женским голосом? - справедливо усомнился кто-то.

– Не женским, а высоким. Просто я увидел мышь. А я, знаете ли, грызунов не переношу с детства…

После этих его слов я убедилась: ну точно лис! Матерый такой.

– И поэтому вопили о поруганной чести? - ехидно осведомился кто-то другой.

– Да, мышь была большая, белая и о-о-о-очень наглая. Наверное, бешенная какая-нибудь. Сбежала из вивария на дворцовое приволье, - уверенно подтвердил темный.

Вот почему мне показалось, что заявил он это не для собравшегося в комнате кворума, а для одной конкретной меня? И почему этот тип так уверен, что я подслушиваю, а не удрала в далекую снежную лепню?

– Во дворце нет мышей! – возразил ещё чей-то писклявый голос.

Я про себя хмыкнула: интересно, сколько же там зрителей собралось? Судя по голосам, на инквизиторский костер и то меньше народу поучаствовать и поглазеть приходит. Вот уж не думала, что во дворце столько защитников нравственности. Правда, если учесть, что они же зачастую и любители пикантных скандалов, то…

– Вы уверены? - ироничным тоном некроманта, из серии «все как всегда: я, полночь, кладбище и трупы», уточнил темный. С намеком так уточнил: дескать, попробуйте доказать обратное, господа хорошие.

– Ну… может, и есть, - стушевался писклявый. – Но точно простые, не белобрысые!

«Я тебе покажу белобрысую!» – подумалось зло. Между прочим, я пшенично-золотистая. Даже чуть с рыжинкой. А никакая не бледная белесая немочь!

– А почему у вас открыто окно? – заинтересовался тенор, и тут же подо мной на улицу высунулась чья-то лысая макушка. Почтенный лэр уставился вниз, видимо, ища женское тело.

– Чего вы там высматриваете? – напоказ заинтересовался темный.

– Ничего, - буркнул лысый лэр, хотя, судя по всему, честно хотел ответить «труп».

А затем створки закрылись, отрезав меня от весьма занимательной беседы. А жаль…

Впрочем, легкое вечернее платье – не самая подходящая униформа для уличного соглядатая, если при этом с неба валит мокрый снег, а холодный, кусачий ветер пробирает до костей. Так и замерзнуть недолго. А зачем мне эти шпионские производственные риски? Нет уж, я скромный почти водный маг, а не агент разведки. И мне мое здоровье ещё пригодится. К тому же самое интересное я уже подслушала.

Именно с такими мыслями я плавно тронула прутья метлы и облетела вокруг здания. Нашла симпатичный балкончик, на который и приземлилась. Спешившись с метлы, оправила юбки (точнее, то, что от них осталось) и аккуратно прислонила свою летунью к стене. А затем внимательнейшим образом присмотрелась к прозрачному пологу, отделявшему комнату от, собственно, балкона. К слову, последний был не только изыском архитектуры, но и, судя по всему, взлетной площадкой для драконов, да и для магов вроде меня, предпочитающих метлы летным лодкам и парящим паланкинам.

Уверенно сделала несколько шагов и… вписалась лбом в преграду. Да чтоб тебя! Понаставили тут защиты от честных авантюристок. Потерла лоб, разглядывая пленку, переливавшуюся в свете лун, как бок мыльного пузыря. Похоже, пройти через преграду вовне мог любой, а вот войти в комнату…

Но, как говорится, в жизни нет непреодолимых преград, есть те, у кого мало упорства для того, чтобы пробить тоннели. А упертос… пардон, целеустремленности у меня было – хоть в займы гномам давай.

Я отошла, размяла пальцы и приготовилась приобщиться к тонкому искусству взлома – наколдовала себе увесистый ломик. А что? Это отличное универсальное средство, которое не раз выручало меня.

Так при сдаче экзаменов, когда я вытянула билет по ликвидации малой болотной льерны, он оказался гораздо действеннее любых сложных плетений. Тогда эту тварь не брало ни одно из заклинаний седьмого порядка. А ломик – взял! Правда, спикировал он на тварюшку аккурат с небесной выси и проломил череп… Но сработал же! Хотя магистр Линк такого оригинального использования бытового заклинания в боевых целях не оценил и влепил в ведомости «посредственно».

К тому же лом – замечательный аргумент в интеллектуальном диспуте с ночными татями… Убедительнее – только пульсар! Вот только боюсь, что если я шарахну огненным сгустком, то ещё не факт, что рухнет именно преграда, а не я с балкончика. Отдача – она ведь разной бывает. Так что ломик. Однозначно.

Вот только сегодня он меня подвел: несколько ударов о преграду – и она вместо того, чтобы осыпаться крошкой, затвердела, став абсолютно непрозрачной. М-да… Охранные заклятия во дворце не чета запирающим чарам в захолустном трактире, с наскока не возьмешь. А на прием попасть все же нужно. И желательно – не с парадного входа. И не то чтобы меня смущало пройти второй раз во дворец мимо тех же швейцаров и церемониймейстера… Но велика вероятность, что с нынешним внешним видом меня могут попросту не пустить.

Остается черный вход или… Кто сказал, что наглость – второе счастье!? Нагло врут! Первое! Спустя несколько мгновений я вновь оседлала метелку и как ни в чем не бывало подлетела к запертому окну. Тому самому, из которого выпала. Заглянула, убедившись, что комнату покинула делегация светлых. Темный, тот самый, северный лис, как раз наклонился и достал из-под диванчика подол моего платья. Видимо, туда он закинул его перед тем, как была выломана дверь.

Я оценила его предусмотрительность. Сдается, не первый (и даже не сто первый!) раз он попал в щекотливую ситуацию, если так быстро умел заметать следы. Хотя… это же темный! Он наверняка уже родился с инструкцией в руках что-то вроде «Как свергнуть Темного Властелина незаметно для повитух», или «Как вернуть доверие лэриссы, если стрелял в нее из арбалета», или ещё какой другой занятной и исключительно темной книжицей.

Да и какая мне в сущности разница? Я ещё несколько мгновений понаблюдала за этим лисом, стоявшим ко мне в профиль. Высокий. Широкоплечий. Поджарый. Бронзовая кожа, волевой, упрямый подбородок, длинные волосы, среди которых было несколько мелких косичек, собранных в хвост. При взгляде на него на ум приходило лишь одно определение – опасный. Как клинок из иллирийской стали, что красив, пока покоится в ножнах. Но стоит его достать…

И именно это я и собралась сейчас сделать. Правда, фигурально. Мои костяшки коснулись стекла. Стук заставил темного обернуться.

Наши взгляды на миг встретились, и я увидела, как он нехорошо прищурился. В глубине его карих глаз вспыхнуло раздражение. А спустя несколько вздохов створки окна открылись и прозвучало ожидаемое:

– Опять вы? – и столько в его голосе было обещания всего и сразу. Всего – убийственного, и сразу – смертельного, так, чтобы навылет. А мне хотелось наоборот – ничего и по капле.

– Да, я, - попыталась придать тону невинность в духе: ну подумаешь, сущий пустяк случился. С каждой девушкой такое может произойти. - Понимаете, я передумала и решила вернуться.

– Передумали умирать и, игнорируя законы логики, а заодно и тяготения, вернулись с половины полета? - иронично уточнил этот лис.

– Ну да… – выдала я фразу, после которой любой светлый сразу бы понял, что до этого разговора он ничего не понимал в жизни. Светлый. Не темный.

Этот же лис усмехнулся и, вторя мне, протянул:

– Ну да, ну да… – Он сделал паузу и светским тоном поинтересовался: – Лэрисса, белая в трехсотом колене, все же определенно у вас триста первый предок был минимум из сумеречных земель, но вероятнее всего – сразу из самых глубин Бездны. – И он так прошелся по моей фигуре взглядом, что мне сразу захотелось оглянуться, чтобы посмотреть за спиной, кто я есть на самом деле.

Я поморщилась: и этот на гены намекает, гад. А это, между прочим, моя больная мозоль! Я скрипнула зубами и… залетела прямо в комнату. Спрыгнула на ковер и подошла к сыну Мрака. Надо же. А он ещё выше, чем я предполагала: моя макушка была ему чуть выше плеча.

– Спасибо, что подержали, - с этими словами потянулась к куску своей юбки, которую все так же держал в руках этот северный лис.

– Держат девственниц на алтаре. И то в колодках, чтобы не сбежали, – столь мрачным тоном начал темный, что я, как истинная светлая, должна была бы испугаться, проникнуться или хотя бы упасть в обморок для приличия.

Увы. Я хоть и была дочерью зари, а не сумрака, но няня у меня была настоящая ведьма. А все потому, что в семействе Флейм на выданье росли аж семь девиц. Нет, не так. СЕМЬ ЮНЫХ МАГИЧЕК! Шустрых, сообразительных, любознательных, и каждая – с характером разрывного пульсара, и неважно, что по магии все (ну хорошо, почти все) водницы.

Надо ли говорить, что гувернантки и воспитательницы сбегали от нас, не дожидаясь выплаты месячного жалования. Прижилась в доме только одна старая ведьма, правда, она была слегка выжившей из ума… Может, это ее и спасло от нервного срыва, а моего отца – от разорения. Ибо она согласилась работать у нас за умеренную плату. Но поскольку никакого диплома и образования

(кроме россыпи бородавок на подбородке) у нее не было, то на должность бонны ведьма По и не претендовала. Все ее звали нянюшкой. Соседи на это крутили пальцем у виска, называя отца психом, допустившим к родным деткам исчадье тьмы… Но, как оказалось, только истинная ведьма могла справиться с чудесными деточками – светлыми магами – и при этом выжить. Посему у меня к темным была невосприимчивость.

– Мы, чтобы не сбежали, тоже чернокнижников к столбу привязываем. А то сыны Мрака так и норовят удрать с инквизиторского костра. А дланники ведь о них, темных невежах, заботятся, согреть хотят, – с этими словами я дернула кусок парчи на себя. И даже вырвала. Почти весь.

В пальцах лиса остался жалкий клочок.

Приложила трофей к юбке, срастила ткань так, что прореха стала почти незаметной. Выпрямилась, поправила наряд и, щелкнув пальцами, совершила пасс рукой, отправив метлу обратно на улицу. Мало ли откуда ещё придется падать. И все это время не покидало чувство, что этот лис меня изучает. Словно портной, который снимает мерку на саван.

Впрочем, под конец решила проявить вежливость.

– Лэр… – сделала паузу, давая ему возможность представиться.

– Дроккрин Стоун, темный экзорцист, Хозяин Бурь, – он произнес это буднично.

А я поняла: влипла. Меня угораздило нарваться не просто на темного, а на главу дипломатической миссии. Но я постаралась не подать виду и продолжила:

– Лэр Дроккрин, прошу прощения, вышла небольшая неувязка. Я вас перепутала с другим почтенным магом.

– За которого вы страстно желаете выйти замуж? Настолько, что не побоялись опорочить свою кристально-чистую репутацию? – Мне стало обидно от прозвучавшей меж слов насмешки. Да что понимает этот темный в светлых браках! И в долгах, которых у нашей семьи больше, чем мышей в овине.

– Ничего личного. Просто открылся брачный сезон. – Я пожала плечами и наконец покинула комнату.

Меня ждал неуловимый стихийник, Винор Нормирский. И теперь он точно не ускользнет от брака!

Но, как выяснилось спустя несколько ударов колокола, будущий счастливый супруг девицы Викар был неуловим. За это время я успела облазить дворец вдоль и поперек, изрядно выбесить стражу, уже начавшую сверлить мне лопатки подозрительными взглядами, и организовать даже пару дамских истерик и один мужской обморок.

В последнем случае у лэра оказалась слишком тонкая душевная организация. С такой не по темным углам замужних красавиц зажимать, а валериану пить. Литрами. Настоянную на чистейшем гномьем самогоне. Впрочем, в том аптекарском рецепте корни лекарственного растения были не обязательным компонентом. Главное, чтобы первач был крепким и чистым, как слеза невинного дракона.

В общем, обморочному придворному нужно было что-то сделать со своими нервами. Пока же он сделал лишь неудобство своей возлюбленной, свалившись на нее кулем со словами: «Ваш муж нашел нас и убьет…»

Она охнула, зашипев от свалившегося на нее бессознательного «счастья». Я же поспешила ретироваться со словами:

– Извините, обозналась. Это не мой супруг. Продолжайте разврат. - И задернула портьеру алькова.

М-да…эффектненько я своим появлением сразила горе-любовника, прямо наповал. Жаль, что не на пол.

Меж тем возня за занавесью стихла. Зато послышался глухой удар, какой бывает, когда неспелая тыква встречается с полом. Видимо, лэрисса не вынесла размеров «подарка судьбы» и решила его попросту с себя скинуть. «А теперь и на пол», - успела я подумать перед тем, как ткань портьеры приоткрылась и рядом со мной очутилась та самая лэрисса, которая ещё недавно была страстно целуемой слабонервным смазливым аристократом.

– Какие любовники нервные пошли, – посетовала как ни в чем не бывало красотка, оправляя рукав. – На балу они хотят. В темноте алькова – могут. Но стоит только приготовиться получать удовольствие, как демон их дергает спросить о том, кто мой супруг! А едва узнают, тут же пытаются

удрать либо резко вспоминают о своем целибате, обете верности или о том, что стали евнухами ещё во отрочестве или должны вот-вот принять постриг в монастыре…

– Женском? – уточнила я.

– Если бы! Лишь этот оказался достаточно смелым, – кивок на портьеру, - чтобы продолжить. Я уже обрадовалась и… опять мимо… – печально вздохнула лэрисса и деловито, я бы даже сказала, целеустремленно, добавила: – Такими темпами я мужу до утра не изменю.

– А обязательно надо? - посочувствовала я.

Вот ведь, оказывается, не одна я такая… с невыполненным планом на вечер. Во дворце сегодня был грандиозный прием в честь посольства из Темных земель. Дипломаты обсуждали политику, торговцы первой гильдии – договоры. Девушки стирали туфельки, кружа в танцах. Кокетки флиртовали. Кавалеры ждали своей очереди из бальной книжки. Интриганы подстраивали козни. А кто-то вот пытался организовать свадьбу или, в случае мой собеседницы, рога супругу. Но, судя по ее везению, то ли кальция в организме ее мужа было мало, что они отказывались расти, то ли власти, положения и авторитета слишком много.

– Из принципа! Если он не хочет быть мне мужем и спутником, я найду и без него, кому отдать супружеский долг! – фыркнула она. - Мой благоверный оставил меня в разгар вечера одну, заявив, что сегодня отличная ночь для полетов.

– Он дракон? – Я нахмурилась, начиная понимать, почему несостоявшийся любовник превентивно грохнулся в обморок.

– Хуже. Он игрок. И его страсть – ставки. А сегодня как раз должна быть какая-то важная гонка на метлах. В общем, муж променял меня на неких Шторма и Крюка.

– Шторма? - недоверчиво переспросила я, кажется начиная догадываться, куда исчез стихийник. Потому что именно таковым, шквальным, было прозвище Винора Нормирского меж его друзей.

Сегодня же была такая ночь, когда в совпадения верилось слабо. Настолько слабо, что совсем нет.

– Так, мне нужен адрес этого залета… – засучивая рукава, начала я.

– Тоже ставку сделать? – неприязненно скривилась аристократка, видимо приняв меня за одержимую азартом.

– Нет. Намылить кое-кому шею, устроить головомойку, промыть мозги… В общем, организовать банный день! Точнее, ночь. Но по высшему классу, чтоб один гад запарился и на всю жизнь запомнил…

«Как от оплаченного вскладчину семейного счастья удирать», – добавила я про себя. Красотка же, видимо, уловила в моей фразе что-то глубоко личное, потому как с готовностью отозвалась:

– Старт у «Мокрой иглы» в полночь.

– Спасибо! – крикнула, уже разворачиваясь на каблуках.

Надо ли говорить, что у башни погодников, над которой вечно висели то дождевые, то снежные тучи, я оказалась не просто быстро, а очень быстро. Но как я ни спешила, гонка уже успела начаться. И не только начаться, но и близилась к завершению. Среди шпилей зданий даже успели показаться две фигуры, подсвеченные магическим сиянием.

Толпа, в которой были и богатеи во фраках, и беднота из рабочих кварталов, бурлила. Слышались выкрики, делались последние ставки. Холодный осенний воздух звенел от напряжения. Было жарко от азарта, который бурлил в крови болельщиков.

– Шторм! Мать твою за ногу! Жми давай!

– Едрит тебя через плечо, Коготь, ты маг или баба на сносях, - орала рядом со мной… какая-то, собственно, глубоко беременная особа в картузе с обломанным козырьком, грозя небу кулаком.

А там, среди снега и туч, на нас неслись двое летунов. Причем неслись, не думая тормозить. Они шли вровень. Буквально черен в черен. Два психа. Один – рыжий, второй – темный. И для каждого из них победить было важнее, чем не убиться. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось. Когда оба эти… придурк… альтернативно одаренных мага ушли в крутое пике и лишь у самой брусчатки, задрав черены метел так, что древки затрещали, выровняли их. Гонщики выправили метлы в каких-то паре локтей от мостовой, не иначе как чудом не превратившись в два настолько отбитых трупа, что даже некроманты были бы бессильны. Хотя они и без удара об землю были отбитыми. Правда, на голову. Летать по ночной столице. Да не над кварталом лебеды или

ситным, где больше все же общественные лодки в небе, а паланкинов и метел мало, а почти в центре Йоноля, где врезаться на лету – запросто… И куда только каратели смотрят?..

Судя по всему, маги правопорядка именно на этих двух и взирали. И как только гонщики приземлились, дали о себе знать. Шторм не успел даже насладиться победой, как толпа, заслышав звуки усиленного чарами голоса, повелевшего «оставаться на своих местах», тут же поступила в корне наоборот – пришла в усиленное движение. Ну прямо как тараканы, завидевшие карающий тапок правосудия. Я свою метлу в людскую гущу не потащила. О чем теперь жалела. Не хотелось бы посылать с почтовым воробьем записку отцу или сестрам в духе: «Заберите меня, пожалуйста, из гостей, а то я тут засиделась…» И далее указание адреса отдела.

И тут я увидела рыжую макушку стихийника. Это судьба!

Я протолкнулась к нему в тот момент, когда он уже готов был рвануть ввысь на своей метле. Я, не медля, в последний миг запрыгнула ему сзади, отчего черен, уже зависший в воздухе, чуть нырнул вниз.

– Какого… – начал было Шторм и оглянулся через плечо. Увидев мое лицо, он оборвал сам себя восклицанием: – Ты? Опять?! – И столько возмущения, будто не девушка его за плечи обняла (ну хорошо, вцепилась – дракон зубами не оттащит), а заклятый кровник.

– Я, не я… Что ты вопишь, как выдернутая из земли мандрагора? Ходу давай! – с этими словами мои ногти вонзились в его плечи, так что матюги в адрес одной наглой беспардонной особы, которая маниакально преследует его больше полугода, были вполне обоснованы.

Я тоже зашипела. Только от возмущения. Девицы Викар при заключении сделки и словом не обмолвились об этом нюансище. Ну получат они у меня неустойку!!!

Меж тем метла взмыла в небо, унося нас от законников. А я кровожадно подумала: все, попался. Теперь я просто уверена, что стихийник скинул ее на того темного нарочно. Теперь он если и скинет, то только меня. Целиком. Вместе с собой. Я не малахольная девица Викар, которая за полгода не могла его довести до алтаря! Я вон за одну ночь его довела. Правда, пока до бешенства. Но, как говорится, все впереди!

И уж если я взялась за дело, то непременно доведу его до конца. А до брачного или заупокойного – это уж как получится.

– Викар, а ты знаешь правило ночных гонщиков? – со злорадством крикнул стихийник. И его слова хлестнули не хуже ударов стылого осеннего ветра.

– Какое? - задала я вопрос самым наивным тоном, на который была способна в условиях погони. Ибо об этих самых негласных правилах как раз знала. И даже больше: я на них рассчитывала.

– Если девушка села на метлу гонщика, значит, она готова провести с ним ночь любви, – просветил меня этот стихийник.

Я про себя даже оценила деликатность его формулировок. Сестричка Эмма выразилась в свое время гораздо лаконичнее: села – дала. Но было и второе правило…

Оно гласило: уронил – женился. А что? Испортил девушку, поломал ей руки и ноги, теперь она будет ломать тебе психику. Все по-честному. Конечно, имелась вероятность, что если я камнем ухну вниз, то рыжий сделает вид, что он тут ни при чем. Девушка так, сама, на встречу с мостовой спешила мимо него. Но тогда ему другие гонщики руки при встрече не подадут.

Я приготовилась сигануть, но… Как оказалось, рыжий, несмотря на свой лихой стиль полета, маг ну очень осторожный. Ну прямо как ежик в процессе размножения, которому и хочется, и колется. Потому как ночи любви Винору хотелось, а вот быть женатым – совсем нет.

Именно поэтому я оказалась намертво сцеплена с рыжим удерживающим заклинанием. Да чтоб его! Что за ночь сегодня такая: то темный норовит арканом поймать, то теперь этот самоубиться не дает. Ну никаких условий для работы, честное интриганское!

Но все же я бы была не я, если бы не смогла ослабить плетение. Для этого, правда, пришлось отвлечь рыжего, слегка подпалив хвост метлы. Ну как слегка… Факел вышел знатный. И горел он в небе – далеко видно… Зато это была самая буквальная из возможных иллюстраций ситуации о горящей пятой точке. Нам на след тут же прицепились дознаватели, от которых мы было отстали.

Мы как раз пролетали над крышами домов, впереди маячил шпиль ратуши, а почти пустая общественная лодка, видимо закончив свой маршрут, плыла в небе над улицей. В нее я-то прицельно и прыгнула. А во время полета ещё и проорала что есть мочи:

– Урони-и-и-л! – чтобы, значит, сомнений не осталось, кто виноват.

Правда, сегодня не по плану шло абсолютно все. Потому как кормщик небесного тихохода, завидев летящую на него девицу, то ли решил, что безбилетные пассажирки ему даром не нужны, то ли испугался. Но, так или иначе, сбавил и так небольшую скорость, почти затормозив.

Отчего я едва не разминулась с его лодкой. Повезло, что юбка у меня была пышная. Она-то и нанизалась на острый край киля, напоминавший небольшой шип. В общем, оказалась в подвешенном положении.

– Никак помирать собралась, девка? - Всплеснул руками седой старичок, и я поняла: он просто растерялся. Не каждую ночь ему на голову молодые девицы с неба падают.

– Нет, мне умирать некогда, я замуж почти выхожу, – выдохнула я, болтая в воздухе ногами.

– Да… – достав изо рта трубку, ошарашенно протянул дедок, второй ладонью огладив белую короткую бородку, и добавил: – Вот всегда знал, что мужья женам жить мешают, но чтобы настолько… – гнул свою линию дедок, все ещё полагая, и не без оснований, что несчастный случай тут и рядом не валялся.

Впрочем, на свою лодку он меня затащил. Аккурат перед тем, как над головами пронеслись дознаватели, не обратив особого внимания: ну летит себе пассажирская лодка и летит, правил не нарушает.

Мы же проводили погоню долгим взглядом. Рыжий, уже сбивший пламя, сейчас пытался сбить со следа законников, уносясь прочь из Йоноля на север.

– Господин… – Я обернулась к кормчему, чтобы узнать его имя, и увидела, как он схватился за грудь. – Вам плохо.

– Не-не, все хорошо, - замахал он на меня трубкой, зажатой в ладони. – Пару мгновений подожди. Я только с сердечным приступом договорюсь, чтоб пришел попозже. Он мой старинный знакомый, не первый раз видимся…

Я, не слушая возражений, помогла кормчему сесть удобнее. Сплела заклинание из курса первичной лекарской помощи и… пока помогала своему спасителю, не заметила, как рыжий, скинув с хвоста погоню, прилетел обратно, зависнув рядом с краем лодки.

– А ты неплохо летаешь, Викар, - процедил он, оценивающе пройдясь по моей фигуре взглядом.

Он не добавил «вниз», но его глазам я поняла, что хотел. Причем очень. Даже закралось подозрение, что он вернулся, чтобы убедиться в том, что девица Викар мертва. Но тут случилась неприятность в лице живой и почти невредимой меня.

– Спасибо, сама в шоке от своей живучести, – не удержалась я.

– Я думал,ты пустышка, которая только и умеет, что назойливо кружить вокруг. А у тебя, оказывается, есть и характер,и бесстрашие, и удивительная дерзость…

Комплимент был отчасти грубым, но зато предельно честным и… целиком моим. Потому как Викар действительно показалась мне такой, как сказал рыжий: недалекой и вбившей в голову, что именно этот лэр должен стать ее супругом.

— Ну что, живучая, - гонщик нахмурился, как штормовое море,и, сняв с пальца родовой перстень, протянул его мне со словами: – Я обязан это сказать той, которую уронил, таков негласный закон ночных гонщиков: выйдешь за меня замуж?

Я облегченно выдохнула, услышав заветную фразу. Именно она уничтожила клятву обязательства. Все, я была свободна от заказа девицы Викар. Груз, подспудно давивший, сжимавший в тиски левую руку чуть выше локтя, исчезал, развеиваясь пылью. Метка, незримая для окружающих, но такая явственная для меня. Я была от нее свободна. А не выполни заказа – лишилась бы руки. Весьма ценного органа для мага, привыкшего кастовать заклинания.

– Прям сейчас из лодки выйти? – уточнила ехидно и затем выразительно посмотрела вниз. До мостовой было лететь и лететь. Не то что один – раз пять шею сломать были все шансы.

И пока рыжий проследил за моим взглядом, проворно цапнула предложенное кольцо. Надо отдать гонщику должное: не стал пасовать, пытаться отнекиваться или пользоваться тем, что я могу не знать о законах ночных гонщиков. Хотя… может его, как и меня, связывала клятва?

– В принципе, меня устроит и такой вариант, - правильно поняв мой намек, отозвался рыжий. - Я даже поношу по тебе траур… Мысленно.

– Даже не надейся. Мне дарили борщевик, кормили мухоморами, как-то раз презентовали гадюку в шкатулке вместо ожерелья… Но, как ты видишь, я все еще жива, - лучезарно улыбаясь, поведала я рыжему чистую правду.

– Это все делали твои поклонники? - опасливо уточнил маг, видимо поняв, что опрометчиво выбрал себе в жены не только отважную девушку, но и слишком изворотливую. С такой о вдовстве даже не помечтать.

– Ха! – усмехнулась я. - Сестры!

Правда, не сказала, что о гадюке я просила в десять лет сама – она мне нужна была для одного ритуала. Сушеная. Но зачем уточнять и портить такое хорошее впечатление о себе? А каждая уважающая себя юная ведьма на тринадцатилетние просто обязана получить букет из волчеягодника или борщевика. Мы хоть и не были дочерями Мрака, но няня каждой из нас такой подарила!

– Миленькая у тебя семья, - сглотнув, севшим голосом произнес рыжий и добавил: – Для темных.

Видимо, этого психа не пугала перспектива разбиться на гонках с длиннющей трассой и крутом пике на финише, зато заставила занервничать короткая дорожка. Всего-то в пару дюжин шагов. От двери храма до алтаря. А ведь на ней даже споткнуться – ещё постараться надо…

– Я светлая. Исключительно! И семья у меня нормальная! – рявкнула я, мстительно надев родовое кольцо Нормиров на палец.

Хотела сказать, что у меня семья вообще образцовая, с учетом няни-ведьмы. Просто мы с сестрами очень способные воспитанницы. Но не успела. Камень на украшении полыхнул алым, и перстень плотно обхватил фалангу.

Я взвыла! Кольцо было из древних, обручальных-неснимаемых! Я слышала о таких: оно покидало палец девушки лишь в трех случаях: в храме, когда она выходила замуж и супруг вместо него надевал на уже жену свадебное, когда перст отрезался или носившая его девушка умирала.

Надо ли говорить, что ни один из трех вариантов меня не устраивал.

– Что за… – гневно воскликнула я, а на моей раскрытой ладони уже закручивался огненный смерч.

– Хочу быть уверенным, что к алтарю придет та самая девушка, которую я уронил, лэрисса Диксэри Флейм.

Я похолодела. Он назвал мое настоящее имя.

В первый миг я оцепенела. Испугалась. Во второй – прикинула, во сколько золотых монет мне обойдется проваленный заказ,и испугалась еще сильнее. А в третий… Схватила мага за грудки и притянула к себе. Благо и лодка,и метла рыжего, зависшие в воздухе, позволили это сделать без особых усилий.

– Как узнал? - спросила я его тоном, который скорее бы подошел для фразы в духе: «Сколько голов врагов помещается на одном щите?» или «Как вы справляетесь со стрессом, например,топором в вашем черепе?» Ну, в общем, типичным тоном на собеседовании у сурового северного ярла, набирающего себе в дружину новых воинов.

Наши лица с рыжим были близко. Очень. Еще немного, и носы столкнулись бы. Я была дико зла на этого наглеца, который таки переиграл меня.

– От Викар, - прозвучал убийственный ответ, от которого мой глаз нервно дернулся.

– Что-о-о? - опешила я, машинально отпустив куртку гонщика.

– Сегодня. В самом начале бала. Мы с ней столкнулись,и… Я попытался отделаться от нее и в ответ получил весьма грозное и эмоциональное напутствие, что от профессиональной невесты я не уйду… – с охотой просветил меня маг.

Я скрежетала зубами, слушая рассказ Винора о том, как эта… эта… идиотка психованная… в сердцах пригрозила рыжему моим именем, выложив ему все! А ей-то и надо было всего лишь показаться на балу, засвидетельствовав свое почтение дюжине знакомых, засветиться и исчезнуть. А она…. Мало того, что вцепилась в рыжего почище упыря. Вампира хоть святой водой окатить или кольями отвадить можно. А эта беспутная… Так ещё и язык хуже, чем нянино, ведьминское, помело. Так испортить собственное семейное счастье – это талант!

– Значит, мстил? - уточнила я и по взгляду рыжего без слов поняла: да!

– Я, знаешь ли, не люблю, когда меня пытаются оставить в дураках и навязать чужую волю. Особенно если последняя – недалекой девицы… Но раз уж так получилось, что я тебя уронил и тем самым стал заложником собственной клятвы, предпочту, чтобы мне достался в жены достойный противник, а не набитая дура. Так что жду тебя завтра к двенадцатому удару колокола в храме Лонга, – с этими словами он чуть отлетел от края лодки.

Я уже было хотела выкрикнуть, что он скорее дождется, что суккуба даст обет целомудрия, чем я пойду с ним к алтарю, как этот гад, развернувшись на метле, выкрикнул:

– А мое кольцо не даст тебе опоздать. Так что если не хочешь остаться не только без руки, но и без дара – ты придешь, Ди! – он фамильярно сократил мое имя, отчего я заскрежетала зубами.

Я не удержалась. В рыжего полетел пульсар. Но этот конопатый паразит виртуозно от него увернулся. А я тут же почувствовала легкое жжение на пальце и призадумалась: интересно, а если умирает жених, невозвратное кольцо можно будет снять? И как быстро можно подать на развод после свадьбы? Пара мгновений для храмовника будет достаточным сроком, чтобы понять: молодожены не сошлись характерами и можно с чистой совестью расторгнуть их брак?

Оба варианта имели как свои плюсы, так и минусы. В первом случае проблема решалась бы быстро, кардинально, но тяжело совместимо с законами империи. Во втором – не факт, что получится.

– Так, значит, правды-ть замуж собралась выходить… – протянул кормщик, который весь наш с рыжим разговор просидел тише трупа. А судя по любопытному и живому взгляду дедули, он не только сумел договориться с сердечным приступом, но тот остался ему ещё и должен.

– Сплюньте! – отмахнулась я. – Нет, не выходить, а так, одним глазком через порог глянуть! И вообще, это «замуж» исключительно по делу ввиду стечения обстоятельств. - И, спеша сменить щекотливую тему, я спросила: – А вы меня не подбросите до Мокрой Иглы? Я там свою метлу оставила.

– Отчего же не подбросить? - тут же оживился кормщик. - За серебрушку – домчу.

– А может, сделаете скидку? – с надеждой спросила я.

Дедок отчего-то глянул вниз. Словно я ему предложила скидку через борт лодки на мостовую, а не сбавить цену.

К тому же сребр платили за месяц постоя в комнате на окраине столицы. А тут ушлый дедок стребовал такую плату за пару кварталов полета. А еще – и это главное – у меня с собой не было столько денег. Только пяток медек.

– Вы должны войти в положение бедной несчастной женщины после развода… – протянула я, не уточняя, кто из нас с рыжим кого и на что будет разводить.

– Так ты еще замуж не вышла, – вскинул брови кормчий.

– Вот завтра выйду и сразу разведусь! – пообещала я тоном «не мешайте мне мечтать».

Торговались мы с ним вдохновенно и со вкусом. Я даже согрелась в своем легком плаще. Сошлись на трех медьках, двух воззваниях богов в свидетели жадности одной девице и подозрительном уточнении: не ведьма ли я?

Зато дома я очутилась ко второму удару колокола. Злая, голодная и горящая желанием придушить одну болтливую лэриссу.

ГЛАВА 2

Свадьба – это всегда весело. При условии, что она не твоя. Эту истину я поняла давно. Но никогда не думала , что накануне собственного похода под венец буду прикидывать, как расторгнуть помолвку с минимальным количеством трупов. А все оттого, что кольцо, зараза, сниматься с пальца категорически не желало. Мало того, оно потихоньку начало отнимать мою силу, вбирая ее в себя.

На рассвете в окно постучала почтовая сойка. Она принесла письмо, зажатое в клюве. Послание было выведено почерком, в котором буквы были с таким количеством завитушек, что через их заросли до слов, а тем паче до смысла написанного, добраться можно было с большим трудом. Не без усилий продравшись через вензеля литер, я поняла: девица Викар требует подать ей жениха. Дескать, деньги уплачены и ее семейство ждет результата.

Как я ни была занята стягиванием с руки украшения, все же потратила четверть удара колокола, чтобы в кратких и емких выражениях объяснить заказчице, что она сама нарушила наш договор. Точнее, пункт о неразглашении. Так что деньги я не верну. Жениха – тоже не верну. Из принципа. Хотя последний мне и даром был не нужен. Даже за доплату.

Запечатала письмо и отправила его с птицей. А сама решила поспать хотя бы пару ударов колокола. А то ночь выдалась бурной. А предстоящий день обещал быть не менее насыщенным.

В том, что ко мне поутру примчится Анита Викар, я не сомневалась. Но до рассвета ещё было время. Надо было отдохнуть перед скандалом. Ах да, еще убрать из гостиной вазы и вообще бьющиеся предметы. Ибо истерика истерикой, а ценные вещи нужно беречь. Особенно если нервы – чужие, а вазы – твои.

К тому же с учетом того, что все более-менее дорогие вещи в нашем доме были трижды перезаложены,их тем более стоило беречь.

Вот так… Кому-то по наследству достаются деньги,титул, земли. А моей маме достались от отца-кутилы в приданое долги. Моя бабушка рассчитывала , что сумеет обменять по выгодному курсу красоту единственной дочери и ее имя на деньги богатого жениха, но увы. Линда Флейм матушку разочаровала, влюбившись в голодранца-водника. И эта взаимная любовь принесла плоды. Бабулю, когда она об этом узнала ,тогда едва удар не хватил.

Но она, скрепя сердце, все же дала согласие на брак. Не знаю, что сыграло решающую роль: седьмой месяц беременности, угроза дочери, что она отречется от рода,или то, что ее избранник все же водник. А бабуля была буквально помешана на чистоте не только крови, но и стихийной магии. Она жутко гордилась тем, что в роду уже триста лет как рождались исключительно чародеи и чародейки с даром управления водной стихией.

Правда, дала согласие при условии, что жених возьмет родовую фамилию супруги. А вместе с ней – и обязательства по выплате закладных уже почившего тестя. Другой бы, более осмотрительный жених, на месте Эштона дрогнул бы: долговая кабала при невыплате грозила по меньшей мере арестом. Но папа был безумно влюблен в маму. Это все и решило. Эштон Курт принял управление родом Флейм. Семейство же, обретшее главу, год от года все пополнялось новыми юными магичками, с которыми не могла справиться ни одна бонна.

В общем, в нашем доме о том, что такое тишина, знали лишь по легендам и преданиям. Мама жалела о паре мгновений спокойствия. А папа… папа мечтал порою сойти с ума. Особенно когда речь заходила о приданом, которого у нашего отца для семи дочерей не было. А вот амбиции у тещи, обедневшей аристократки, были. И очень даже. Она мечтала видеть внучек замужем минимум за высшими драконами. Раз уж дочь не удалось. И по этому поводу пилила своего зятя, моего папу, регулярно, как по расписанию,и вдохновенно.

Именно в один из таких вечеров, когда наша семья сидела в гостиной, а бабушка занималась дегустацией, в смысле очередной раз ела плешь отцу, на каминную полку упала Эйта. Не узнать эту белку было трудно. И что самое примечательное, увидело ее все наше семейство, подтвердив: большая семья – это всегда маленькое безумие.

– Родимая! – с таким криком папа радостно ринулся ей навстречу, чем изрядно удивил пушистую.

Она даже фыркнула в усы: «Псих!» – и исчезла. Видимо, попала в наш дом случайно и куда-то спешила. Впрочем, потом я пару раз видела ее у нас. Даже как-то пыталась поймать за рыжий хвост. Правда, мне тогда не исполнилось и десяти лет…

Я была самой младшей из сестер и… бракованной. Впрочем, этого моего маленького недостатка никто, кроме бабули, не замечал.

Погруженная в свои мысли и воспоминания, я и прибиралась в гостиной, готовя ее к урагану по

имени Анита Викар. И, прибравшись, с чистой совестью отправилась спать.

А вот утро началось с того, что в мою спальню вихрем влетела Рей с криком:

– Просыпайся, Ди! Там по твою душу пришли!

– Если убивать, пусть немножко подождут. Передай, что я облачаюсь в свой парадный саван.

– Какой убивать. Наоборот! – фыркнула Рей, мотнув черными как смоль волосами,и скрестила руки на груди.

– Воскрешать? – мне удалось-таки совершить открытие века. Второе веко открываться ни в какую не желало.

– Просить твоей руки! – пыталась втолковать мне сестра.

Я глянула одним глазом на ладонь. Там на пальце красовалось злополучное кольцо.

– Обычно заклятые враги в качестве дани хотят получить голову противника или минимум вырванное сердце, а не конечность, хотя в моем случае… – сонно пробормотала я.

– Какие враги и отрубленные головы? Я говорю: темный пришел у отца просить тебя в жены! – Рей возмущенно фыркнула и сморщила свой прямой аристократический носик.

– Темный? А как же Викар и скандал? – ошарашенно произнесла я, окончательно просыпаясь. Что это вообще такое? С этой ненормальной заказчицей даже истерика по расписанию и та превращается в Бездна знает что. Точнее, кого.

— Не ведаю, кто такой Викар, но скандал сейчас быстренько организуется. Отец уже переходит на крик. Слышишь? - Она подняла указательный палец, призывая к тишине.

Я обратилась в слух и различила:

– Да что ты, выкидыш Мрака, о себе возомнил! Моя дочь не продается!

Обычно поутру мне нужно было четверть удара колокола на бодрящий кофейный напиток и ровно удар колокола на осознание реальности. Но сегодня я восстала из кровати, аки вампир из гроба: быстро, бесшумно и с жаждой убивать. Прямо как наглядная иллюстрация поговорки: не буди, да и не послан будешь…

А указать маршрут тому психу, который пришел по мою душу к отцу, я была готова, и с большой радостью. Вот только выясню сейчас имя этого психа и направлю. Я настолько преисполнилась решимости, что ринулась из комнаты, в чем спала: в короткой ночной сорочке.

–Куда?! – Отловила меня за подол Рей и добавила: – Не в таком же виде! Там речь о замужестве идет, а не о первой брачной ночи.

Я в сердцах сплюнула, натянула на себя халат, обула тапочки, правда, попала в левую домашнюю туфлю не с первого раза. Вынужденная задержка окончательно разозлила. Внутри меня разгоралось злость. Да кто такой вообще этот темный? И что он о себе возомнил?

Едва полы халата были запахнуты, а пояс – затянут, как мы с сестрой двумя безмолвными привидениями понеслись по коридору, чтобы у порога отцовского кабинета застать умильную картину: четверо моих сестер уже прильнули к дверям. Брукс заняла самый удобный наблюдательный пункт – у замочной скважины, посему ей не нужно было использовать следящих заклинаний и лицезреть картину в кабинете она могла со всеми удобствами. Правда, при этом ее поза напоминала вопросительную руну.

Светловолосая Эмма же, сидя на корточках, то и дело слюнявила палец, чтобы подновить свое «око» – простое подглядывающее заклинание, делавшее стену прозрачной. Но с учетом толщины двери хватало его ненадолго – всего на дюжину ударов сердца. Потом края начинали мутнеть и приходилось вновь браться за дело.

Уна, как самая умная из сестер, подошла к делу подслушивания и подглядывания по всем правилам шпионской науки. Она, встав в полный рост, начертила на двери, прямо над головой Эммы, матрицу, которая была в диаметре не больше ладони. И сейчас Уна напитывала ее силой. Еще немного – и можно будет все увидеть и услышать. Пока же символы лишь серебрились, змеясь на лакированном дубе.

– Ну давай, быстрее, – торопила сестренку Тора, подпрыгивая от нетерпения на одной ноге.

В отличие от Уны, То не любила обременять голову сложными расчетами и считала , что той есть

куда лучшее применение: например, красивые прически, шляпки… Да и вообще, красивой девушке быть умной не идет. А То была очень красивой.

— Не мешай, мелкая, - процедила сквозь зубы Уна,тряхнув темной челкой, которая была не сильно короче остальных волос.

– Я не мелкая! Ди младше меня! – из упрямства прошипела То,топнув босой пяткой и тут же зашипев. Видимо, ушиблась. - А ты не возись. Мне тоже интересно посмотреть на этого темного.

В общем, девицы рода Флейм, за исключением Мариты, все были в сборе. Но у Мари имелась уважительная причина: она единственная из нас семерых успела выйти замуж за одного из самых завидных женихов Йоноля, дракона династии Прахтов, причем по любви, и переехала уже в дом супруга.

Правда, после этого брака свахи стали обходить наш дом по широкой дуге, а молодые холостяки под любым предлогом отказываться от приглашений заглянуть в гости. Причем таланту и богатству фантазии при поиске отговорок можно было позавидовать. Одна лишь фраза лэра Улиха: «Через три дня я не смогу отужинать у вас, уезжаю на свои похороны» – чего только стоила. Правда, потом он пытался уверить, что оговорился: дескать, отбыл не на свое погребение, а на проводы в последней путь совы. Это была уникальная посыльная птица, служившая его роду две сотни лет… Но на повторное приглашение отужинать отчего-то не согласился. Хотя в сторону Торы глазом усиленно косил. Косил и боялся, что, едва перешагнет порог дома Флеймов,тут же окажется глубоко и прочно женатым.

Когда же смотровое окошко Уны стало прозрачным, мы прильнули к нему. Даже Брукс, оставив свою замочную скважину. В кабинете уже не было слышно криков. Отец и его гость молча стояли друг напротив друга. Явно злые и недовольные. Папа, лицо которого мы могли видеть, – так точно. А вот тип, сумевший вывести лэра Флейма, человека удивительной выдержки и воли (а с семью дочерями по–другому и быть не могло), оказался стоящим к нам спиной. Знакомой такой спиной. Во всяком случае, снежную шевелюру, собранную в хвост, и тонкие косички, мелькавшие в оном, я узнала.

– Песец! – потрясенно выдохнула я.

– Какой? – не поняла Уна.

– Кто? – вторила ей Рей.

– Подвинься! Дай посмотреть, – это уже То попыталась отпихнуть бедром Брукс. Угу, проще было сдвинуть столб, чем выпускницу боевого факультета. А Брукс не только была выпускницей, но и успела пройти практику в приграничье. Так что у То шансов не было. Зато упрямства – хоть отбавляй.

– Засуньте свои деньги… – папа озвучил такой заковыристый маршрут, что даже матерые бестиологи поаплодировали бы ему стоя. - Мои дочери сами решат, с кем им идти к алтарю! – прогремел папа.

И именно в этот эпичный момент дверь, не выдержав натиска женского любопытства, раскрылась и шесть девиц рода Флейм рухнули на ковер кабинета. Ну точно товары на прилавок: выбирай любую. Ну или хватай ту, которую успеешь поймать.

Папа глянул на нас. И столько в его взгляде было тепла и нежности, которые он хотел подарить своим дочерям, что мы поняли: огребем по полной!

– А меня все и не интересуют, - невозмутимо оглядев кучу малу из светлых чародеек, возразил темный. - Мне нужна одна. Вот эта. – Взгляд остановился на мне,и сын мрака припечатал: – Она у вас самая живучая.

Я же, придавленная телами четырех сестер, подумала, что этот северный лис слишком высокого мнения о моей стойкости: сейчас я имела все шансы превратиться в шикарнейшую отбивную. И лишь потом до меня дошло, по каким критериям темный выбирал себе супругу.

– Что-о-о?! – хотела крикнуть возмущенно, но получилось придушенно, а потом попыталась выползти из-под сестер.

Это мне частично даже удалось. Под барахтающимися телами остались только мои ноги, а все, что выше поясницы, оказалось свободным от гнета. И я целеустремленно заработала локтями по направлению к полной свободе.

Папа, который молча наблюдал эту картину, сложил руки на груди и отстраненно констатировал:

– Вы моей дочери не понравились. Так что о свадьбе можете забыть, – обратившись к северному лису, изрек папа, знавший своих дочерей как облупленных. А потом мстительно добавил: – Скажу больше: Диксэри на последнюю вашу фразу о живучести наверняка смертельно оскорбилась.

– Я не обиделась! – возмутилась, выбравшись наконец из сестринского плена и лежа на полу. – Просто ползу за топором.

Боевая секира, к слову, висела на стене, рядом с камином, в компании древнющего арбалета, который скорее развалится, чем выпустит хотя бы болт, и пары ножен, к которым отец в свое время приделал бутафорские крестовины. А что? Зато смотрятся солидно, особенно если зритель не знает об отсутствии мечей.

На это мое признание темный лишь изогнул бровь. Видимо, не воспринял угрозу всерьез. А зря. Я встала. Отряхнула подол халата, плотнее запахнула его полы и попыталась нашарить ногой второй, потерянный тапок. Увы, сделать это было не так просто. Он остался то ли под Брукс,то ли под Торой – они вдвоем все еще возились на полу. Так что нужно было либо капитально отвлечься от процесса испепеления взглядом темного и пуститься на поиски обувки, либо стоять наполовину разутой.

Ни первый, ни второй вариант меня не устраивали, посему я постаралась тихо скинуть с ноги единственный тапок. Пусть уж лучше совсем босая. Так удобнее и удирать,и догонять. Это уж в зависимости от того, к чему приведёт наш с темным разговор и чьи доводы в споре с темным окажутся более весомыми.

Я шагнула к северному лису со словами:

– Знаете, лэр, вы совсем не в моем вкусе… – попыталась намекнуть, что брак темному со мной не светит.

— Но вы меня даже не пробовали, чтоб так утверждать, - северный лис был непрошибаем.

– Это возмутительно! – вмешался папа. – Предлагать подобное моей дочери! Да при отце!

– Тогда можно мне поговорить с Диксэри наедине? - невозмутимо парировал темный, подтверждая, что сыны мрака способны извратить даже текст святого писания, превратив его в договор купли-продажи души демонам. Что уж говорить о смысле папиной фразы.

– Нельзя! – рявкнул папа, и в его руке тут же вспыхнул огненный смерч. Да какой! Таким и демона уложить не грех.

А я поняла: в этих дипломатических переговорах последнее слово останется за папой. Впрочем, оно единственное и останется. Темного смерч испепелит к Бездне, да и наш дом заодно. Первый раз в своей жизни я видела отца в таком бешенстве.

Сестры испуганными мышами замерли за моей спиной.

– Пап, давай я и вправду поговорю с ним наедине, – начала я спокойным тоном из серии «ваше внимание будет привлечено к ответственности» и добавила, дабы окончательно успокоить отца: – А потом ты поможешь мне спрятать труп.

Только сейчас папа осознал, что как истинный маг-стихийник погорячился во всех смыслах этого слова. Воронка смерча начала с шипением, нехотя, втягиваться в его ладонь.

– Простите, ваша дочь точно светлая чародейка? – педантично уточнил Дрок, с подозрением глядя на меня.

– А вы точно не знакомы лично с Эйтой? - в точности скопировав тон этого темного психа, вопросила я, подразумевая: нечего злить только-только успокоенного чародея с девятым уровнем дара.

И вот удивительно: при моих словах северный лис помрачнел. Словно я наступила на его любимую мозоль. Зато (о чудо!) сей незваный гость, который хуже тролля, наконец-то словил заклятие немоты. Ну или просто решил помолчать пару ударов сердца.

И в наступившей относительной тишине особенно отчетливо раздались удары дверной колотушки.

– Это еще кого принесло? – буркнула Рей,тут же сделала несколько шагов по направлению к окну и с любопытством перегнулась через подоконник.

– Какая-то чернявая девица, – удивленно произнесла она. - Первый раз ее вижу. Что она у нас забыла?

– Скандал, - просветила я домашних. Ну и темного заодно. И в ответ на взгляды, полные немых

вопросов, пояснила: – Это Вирмар. Она пришла за своим женихом.

– За ним, что ли? – не поняла Рей и совершенно не аристократически ткнула пальцем в северного лиса, который только что на своей шкуре убедился: заходить в дом Флеймов неженатому лэру опасно для холостяцкого здоровья. Причем шанса выбрать невесту могут и не дать.

– Если она согласится на замену, я буду рада, - задумчиво протянула я, прикидывая: а не попробовать ли и вправду подсунуть этой настырной девице темного?

Идея была настолько бредовой, что могла и сработать.

Могла бы… Но увы! Как говорится, бойся дракона спереди, единорога сзади, а темного – на расстоянии. Ибо он коварен со всех сторон.

Конкретно один сын Мрака – так точно. Он испортил мне такой хороший план еще на стадии задумки лишь одной фразой:

– Скорее «нет», чем «да», возможны варианты.

– Что? - не понял папа, хмурясь.

– Я вам даже еще ничего не предложила! – это уже я, возмущенно глядя на этого ушлого северного лиса.

– Вот, мы с вами подошли уже к вопросу предложения…

– Диксэри, мое смертельное проклятие, к тебе гости, – с этими словами на пороге появилась нянюшка.

Она же – черная ведьма Бо собственной персоной. И, в отличие от традиционных бонн, наша не носила чепца, стога шуршащих юбок, тучных телес и надменной мины. Нет. Бо в свои сто двадцать лет, как истинный боевой маг, была всегда во всеоружии. Причем в самом прямом смысле этого слова: за голенищем ее высоких шнурованных сапог всегда была пара метательных дротиков, а карманы штанов хранили амулеты, в том числе и разрывные.

В общем, нам с сестрами досталась очень спортивная и подтянутая няня, способная организовать подвижные игры для юных лэрисс. Например, догонялки на свежем воздухе: восставшее кладбище в полночь. Как заверяла слегка поседевших родителей Бо, дети после физических нагрузок спят крепче.

Бонна также заботилась о том, чтобы юные барышни знали иностранные языки. Чего только стоил похищенный цверг, которого Бо приволокла из горного клана для нашей языковой практики. Троллий мы с сестрами выучили как-то незаметно сами, пополняя лексикон каждый раз, когда Бо запиналась о порог, ударялась или просто с ней случалась иная досадная неприятность.

А ещё мы познавали с нашей няней рукоделие. Хорошо помню урок на тему: как связать дракона. Согласно инструкции надо было стянуть морским узлом дракону лапы, потом заткнуть ему морду кляпом, а затем зафиксировать хвост, если ящер в крылатой ипостаси.

Но главным талантом няни было то, что она могла находить своих воспитанниц в любом месте дома, как бы тщательно мы ни прятались. Вот и сейчас Бо нашла меня моментально.

Вот только, узрев гостя в отцовском кабинете, она нахмурилась, сложила руки на груди,и даже ее короткий ёжик абсолютно седых волос, мне показалось, воинственно встопорщился.

– А этот хмырь что здесь делает? - У Бо были альтернативные представления об этикете.

– Конкретно сейчас этот хмырь начал понимать, - скопировав тон старой ведьмы, иронично произнес темный, - почему его будущая жена обладает столь уникальными навыками, которые позволили ей стать… – он на миг замолчал, словно подбирая слова, - столь клиентоориентированной свахой.

– Ди, ты опять ввязалась в организацию чьего-то брака?! – вскипел отец, уловивший из всего сказанного только одно: его младшенькая опять захотела убедиться в народной мудрости, согласно которой с деньгами не так хорошо, как без них плохо. И взялась-таки за то, что у нее неплохо получалось: дарить людям счастье, организовывать свадьбы, нести свет, радость и нервный тик в придачу.

Папа был в курсе того, чем я порою занималась. И был категорически против оного. Настолько, что мне пришлось его пару месяцев назад заверить, что я больше ни-ни. Ничегошеньки. Ни разочка.

И вот сейчас это «ничегошеньки» кипело гневом внизу. Послышался шум.

– Кажется, в гостиной кто-то сломал мебель. Скорее всего, старый стул, - отстраненно прокомментировала Эмма, у которой был отменный слух. Не музыкальный, но отменный. Она легко могла, встряхнув кошель, по звуку сказать не только сколько в кабзе монет, но и сколько из них медных, серебряных и золотых.

Тут же последовал звон…

– А это уже зеркало… – вторила ему Эмма.

Грохот.

– О! До дивана дошла. – При этой фразе все уставилась на сестру, будто это она, а не Викар самолично перевернула старинную мебель, которая по весу могла посоперничать с могильной плитой. А для нерасторопных слабосильных грузчиков – и стать оной.

— Ну это уже слишком. – Я засучила рукава халата и решительно направилась вниз.

Портить мебель и нервы в доме Флеймов – это моя святая прерогатива и обязанность! А не каких-то пришлых истеричных девиц.

Застучала пятками по лестнице, сбегая вниз, и успела узреть то, как от души развлекалась лэрисса Викар. Проще говоря,истерила. И этот скандал целиком и полностью был посвящен мне. Вот так! Кому-то дарят сонеты, в чью-то честь совершают подвиги, а мне вот посвящают нервные срывы.

– Ты! – узрев меня, выпалила незваная гостья, обличающе ткнув в мою сторону перстом. - Отдавай моего жениха.

– Отдам. Вот только соображу, где взять, - успокаивающе махнула рукой в духе «дело-то житейское». И, пока девица осмысливала фразу, я тем же спокойным тоном перечислила, какие пункты договора Викар нарушила.

– Да как ты смеешь! – вскипела она. – Тебе заплатили,и ты обяза…

Она не договорила, запнувшись на полуслове, увидев на моем пальце родовой перстень Нормирских.

– Я тебя убью…

Она на меня бы кинулась, но вспыхнувший в руке аркан охладил пыл девицы. Все же хорошо, когда у человека отсутствие должного количества мозгов компенсируется хотя бы инстинктом самосохранения.

— Ну все, Флейм, ты пожалеешь. Я упеку тебя в тюрьму!

А вот это было уже более серьезным заявлением. Все же подставной брак – не жертвоприношение на центральной площади столицы, но реноме светлой чародейке тоже может подпортить. Впрочем, вслух я сказала совершенно иное:

– Тюрьма – слишком громкое слово… А что же до людской молвы – я имею столь безупречную репутацию, что меня уже давно пора скомпрометировать.

Потому как идти на поводу у шантажистки – это все равно что добровольно давать ей в руки лямку от ярма, которое накинуто на твоей шее.

– Я напишу заявление дознавателям, – уже не столь уверено произнесла Викар. - Ты аферистка и мошенница!

– И что же вы там укажете? Что хотели помимо воли, лэрисса, заполучить его себе в мужья? – Я жестко усмехнулась, ещё сильнее остужая пыл скандалистки – А я не стала нарушать закон против свободы выбора? В таком случае…

К слову, оный действительно в имперском уголовном кодексе присутствовал. Правда, касался приворотных зелий и ментального воздействия, но о том я решила не упоминать. Зачем такой красивой лэриссе, как Викар, отягощать голову лишними знаниями? От этого вдруг она думать начнет. А от мыслей портится гладкость. И мозга, в котором появляются извилины, и лица, на котором могут возникнуть морщины. Так что я заботилась лишь о внешности клиентки.

– Я все равно тебе отомщу, – змеей зашипела девица. – Винор мой!

– Твой-твой… А кто же с этим спорит? И я даже с радостью вручу вам его родовой перстень, – с готовностью согласилась я, глядя на верхний этаж, где на сцену скандала, медленно, но верно переходящую в торги, взирало все семейство флейм. – Только придется доплатить.

– Какие доплаты?!

– За разглашение деталей договора объекту моего промысла – это раз. - Я демонстративно загнула палец. - И за особо ценное имущество. А точнее, родовой перстень Нормирского. Это два.

И мстительно озвучила сумму, равную закладной на наш дом. Все же в задуманной авантюре риск был велик, посему я посчитала , что и плата должна быть соответствующей. О помолвочных перстнях было известно немного, но я подумала , что если успею выйти замуж за другого,то наверняка кольцо рыжего снимется с меня. Ну правда же, не может этот гонщик-летун звать замуж ту, которая уже состоит в браке с другим лэром? Только задуманную авантюру надо провернуть до того, как колокол на центральной башне пробьет двенадцать раз.

А у меня как раз завалялся тут кандидат в мужья. Правда, темный. Ну да я к цвету магии терпима. Да и долго в браке состоять не собираюсь. Так… пару ударов колокола.

– Это грабеж! – Викар едва не задохнулась от злости.

– Это всего лишь выражение семейного благополучия в денежных единицах.

– Оно мне золотым выходит! – Уперла руки в боки скандалистка.

– Так счастье дороже золота, - озвучила я расхожую людскую поговорку, от которой скептически хмыкали как гномы, так и драконы.

Гостья заскрипела зубами. Я же воочию увидела, как ее жаба жадности и запасливый хомяк вступили в неравный бой. В итоге победила дурость. В смысле желание выйти замуж во что (точнее, во сколько) бы это ни стало.

– Хорошо, будут тебе деньги, ведьма, – сказала, как прокляла, брюнетка и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

– Буду ждать к одиннадцатому удару колокола у ступеней храма Лонга, – крикнула я ей вслед.

– А если я не успею? - Она резко обернулась. Ее сжатые до белых костяшек кулаки говорили без слов, что она думает обо мне.

– Мне придется выйти замуж. – Я сложила руки на груди, подумав про себя: ещё бы знать, за кого? Но в любом случае мой супруг будет в браке почти добровольно, а я – по контракту.

В скрежете ее зубов мне послышалось отчетливое «убью». Кипя от гнева, незваная гостья наконец-то покинула дом. Правда, уходя,так сильно хлопнула дверью, что косяк, вытерпевший на своем веку не одну порцию женских (а порою и мужских) истерик, отвалился.

В наступившей гробовой тишине сверху, там, где лестница заканчивалась и столпилось все наше семейство, прозвучал вопрос рассудительной Уны:

– Ди, я правильно понимаю, что темного, который остался в папином кабинете, уже не нужно выпроваживать?

– Правильно. А если он надумает сбежать,то задержать!

Я еще никогда не была столь решительно настроена на замужество. Меня бы сейчас даже отсутствие жениха не остановило. Потому как лишаться магии и возможности выкупить дом из закладной я была не намерена. А если не избавлюсь до полудня от этого кольца, то потеряю как первое, так и второе.

Рей и Брукс тут же ринулись обратно в кабинет ловить ценного промыслового зверя – жениха северного, обыкновенного. В общем, наглядно проиллюстрировали древнюю холостяцкую мудрость: да уберегут тебя боги от ведьм, от светлых чародеек спасайся сам. Я уже было пошла следом за сестрами и даже поднялась на пару ступенек, но… Утро – это вообще время суток не для слабонервных. А в нашем доме – особенно.

Бабуля, которая обычно не выходила из своих комнат раньше полудня, не иначе как разбуженная погромом, появилась в эту рань со стороны столовой. Была она в ночном колпаке, халате и крайней степени недовольства.

– Какого темного?! – возмущенно проскрежетала она на манер желны. Видимо, услышала вопрос Уны.

– Какого?.. Уникального своем роде. - Я пожала плечами в духе: какой вопрос,такой и ответ. Но потом все же пояснила: – Моего жениха! Он сделал мне сегодня утром предложение. И папа на него почти согласился. Правда, пап? - Я задрала голову, чтобы увидеть ошарашенное лицо отца.

Он не успел ничего ответить, как раздалось возмущенное:

– Только через мой труп! Я не позволю испортить генеалогическое древо нашего рода этим мерзким выкидышем Бездны! – тоном человека, заранее полного горя, пафосных речей, воспоминаний о былых эпичных сражениях, аристократичной надменности и вселенской скорби, произнесла бабуля.

Она гордо вскинула подбородок и… напоролась на взгляд няни, которая как раз была родом из Темных земель. И взор Бонтирны без слов говорил: «Через ваш труп? Сейчас организуем в лучшем виде!».

К слову, противостояние нашей бонны и бабули было перманентной дуэлью с вызовом противника через перекрикивание по вентиляционной трубе. Как по мне, эта конфронтация держала в тонусе их обеих почище любых бодрящих и омолаживающих эликсиров. Старшая Флейм считала няню богомерзкой бесовкой. Бонтирна, как истинная ведьма, благодарила за изысканный комплимент, чем бесила спесивую аристократку ещё больше.

– Одумайся, внученька! – бабушка обратилась ко мне. И от того, как я, позор рода по ее же версии, была ей мгновенно переименована во «внученьку», у меня дернулся глаз. - Зачем тебе сдался этот некромансер? Темные те ещё изменщики! Да что изменщики – кобели, - последние слова она произнесла со столь рьяной убежденностью, словно у нее к любвеобильным псам имелись личные счеты.

– Сыны мрака просто верны своим женам. Верны, как собаки! – тут же в пику старой противнице возразила Бо.

–Да что ты… – потрясая кулаком, начала бабуля, но ее перебили.

Грохот, раздавшийся на этот раз из папиного кабинета, сотряс весь дом. И семейство Флейм ринулось туда, откуда доносились звуки местного апокалипсиса. А там… Что же, могу сказать одно: мои сестры темного не только задержали, но и развлекли. Во всяком случае, он был занят: подвешивал сестер к потолку на манер окороков в коптильне.

– Ди, мы честно пытались на него напасть, – начала оправдываться Рей из-под колокола юбок. Лицо ее, находившееся на одном уровне с моим, было наполовину скрыто оборками подола и темными волосами.

Ловчий аркан, перекинутый через потолочную балку, обвивал лодыжку, обтянутую чулком. Последний на уровне колена переходил в панталоны, демонстрируя исподнее Рей.

Брукс же, как и всякий боевой маг, юбки презирала, отдавая предпочтение штанам. И сейчас сверкала не панталонами, а исключительно злым взглядом в адрес темного, который ее «стреножил».

– У вас это почти получилось, - тоном взрослого дяди, уверяющего малыша, что его полуосыпавшаяся горка песка – замечательный куличик, возвестил темный. А затем закрепил аркан, удерживающий Брукс, за ножку комода и распрямился.

Северный лис отряхнул руки и невозмутимо уточнил:

– Так на чем мы остановились, лэр Флейм?

— На том, что моя дочь все же выходит за вас замуж, – сверля глазами моего «жениха напрокат», угрюмо ответил отец, а потом его взор медленно переместился на меня.

Вот за что люблю папу,так это за то, что как он сказал, так по-маминому и будет. Ну или, в моем случае, по–дочернему. Потому как он нас, его маленьких больших женщин, любил. И маму тоже – очень любил. И диктатуры с помолвками не устраивал, считая, что под венец нужно идти по своей воле, а не по принуждению.

– Спасибо, папочка! Ты самый лучший. - С этими словами я обняла опешившего отца. Хотела еще добавить, что я замуж быстренько – туда, обратно и назад – и ради оного променада даже маму, которая, как и бабушка, вставала ближе к полудню, будить не стоит. Но посчитала, что озвучивать свои планы по разводу при ещё только потенциальном супруге – признак дурного воспитания. А потом резко обернулась к северному лису и уже совершенно иным, деловым тоном произнесла: – А с вами, господин темный, мы сейчас быстренько обсудим условия сдел… брака. И да, касательно денег: договоренность о сумме, которую вы предложили моему отцу, остается в силе.

За моей спиной тут же послышался шепот Торы. Вообще-то, это было достаточно громкое восклицание. Впрочем,так случалось часто: То считала , что говорит собеседнику исключительно тихо, на ушко. Но при этом все остальные, в радиусе нескольких шагов от нее, были в курсе «полутонового» сообщения сестренки.

– Вот я всегда говорила, что из нас Ди – самая практичная. Посмотри, она даже замуж выйдет сейчас с двойной выгодой! Получит плату от этой психической и от темного.

– Придушу, – не оборачиваясь, пообещала я сквозь зубы.

Тора, услышав это, оскорбилась до глубины души. И мстительно прошипела на всю округу:

– И все-таки у Ди невыносимый характер!

Я не выдержала поклепа и все же обернулась через плечо, цыкнув:

– А не нужно его никуда выносить. Положить там, где взяли,и больше не трогать. И тогда все будут живы. И даже частично здоровы!

– Простите, а могу я побеседовать с моей невестой?! – иронично вклинился в нашу перепалку темный.

И тут же удостоился еще одного испепеляющего взгляда от Брукс. Видимо, ей, как боевому магу, претила мысль, что кто-то сумел поймать ее в ловчий аркан, как адептку-первокурсницу. И сейчас она тихо и почти незаметно пыталась избавиться от пут.

Ответом на вопрос темного стала привычная дому Флейм многоголосица, в которой неуловимо сквозил флер семейного дурдома.

– Я бы с радостью вас покинула, - отозвалась Рей, - если кто-то вернул бы меня в нормальное положение.

– Я никуда отсюда не выйду! – воинственно отозвалась бабуля.

– Правильно,из «выходить» вы только из себя выходить и умеете. А ножками да по паркету – воспитание не позволяет, – не преминула съехидничать бонна.

– Да как ты смеешь! – вскипела седая аристократка.

– Они опять… – обреченно донеслось от Уны, хлопнувшей себя по лбу.

– Ставлю в этом споре семь медек на ведьму. - Эмма азартно толкнула локтем Тору.

– Какую именно: Бо или ба? - «шепотом» уточнила красавица-сестра. К слову, вопрос оказался не праздный,ибо няня была ведьмой по призванию, а бабуля – по состоянию души.

– Девочки! – попытался одернуть дочерей папа. Увы, проще успокоить восставшее кладбище (даже если ты ни разу не некромант, а из орудий магической волшбы у тебя в руках только заступ), чем призвать к порядку женскую часть семейства Флейм.

Темный же, глянув на это безобразие и не иначе как прикинув, через сколько ударов колокола это все прекратится, поступил как… истинный дракон: своровал меня! Натурально. На глазах отца, сестер, няни и бабули. Перекинул через плечо, второй рукой выставил круговой щит от града словесных возмущений, подкрепленных ядреными заклинаниями,и начал отступать.

Я думала – к окну. Но нет. Где тёмный – и где очевидные решения проблемы? Правильно, на разных погостах. Потому, на миг ослабив щит, он махнул рукой, кастуя заклинание,и папин кабинет обзавелся новым авангардным дверным проемом в пещерном стиле. Взвилось облако мусорной пыли, на пару мгновений скрывшее всех ото всех. А когда я наконец проморгалась,то узрела знакомую с детства коридорную ковровую дорожку, которой моль не только подзакусила, но и построила в ее ворсе повивальный дом. Затем перед глазами замелькали ступеньки лестницы, пол гостиной с осколками зеркала и…

Утренний холод улицы впился во всю меня разом. И если до этого я не сильно и сопротивлялась похищению – все же это был самый быстрый способ остаться наедине и узнать, на кой я вообще понадобилась темному, - то теперь возмутилась:

– Зачем меня было красть? Да ещё и в этот собачий холод! Я же и так согласилась на брак!

– Я в курсе, - даже не запыхавшись, произнес на бегу этот северный лис, унося меня все дальше от отчего дома, - слышал ваш милый разговор с той громогласной лэриссой, как и ваше обещание вернуть ей перстень. После чего вы согласились стать моей женой. Так что, я полагаю, кольцо неснимаемое? - задал он риторический вопрос.

Я ответила ему яростным сопением.

– Так вот. Судя по тому, как легко вы согласились на наш с вами брак,то после заключения оного

рассчитывали столь же быстро стать моей вдовой…

– Фофсе нет! – возмутилась я, правда, попавшие в рот волосы заглушили яростный запал. Пришлось отплевываться, а когда я вновь была готова к диалогу, меня уже, как мешок, сгрузили в летную ладью, которая, покачнувшись в воздухе,так стремительно набрала высоту, что меня вжало в сиденье.

– Вот теперь можем спокойно поговорить, - глянув за борт, резюмировал лис. - Касательно нашего брака. Мне нужна жена надолго. Желательно – не пытающаяся перманентно меня убить . И главное, она должна быть живая.

ГЛАВА 3

Я хотела было сглотнуть, но холод кусал меня сквозь махровую ткань халата, жалил пятки, и вообще, всячески способствовал тому, что бы мои зубы выбивали чечетку. Потому я уже приготовилась, что согревающее заклинание получится у меня не с первого раза, но тут темный щелкнул пальцами – и мое тело окутало теплое облако.

– Сп-пасибо, - вырвалось непроизвольно. Я вскинула голову, и наши с лисом взгляды встретились.

Говорят, что глаза – это отражение силы духа. В них можно утонуть , если посмотреть неосторожно. Порою взгляд способен очаровать или разочаровать… А у этого северного лиса был такой, о который можно порезаться.

Он без слов говорил, что предо мной практичный, амбициозный и расчетливый темный. Такой, который без колебаний готов заключить сделку с высшим демоном. А все потому, что, глянув на контракт, нашел в нем пару недочётов, которые можно будет легко обжаловать в суде высших сил. В общем, северный лис был из породы тех, кто умеет прощать врагов так, что бы те плакали.

— Не смотрите на меня так, – вырвалось у меня помимо воли.

– Как именно? - процедил он.

В глубине его карих глазах застыло что–то такое, отчего я пожалела, что не прихватила с собой арбалета. А ещё – пары разрывных амулетов, палицы, полного рыцарского доспеха и летной эскадрильи боевых драконов. Ну так, на всякий случай.

– Как экзорцист на беса, прикидывая, вернуть ли его в бездну, или он еще пригодится в хозяйстве.

– Вообще-то, я и есть черный экзорцист, – припечатал темный.

– Издеваешься? – У меня нервно дернулся глаз. Ибо от мага, после общения с которым даже инкуб может раскаяться и добровольно уйти в монастырь, можно было ждать неприятностей только высшего разряда.

А потом я поняла, что перешла с «вы» на «ты», как истинная воспитанница няни Бо, наплевав через плечо на светские условности.

– Даже не начинал. – Он резко подался вперед. Рывком положил ладони с обеих сторон моего сиденья, оказавшись слишком близко. Тревожно близко. Настолько, что тонкая светлая косичка северного лиса, заплетенная у виска, мазнула меня по щеке.

Мы замерли. Лодка плыла над городскими крышами, кусачий ветер обещал скорый снег, на востоке почти зимнее багровое солнце неспешно начинало свой ход. А меня посреди этого холода обдало жаром. Но не такими, который согревает, а тем, после которого выступает холодный пот.

Я чувствовала дыхание темного у себя на коже, бушевавшую внутри него злость, которая таилась под холодной броней невозмутимости, силу, что исходила от него. И только сейчас, кажется, в полной мере ощутила, кто навис штормовой тучей надо мной.

Это и привело меня в ярость. Страх ушел, уступив место жгучему раздражению. Я ненавидела, когда мной пытались манипулировать . А темный сейчас именно это и делал: подавлял, заставляя играть по его правилам, причем даже не объяснив оных. Жену ему нужно. Надолго. Как бы не так!

У меня на это замужество имелись свои планы. Например, как жить долго, счастливо и уважать личное пространство этого северного лиса. Настолько уважать, что жить от него на другом конце империи.

Я подалась вперед,так что наши носы практически коснулись друг друга,и выдохнула ему в губы:

– Темный, кажется, у меня начинают появляться чувства к тебе.

— Неужели?

– Да, определенно. Я чувствую, как ты меня бесишь.

– Знаешь, светлая, это взаимно, – с этими словами он резко отстранился, вернувшись на свое место напротив меня.

Я про себя облегченно выдохнула и, сглотнув, задала главный вопрос:

– Так зачем тебе жениться на светлой? Выбрал бы себе невесту из темных.

– Пробовал. Темные до алтаря не доходят.

– Сбегают? – уточнила я, думая о тяжелом характере лиса.

– Не доживают, - он произнес это столь спокойно и буднично, что я поняла: не врет.

– Знаешь, тебе не говорили, что твою честность можно отлично использовать вместо дубины? Она настолько оглушительная, что может и убить, – ошарашенно отозвалась я, начиная догадываться, почему понадобилась этому ненормальному темному. А что, принцип «кого не жалко» действует не только на войне, но и при заключении брака.

– Или позволит двум сторонам быстрее договориться…

«…до серьезных неприятностей», – я мысленно закончила фразу темного. Впрочем, вслух ничего не сказала.

– И почему же невесты умирают?

– Видимо, потому, что кто–то очень сильно не хочет, чтобы я остался Хозяином Бурь.

Я напрягла память. Единственное, что я слышала от ведьмы Бонтирны о Хозяине Бурь, - это титул владетеля северного удела, того, что на юге граничит со знаменитым на обе империи городком Хеллвилем – пристанищем вольных чародеев всех мастей и рас.

А еще то, что издревле именно Хозяева Бурь служили щитом для срединных и южных Темных земель от набегов всадников Дикой охоты, которые раз в несколько лет приходили со снежных пустошей.

– А при чем тут женитьба? – не поняла я связи.

– При том, что Хозяин Бурь обязан иметь жену. А если ее нет, то глава северного удела должен сочетаться браком как можно скорее.

– Не понимаю, что плохого в холостяцкой жизни? - нахмурилась я.

– Я тоже считаю, что ничего. Но всадники Дикой Охоты с этим утверждением, увы, не согласны. Они чтут лишь свои обычаи. И согласно им у вождя должна быть жена. Живуча… – он запнулся и поправился в последний момент: – Живая. С тем же хедвигом, у кого нет ни жены, ни наследников, всадники северных пустошей не сядут за один стол.

– Для трапезы? – спросила я.

– Для переговоров. Около ста лет назад мой дед заключил со снежными кочевниками мирный договор. Если точнее: так намял им бока, что ныне они не совершают набеги, а приезжают с дружескими визитами. Раз в пять лет. Как по графику. Но в той войне полег каждый второй житель удела. Замок лежал в руинах, а земли были разорены. Моему отцу достались от деда слава победы, голод и нищета. И он сделал все, что бы не только поднять удел с колен, но и не допустить новых битв.

Он говорил, а я понимала: влипла. Капитально. Передо мной был тот, кто пойдет ради достижения своей цели не то что к алтарю, даже на сотый уровень Бездны , если от этого будет зависеть благополучие его удела. Его народа. Его империи.

– Диксэри, я собрал сведения о тебе и твоей семье. У рода Флейм столько кредитных расписок, что твой отец не очутился в долговой яме лишь чудом. Поэтому я предлагаю тебе сделку: ты выходишь за меня замуж и постараешься не умереть в нашем браке до тех пор, пока я не найду того, кто столь сильно не желает видеть меня Хозяином Бурь. Как только я его уничтожу,ты будешь свободна. Я же гашу все долговые расписки твоей семьи. Не только закладную на дом. ВСЕ. И ты сможешь снять это кольцо и останешься при своей магии. – Он кивком указал на помолвочное кольцо, которое и вправду с каждым ударом сердца забирало все больше сил. – Через пару лет ты будешь свободна… подумай.

– А как же «Хозяин Бурь должен иметь жену»? – Я изогнула бровь.

– Я и буду. Истинную Темную, которая родит мне законных наследников. Именно поэтому на то время, что ты станешь моей женой, тебе не стоит снимать личину.

Я закусила губу. Да уж… Брак на выживание… Я столько раз подстраивала свадьбы, что, видимо, судьба решила преподнести мне самой урок. Да ещё из таких, которые лучше бы и прогулять.

– Я согласна при условии, что буду фиктивной женой, – выдохнула, словно с обрыва прыгнула. Хотя с большей радостью я бы стала фиктивной вдовой.

– Если ты об исполнении супружеского долга, то не переживай. В империи Темных нравы не столь строгие, как тут. Ты можешь исполнять его с кем заблагорассудится. Я, впрочем,тоже. Но будь добра блюсти приличия при Всадниках.

С каждым его словом желание придушить темного становилось все сильнее.

С каждым его словом желание придушить темного становилось все сильнее. И пока это желание не переросло в действие, я постаралась успокоиться.

– С тобой все в порядке? - в мой медитативный процесс вмешался озадаченный голос одного самоубийцы.

– Да! – рявкнула я, резко открыв глаза. - Со мной все в полном и окончательном порядке. – И я от души треснула кулаком по краю борта лодки.

– Понятно… – резюмировал темный тоном «активирую разрывную пентаграмму и уношу отсюда ноги».

Его взгляд остановился на моей сжатой ладони, которой я ударила о дерево. Я посмотрела на свою руку. Она горела. А дерево под ней начало обугливаться.

– Арх! – выругалась я, про себя пожелав темному, что бы василиск от него глаз отвести не мог. Все же довел меня до пробуждения моей настоящей меты.

Затрясла рукой, сбивая пламя, которое нехотя стало вбираться обратно под кожу.

– Я думал, водники в мгновения сильного эмоционального волнения призывают родную стихию, а не противоположную.

– Я тоже думала , что некроманты призывают к брачному алтарю ведьм, а не светлых, - вернула я северному лису его подколку, и не подумав объяснить такую чертовщину с собственным даром.

Ну да, при моем рождении случился в благородном семействе конфуз: я родилась не с метой в виде волны, а с рисунком пламени. Неслыханный скандал для семейства, в котором уже триста поколений как появлялись на свет исключительно водники. За чистоту магии отвечал фамильный артефакт. Отец, женившись на маме и став главой рода, принял вместе с долгами и эту реликвию. А она приняла его, усилив способности папы и наградив детей сильным даром водных магов. Всех, кроме меня. Но мало того, что я оказалась огневиком от рождения, еще и получилось так, что фамильный артефакт на меня за что-то ополчился, не только не желая признавать за истинную Флейм, но и подавляя. Настолько, что я, едва родившаяся, сильно заболела.

Бабушка, как узнала об этом, схватилась сразу и за голову, и за сердце,и за кошелек… И ринулась бы запечатывать мне дар – лишь бы избавить семью от позора, а дочь от сплетен о нагулянном на стороне чаде, вот только отец и мама были против. Папа и вовсе предложил уничтожить фамильный артефакт, но не калечить дочь.

Старая аристократка же руководствовалась принципом: пусть младшая внучка будет совсем без магии, чем каждый будет тыкать в нее пальцем, сомневаясь в происхождении. В общем, бабушка следовала логике аристократов: все что угодно, кроме позора.

И не знаю, до чего бы дошел тогда спор над моей колыбелью, если бы не вмешалась няня. Она, как истинная ведьма, предложила решить проблему с выгодой для себя. Точнее – для меня. Просто украсть нужную мету. Если фамильному камню только водников подавай, то новорожденная будет водником. И точка.

Вот только кража, как и продажа дара в светлой империи, была вне закона, но родители решились на сей поступок. Нашли мага, который согласился продать свой дар. Отец в очередной раз перезаложил дом, подписал кабальный контракт с гильдией погодников на пять лет, а я стала водником. И семейный артефакт меня признал, болезнь ушла. Больше я ничем не отличалась от сестер. В академии никто не усомнился в том, что я истинная Флейм, а не приблудыш.

Ныне на моем запястье красовалась волна. А пламя стыдливо пряталось под одеждой, но нет-нет да и прорывалось. Чаще – в характере. Но порою, как и сейчас, в самом прямом смысле этого слова огонь слетал с кончиков пальцев.

– Кого не жалко,того и беру, – ничтоже сумняшеся ответил темный. – К тому же брак для того и нужен, чтобы использовать друг друга.

– Ну если так… – Я глубоко вдохнула, выдохнула и мстительно закончила фразу: – …тогда ты будешь моим тренировочным мужем. А что? Кто-то перед тем, как родить детей, заводит домашних животных, чтобы попрактиковаться…

Лис посуровел. Судя по всему, тренировочным его еще не обзывали.

– Хор-р-ошо, – протянул он.

А я поняла, что все же главный мой талант – бесить – все еще при мне. И на душе стало как–то светлее сразу.

– Тогда перейдем к договору? – уточнила я и непроизвольно поёжилась: все же согревающее заклинание заклинанием, а пятки мерзли. Да и плечи холодило, и… вообще, на улице снег того и гляди пойдет, а я тут в халате над городом летаю. Пусть и в лодке, а не на метле.

– Кровная клятва устроит? - в духе истинного гнома вопросом на вопрос ответил темный.

– Подробная. - Я прищурилась. – И оплата всех долгов моей семьи – наперед, до заключения брака.

Темный посмотрел на меня ну очень внимательно. Взгляд его карих глаз был подобен набату. Он тревожил и манил одновременно. Захотелось отвернуться и в то же время не отводить глаз. Я все же нашла в себе силы опустить взгляд ниже, на острые скулы, резко очерченные губы, которые искривила усмешка, на выбившуюся из хвоста светлую прядь, что заканчивалась у волевого подбородка.

Лис сидел в распахнутом колете, полы которого трепали порывы ветра.

Но, казалось, темный не обращал на это никакого внимания. Он изучал меня. А потом, сглотнув, произнёс:

– Идет. Только думаю, стоит обговорить делали в более подходящем месте.

Я согласилась,и уже через четверть удара колокола трактир «Святые порты», расположившийся в Сдобном квартале, встречал своих первых утренних посетителей. Нас.

И встречал настороженно. Подавальщица, кося на меня взглядом, осведомилась, чего гости желают, и, приняв заказ, исчезла в боковой двери.

Я же осмотрела пустой зал: чистые беленые скатерти, стулья, а не лавки, выскобленный пол. А главное – здесь было тепло. Весело трещали поленья в камине,и даже осенняя муха упорно билась в прозрачное стекло, отказываясь впадать в спячку.

Мы только расположились за столиком, как в зал выполз не иначе как сам хозяин таверны. Причем шустро так выполз. Его хвост извивался по полу, в то время как тело нага было вертикальным.

– Ис-с-чадьям тьмы здесь-сь делать нечего… – прошипел он, вперив в лиса свои вертикальные зрачки и ощерив ядовитые клыки.

– Значит, здесь только исчадьям света дозволено трапезничать? – в тон змею вопросил лис, вставая. Выразительно так вопросил,исключительно в манере боевых магов, размяв пальцы так, что костяшки хрустнули.

Лис с шумом отодвинул стул. Я подумала , что сейчас кто–то чего-то недосчитается: либо наг клыков, либо я жениха, а заодно и завтрака. За завтрак было особенно обидно. Я жутко проголодалась. Но вряд ли после драки, учиненной северным лисом, меня тут накормят.

Я аккуратно поднялась со своего места, сделала шаг, другой, поближе к стеночке. Там и щитом прикрыться удобнее, и к выходу поближе. Опять же для красоты и антуража секиры на стене висят… И тут в звенящей напряжением тишине прозвучало:

– Старый хрыч! Я думал,тобой в Шумерлинских топях льерны подзакусили. А ты, отказывается, в светлой столице хвост греешь. - С этими словами темный широко улыбнулся и, распахнув объятия, шагнул навстречу нагу.

Тот радостно оскалился, зашипел что–то в духе: «Убить бы тебя, гада, да старая дружба не позволяет» – и ответил на объятья. Причем искренне – аж погремушка на конце хвоста затрещала, выдавая чувства хозяина с головой.

– Шейс, все так же за полет стрелы чуешь нас,темных,и ненавидишь столь же рьяно? – обнимая и хлопая друга по плечам, вопросил лис.

– Почти всех. Ты, Хозяин Бурь,исключение. – Он хитро усмехнулся. – Рад видеть тебя после стольких зим. А кто твоя спутница, готовая приласкать меня парой проклятий? - Наг обернулся ко мне, его раздвоенный язык затрепетал в воздухе.

– Она светлая. Так что с проклятиями у нее туго.

«Это он зря!» – мысленно возразила я лису. Трактат о проклятийных благословениях, за авторством Вивиан Бьерк, урожденной Блэквуд, я не только прочла, но и выучила назубок. Так что мое добрословие могло быть почище многих темных чар.

– Светлая? - не поверил наг, выразительно глянув на меня, добрую, ласковую, отзывчивую волшебницу с топором в руках.

– Ди! Верни на место! – прошипел сквозь зубы лис, обернувшийся в мою сторону и узревший картину "дева со столовым прибором тролля в руках". - Это боевая секира Шейса. Его гордость и достояние. Он ей столько нежити пошинковал в топях…

– А мог бы еще и капусты. Чего хорошему лезвию без дела простаивать? – из чувства противоречия, ощущая себя в глупейшей ситуации, проворчала я.

Но по выражению лица змеелюда я поняла, что он готов порубить не кочан, а одну чародейку, осмелившуюся взять в руки его реликвию , если та не вернет оружие на место.

Ну я и повесила топор обратно. Как говорится, не больно–то и хотелось… Но не успела отойти, как тот в гробовой тишине упал на пол, чудом меня не задев.

Обух лежал как раз рядом с моими ногами. И я аккуратно, под испепеляющим ненавистью взглядом Шейса, пяткой задвинула его под лавку. И с выражением лица "так оно и было" взглянула на лиса.

– Ты уверен, что она светлая? - уточнил наг, не отрывая от меня взгляда.

– Да, уверен. А еще она моя будущая жена.

– А как же Лорелея? Ты же ей хотел предложение сдел… – вырвалось у ящера.

– И сделаю. Но позже, - перебил друга темный и тут же сменил тему разговора: – А пока накорми нас чем-нибудь.

А я, кажется, поняла, чью личину буду носить несколько лет. Эту Лорелею, в отличие от меня, северному лису было для брака на выживание жалко.

Змеелюд и накормил. Тушеной капусткой. Не иначе как изощренно мстя мне за предложение рационального использования в хозяйстве ненужной боевой секиры. Правда, случилось это после того, как друзья обменялись не только объятиями, но и перекинулись дюжиной фраз.

А пока они разговаривали, сметливая подавальщица по знаку трактирщика принесла мне старые, но добротные тапочки.

Зато за завтраком мы с женихом обсудили не только размер моего «гонорара», но и дату отбытия в темные земли,и то, что требуется от меня как от супруги,и как скоро я смогу вернуться. В общем, вели торги по всем правилам гномьей науки о сделках, добиваясь для себя максимальной выгоды, а для оппонента – нервного срыва. А когда наконец–то пришли к соглашению, то обоюдная кровная клятва заняла у нас чуть ли не пол-удара колокола: мы не доверяли друг другу и на гнутую медьку и старались быть предельно точными в формулировках зарока.

Когда же с делами было покончено, я из любопытства задала точивший меня вопрос:

— Наги же обычно ненавидят темных почище драконов. Как так получилось, что ты не только знаешь трактирщика, но он при виде тебя плюется не ядом, а радостными восклицаниями?

– Просто наги больше темных ненавидят нечисть, а ее в вольных землях окрест Хеллвиля водилось изрядно. Я тогда был простым наемником, как и Шейс. Вот мы и встретились трое на одном болоте.

– Трое?

– Он, я и неприятности, - пояснил лис. - Последние – исключительно в лице драуга, который решил сожрать двух наглых охотников за его головой.

Я вспомнила картинку из бестиария, где была изображена эта болотная тварь в три человеческих роста,и поежилась. А потом меня кое-что насторожило. Всего одно слово «наемником». Наследник великого рода – и простой вольный маг, разъезжающий по трактам и истребляющий нежить за пару золотых? Впрочем, кто этих темных знает…

– Кажется, нам пора в ратушу. – Лис посмотрел в окно.

Едва он это произнес, как кольцо на моем пальце напомнило о себе легким жжением.

Мухогрыз сожри этого Винора с его родовым перстнем! Я покосилась на свои персональные

«обручальные кандалы». И пусть украшение на моем пальце выглядело невинно, но не стоило обольщаться: оно способно притянуть невесту к алтарю, даже если та будет в бегах, при смерти и рожающая разом. Все равно в назначенный удар колокола суженая придет. И выйдет замуж как миленькая.

Уважительной причиной неявки на свадьбу считалась смерть . Хотя… На лекциях по истории сопредельных земель в академии Кейгу магистр Муронир рассказывал об одном некроманте, который умудрился вернуть душу своей умершей невесты, лэриссы Лавранс, с Сумеречного пути. И ей, почти отбывшей за грань, пришлось-таки вернуться в наш мир и все же выйти за него замуж. Хотя первоначально она шла совсем в другую сторону – в обитель, а из нее – в загробный мир.

Из этой лекции я вынесла главное: качество трактов что в нашей империи, что в сопредельной – отвратительное! Даже дорога в женский монастырь и та – с браком!

Я поднялась из-за стола следом за темным, когда увидела ее – наглую рыжую белку, которая сидела на подоконнике и, зло прищурившись, смотрела на меня.

– Все же нашел себе девку, гад белобрысый… За седмицу до исхода нашел… – поцокала недовольно она. - Но я тебе, паразиту, щас устрою свадебку!

С этими словами она щелкнула пальцами левой лапы. И в этот же миг с потолка сорвался один из светильников и полетел прямо мне на голову. Я не успела выставить щит, лишь отскочить вбок. Светильник разбился, брызнув маслом у моих ног и щедро окатив им халат. И растекшаяся лужа тут же вспыхнула. А вместе с ней – и моя одежда.

Где–то в другом конце зала истошно завизжала подавальщица и, подхватив юбки, унеслась на кухню.

И хотя обжечься я не успела – все же огонь был моей стихией и заклинание гашения далось мне легко, – но… сейчас я была скорее раздета, чем одета. Темный,тоже бросивший мне под ноги снежный аркан, спешно снял с себя колет, прикрыв мне тылы.

А затем в его руке вспыхнуло зеленое пламя, и он начал озираться.

– Это она! – Я мстительно ткнула пальцем в наглую белку и…

– Видишь?! – задохнулась от возмущения рыжая.

– Кто? - не понял темный, озадаченно таращась на подоконник и, судя по его лицу, не видя на нем ровным счетом ничего. И никого. Одну пушистую морду – так точно. А я вот – сразу целых две: сердитую беличью и напряженную – северную лисью.

– Да, и уже давно. Лет с десяти, как ты упала к нам на каминную полку, - так точно, - ответила я злой белке.

На это мое заявление она как–то нервно дернула хвостом. Видимо, вспомнила, как радостно ее встретили в доме Флеймов. Настолько радушно, что чуть не затискали на воротники.

Ибо, как говорится, в чужой дом скорби со своими психами не суйся. Даже если ты – Эйта, дарящая безумие. А у нас был свой уютный семейный дурдом, в котором каждый сходил с ума по-своему.

Бабуля страдала приступами аристократизма. Тора хотела стать оперной дивой, и ее не останавливало даже полное отсутствие слуха и голоса. Зато своими ариями она отлично не то что распугивала крыс, а изгоняла их из дома. Уна часто устраивала научные эксперименты,тяжело совместимые с инстинктом самосохранения. Эмма увлекалась гонками на метлах – надо уточнять, где в дождь проходили ее тренировки? Брукс не всегда рассчитывала силу, которую вкладывала в заклятья. Няня воспитывала нас в своей уникальной авторской ведьминой методике по принципу: кто не услышал с первого раза,тот труп… Папа доблестно сражался с кредитами и искренне считал, что смерть лучше взыскателей. Потому что она приходит лишь единожды, а те – раз в квартал.

Лишь мама была невозмутима наперекор всем катаклизмам. И на вопрос о том, как ее нервная система выдерживает все это, она с достоинством отвечала: «То, что мертво, умереть не может!» Хотя… некроманты бы с этим заявлением поспорили.

В общем, в нашем доме Эйту из поживы ждал разве что нервный срыв. Причем не кого-то из домочадцев, а ее личный. Уникальный и неповторимый.

– О чем это ты, Ди? - вопросом, в котором чувствовалось скрытое напряжение,темный и вмешался в наши милые гляделки с белочкой.

– О ком, - мрачно поправила я, буравя рыжуху взглядом.

Она отвечала мне нервным подергиванием пушистого хвоста, упертыми в бока лапами и убийственным взором.

– Значит,так, девка. Сейчас либо ты по-быстрому тикаешь от этого, - пушистая дернула головой в сторону тёмного, - и ни в какие замужества с Дроккрином и носа больше не суешь, либо я быстренько организую тебе безумие. Выбирай.

– Ты не говорил, что в браке мне придется иметь дело с Эйтой. - Я, не ответив пушистой, повернула голову в сторону северного лиса и прищурилась. - И что именно она угробила твоих предыдущих невест.

– С той, что дарит безумие? - нахмурившись, уточнил темный.

Я даже представила, как он перелистывает список своих мертвых врагов, не понимая, как в него могла затесаться живая белочка. И почему она мстит ему именно невестами.

– Ей самой. И сейчас она угрожает мне лишением разума. А такого в нашем договоре не было. Мы только о покушениях на мою жизнь договаривались . Причем покушениях, организованных людьми, а не Эйтой!

– Хочешь, что бы я вернул тебе твою клятву? - вопросил этот… Дроккрин.

– А ты это сделаешь , если попрошу? – И вот странно, вопрос задавала я, а ответа мы с белкой ждали одинаково. Рыжая даже чуть привстала на задних лапах, подавшись корпусом вперед. Ее усы дернулись от нетерпения.

Короткий миг, в котором отразилась вечность,и я услышала:

– Против Эйты ни у кого нет шансов сохранить разум. - При этих его словах белочка от гордости даже приосанилась . - Так что я тебя отпущу…

Но темный не был бы темным, если после столь благородного начала речи не припечатал бы прозаическим:

– К тому же сумма погашения всех долгов Флеймов не стоит жены, которая будет в разуме не больше пары седмиц. Так что предлагаю расторгнуть сделку.

– Ах ты… – у меня слов не нашлось. Даже нецензурных. Только чувства. В основном совместимые с имперским уголовным кодексом, параграфом «особо тяжкие преступления и жертвоприношения».

Белочка же смахнула слезу умиления со словами:

– Какое благородство…

Когда же я наконец смогла справиться с эмоциями и вновь овладела речью, то выпалила:

– Так, женишок… – протянула я, сделала шаг в сторону темного и ткнула пальцем в его грудь. Тем самым, на котором красовалось архово кольцо рыжего. Попала как раз в край выреза рубахи, аккурат меж перекрестьем шнуровки. Отчего острый ноготь наверняка ещё и кольнул кожу лиса. Но этот гад даже не поморщился, неотрывно глядя мне в глаза. – Никуда я не пойду.

Ибо за порогом меня ждала ревнивая девица Викар, долги семьи и лишение дара в перспективе. Так что Эйта при таком пасьянсе была не самым страшным проклятием.

– Как это не пойдешь?! – возмутилась белочка.

Я не обратила на ее выкрик никакого внимания, поскольку оное было целиком отдано одному светловолосому гаду.

– Сегодня, до двенадцатого удара колокола, мы поженимся. И пока мы будем в браке, я, так и быть, не схожу с ума.

– Как? – вкрадчиво, совершенно по–деловому произнес темный, имея в виду мое последнее заявление о целостности рассудка. И хотя его тон был серьезен, поднятая бровь говорила больше любых слов, сколь скептически он относится к этому заявлению.

Ну да, девица, которая разговаривает с пустотой и заявляет о том, что у нее все дома. И разбегаться из него в ближайший год не собираются.

– Да! Как?! – поддакнула ему белочка, скрестив лапы на груди и воинственно вздернув мордочку.

– Ну, я вижу Эйту с десяти лет и все ещё не сошла с ума. Это ли не показатель? – скромно

отозвалась я.

Но тут встряла рыжая, заставив обернуться к ней:

– То, что ты согласилась выйти замуж за этого тёмного, – уже показатель! Ты явно попадешь в Лабиринты безумия! Помяни мое слово! – Белка погрозила мне кулаком.

– Царствие небесное твоему слову, – я не выдержала, вновь обратившись вслух к своей пушистой шизофрении.

– Ну на-а-аглая… – Выпятив грудку, белка аж раздулась от возмущения. А потом перевела взгляд на лиса, с лиса опять на меня и выдала: – Я вам устрою, новобрачные, веселенький некролог!

С этими словами она исчезла, истаяв в воздухе. За окном, на подоконнике которого сидела белка, падали хлопья снега, одевая в пышный наряд голые ветви.

– Ди, – прозвучал хриплый голос, а затем сильная мужская рука осторожно развернула мой подбородок.

Я увидела лицо лиса. Напряженное. Опасное. Он вглядывался в меня, словно пытаясь отыскать признаки безумия. И не находил.

– Ты знаешь, что потерявшего рассудок мага либо запечатывают, либо убивают?

– Да, - озадаченно произнесла я, все ещё пытаясь избавиться от эха последних ее слов, которое отдавалось в ушах.

– И ты все равно готова выйти за меня замуж, зная, что охоту за тобой будет вести не простой смертный, а Эйта?

– Да, – второй раз согласие прозвучало четче и увереннее.

– Ты настолько любишь деньги? - Он жестко усмехнулся.

– Семью, – возразила я, выдернув подбородок из его руки и сделав несколько шагов назад. А потом добавила: – И свободу. А золотые – это отчеканенная свобода. От долговых расписок и кабалы трудового контракта.

– Я рад, что в тебе не ошибся… – произнес темный.

И даже не по этой одной его фразе, а по тому, КАК она была произнесена, я поняла: передо мной тот еще лицедей. Так талантливо сыграть удивление! И готовность отпустить меня – все это было проверкой.

– Ты знал…– С этими словами в моей руке появился водный аркан. Контролируемый и смертельно опасный.

– Догадывался. А благодаря тебе убедился, что тут не обошлось без бессмертных…

– Сволочь! – Я все же кинула в него заклинанием. А потом ещё одним и еще.

Поначалу он уворачивался. Да так ловко, словно всю жизнь репетировал, как уклониться от скандала. В общем, проявлял дипломатию во всей красе. Видимо, не зря этого паразита включили в посольство темных!

Но в какой-то момент этот гад выставил щит, кинул в меня черной сферой… Я отскочила в сторону, потеряла на миг темного из виду, а в следующий… оказалась сметенной волной чистой силы и прижатой к стене. Не успела сделать и вдоха, как мои руки прижали к каменной кладке, а надо мной нависло злое лицо северного лиса.

Мгновение он неотрывно смотрел на меня. Думала – выплюнет проклятие, а он… Резко вжал свое тело в меня. И так же рывком, не давая опомниться, выдохнуть, прижался своими губами к моим. Застыл на мгновение, будто пытаясь уловить что-то, а затем провел языком по моей верхней губе и тут же прикусил нижнюю, отчего я ахнула. Вышло – ему в губы. И он углубил поцелуй. Жесткий, злой, напористый.

Темный целовал так, словно был пламенем, готовым меня сжечь. Я дернулась в попытке освободиться, но куда там. Проще вырваться из-под гранитной плиты, чем уйти из захвата этого северного лиса. Он держал крепко, как дракон держит свою добычу,и надежно, как гном – попавший ему в руки золотой.

Я не могла пошевелиться, сделать вдох. Вокруг меня был не воздух – темный. Этот демонов

Дроккрин. Дрок, архи его побери!

Мужская ладонь скользнула ниже. По изгибу талии, бедру. Туда, где заканчивался его колет и начиналась моя обнаженная нога. Пальцы. Горячие. Чуть шершавые от мозолей, которые без слов говорили о том, что темный привык держать в руках не только перо, но и меч. Его ладонь коснулась моей кожи, поднялась чуть выше, лаская.

Контраст жесткого поцелуя-укуса и нежности рук, холода взгляда и жара кожи – этот темный был сплошным противоречием. Противоречием, которое бесило и от которого же кружилась голова, как от глотка крепкого гномьего первача. Но я–то предпочитала эльфийские вина!

Прикосновения лиса должны были быть мне неприятны, но… не были. Они рождали во мне странные чувства, ощущения. Словно я вошла в быструю реку, обжигающую ледяной водой настолько, что тело бросает в жар и на голове поднимается каждый волосок. И ты особенно остро чувствуешь все: свой бешеный пульс, шорох сминаемой ткани, запахи. Особенно – запахи.

Темный напоминал мне пронзительную морозную ночь в лесу. С ее ароматом можжевельника, пихты и колкой свежестью снега. И волосы его, светлые, точно в инее, оказались жесткими на ощупь.

Именно это знание и отрезвило меня. Я поняла, что отвечаю лису. А мои пальцы каким-то непостижимым образом оказались на его затылке. И… Укус – это тот поцелуй, в котором есть победитель. А я не любила проигрывать . Очень. Потому цапнула от души.

– Ди! – зашипел темный, отстранившись.

На его губе алела кровь. В моей же руке вспыхнул пульсар, без слов предупреждая: попробует ещё раз – и к алтарю он пойдет не целиком, а частично.

– Ангел! – из уст темного в мой адрес прозвучало ругательство. – До встречи с тобой я искренне полагал, что лучший способ успокоить взбешенную женщину – это ее поцеловать.

– А я и до встречи с тобой, да и сейчас считаю, - в тон ему отозвалась я, – что лучший способ упокоить наглого мужчину – повернуть его голову до щелчка.

И тут из дальнего угла донесся звук удара, плеск воды и причитание:

– Мать моя змеевна!

Оказалось, что трактирщик, который с трудом, через истерику подавальщицы, смог пусть и не сразу, но понять, что случилось, спешил к нам из кухни с полной кадкой воды: то ли тушить зал,то ли обмывать мой труп. Несостоявшийся. И как увидел, во что превратился его трактир…

Что могу сказать: топор нага был цел и невредим. И только топор. Все остальное – было либо сломано, либо попрыскано, либо побито. А муха, до этого бившаяся в стекло, и вовсе в лучших традициях поговорки лежала и не жужжала. Видимо, предпочла притвориться трупом.

– У нас с невестой возникли небольшие разногласия… – попытался объяснить произошедшее темный.

А я подумала , что у нас с Дроком было соблюдено первое правило скандала: мы устроили погро… прощу прощения, ссору не у себя дома.

– Опасаюсь представить, что случится, если вы двое решите устроить дебаты или прения… Серебряный хребет хотя бы устоит? – Змеелюд ощерил клыки.

– Я возмещу все убытки. – Лис поднял руку в жесте примирения.

– Знаешь, Дрок, давай ты не будешь платить, но с этой минуты я буду ненавидеть всех темных без исключения…

Лиса такой вариант почему-то не устраивал, хотя, как по мне, он был намного экономически выгоднее. Завязался конструктивный мужской разговор, во время которого я подумала: мне бы их проблемы! Ибо то не беда, а так, сущая ерунда.

Ну да, что могут знать о неприятностях мужчины. Их же не посетил один из четырех всадников женского апокалипсиса – не в чем идти! Не хватало трех его приятелей: диеты, мозолей и корсета. Ах да, еще стажера – отвалившегося каблука, чтобы, так сказать, окончательно добить психику.

– Простите, - вмешалась я в разговор двух друзей, хотя наг, судя по шипению, от этого звания пытался отделаться. Но пока – безуспешно. - А тут где-нибудь можно купить свадебное платье?

Судя по морде змеелюда, таких вопросов в таверне ему ещё не задавали.

– Поблизости – нет. Но через дорогу есть погребальный салон. Там наверняка продаются саваны… – озадаченно ответил он.

Критическим взглядом посмотрела на нага. М-да… логика змеелюда – это травма для моей психики. И что я такого ему сделала , что бы этот гад ползучий меня так оскорбил, причислив к кандидаткам в покойницы?

– Я имела в виду наряд для ЖИВОЙ невесты, а не божественной, – уточнила я, кашлянув.

Наг почесал затылок.

– Есть платяная лавка… через два квартала , – наконец спустя несколько томительных мгновений изрек он, словно сие знание отрывал в мозгу долго и упорно. Причем своей пятерней. – У лэриссы фло. Но она третьего дня уехала к свекрови и закрыла ее… Так что это… Если именно одежду, - змеелюд, отлепив ладонь от макушки, выразительно обрисовал двумя руками гитарный силуэт, - то это только в центре. Там все модные дома. А у нас тут квартал простой, Ржаной. Тут всё пекарни да едальни в чести…

Я пригорюнилась: времени искать туалет для венчания не было. Совсем. И именно его отсутствие сделало из погребального одеяния наряд невесты. У гробовщика же я раздобыла еще и белые удобные тёплые тапочки и плащ. Последний, правда, в базовый набор для покойника не входил. Но похоронщик оказался мужиком отзывчивым. В смысле отозвался обо мне многословно, правда, не совсем добро… Зато несколько раз!

Самой цензурной из его фраз была: «Забирай, упырица, последнее,только сгинь!» А все потому, что у него в лавке в лучших традициях дамского магазина случилась примерка. И психика мужика не выдержала сего испытания. Ну не приученный гробовщик к тому, что его клиенту может наряд не понравится и тот захочет прикинуть на себя для сравнения ещё другой,из атласа… нет, вот этот, с кружевным подолом… а ещё вот тот, с расшитым воротом... и опять нет, этот саван полнит! Несите еще один. Нет, сразу три!

К слову, у темного нервы были покрепче. Он всего лишь шипел сквозь зубы, напоминая о быстротечности времени, тленности бытия,теории относительности – и все одной фразой:

– Ди, быстрее, какая разница, что на тебе надето?

– Большая! Я, между прочим, сегодня замуж выхожу.

– Знаю, – с сарказмом отозвался лис. – Не поверишь, но я тоже в этом мероприятии участвую.

Я лишь фыркнула из-за стеллажа с гробами, за которым и укрылась для переодеваний, и… промолчала, решив за неимением ответа сойти если не за умную, то за гордую и независимую.

А спустя пол-удара колокола я разжилась не только свадебным саваном и парой клубочков нервов похоронщика, но и теплым плащиком с подбивкой на кроличьем меху. А то заклинания заклинаниями, но они имеют свойство развеиваться. А ты потом стой на холоде, вся красивая и синяя, в одном саване, вспоминай плетение согревающих чар, стуча зубами и тратя свой резерв. А он, между прочим, так просто не восстанавливается.

С этими мыслями я и застегнула фибулу плаща. И тут мой взгляд упал на букетик из сухоцветов… В итоге из ритуальной лавки прихватила себе еще и свадебный веночек с пучком трав, оторвав от последнего ленточку «Покойся с миром». Хотя именно эта надпись лучше всего характеризовала жизненный путь нервной системы темного, который рискнул со мной связаться. Видимо, Дроку было себя ну совсем не жаль, раз решился на такое.

Путь до ратуши пролетел в один миг. К одиннадцатому удару колокола мы входили в здание. Конечно, браки в Светлой империи чаще заключали в храме, но, увы, это был не наш с темным случай. Совсем. Потому как если северный лис ступит под святые своды,то либо город лишится молельни, либо я стану вдовой, не успев побывать замужем. Потому как темные сочетались с храмами примерно как пульсары с пороховыми складами – феерично.

Ратуша же встретила нас не пустым крыльцом, как хотелось бы, а жиденькой толпой гостей на ступенях. А все потому, что перед нами брачевалась глубоко беременная пара. Причем настолько глубоко, что у меня были опасения, не превратятся ли мраморные ступени в экстренном порядке в родильное отделение.

Жених – молодой и решительный гном – вел под руку счастливо улыбающуюся эльфийку. И в противовес сияющим лицам молодоженов мины родственничков с обеих сторон без слов говорили, что они думают об этом возмутительном союзе. Чтобы сын подгорного народа, гордый наследник

кирки прадедов и носитель килта, да женился на этой остроухой?! Чтобы прекрасная, как утренняя заря, дочь леса – да стала супругой этого бородатого низкорослика?!

В общем, у этой агрессивно настроенной свадьбы были все шансы пройти в истинно древних традициях, когда драка и братание происходят одномоментно.

И это могла бы быть самая неожиданная пара молодоженов, чей союз скреплял на своем веку помощник бургомистра, но тут случились мы. Я, северный лис и саван. И, судя по тому, как нервно косил глазом в мою сторону представитель мэрии Йоноля, за исчадье тьмы приняли не того. Точнее, не ту.

– Уверен ли ты, Дроккрин из рода Стоунов, в своем решении взять в жены Диксари, урожденную Флейм, чтобы заботиться о ней? – вопросил регистратор темного тоном «мужик, десять раз подумай и все равно не соглашайся».

У меня в этот момент кольцо на пальце начало раскаляться. Я зашипела сквозь зубы, едва не пританцовывая от нетерпения. Дрок, скосив глаза на нетерпеливую меня, бросил отрывистое: «Согласен».

После этого я наконец услышала:

– Согласна ли ты, Диксари, урожденная Флейм, взять в мужья Дроккрина из рода Стоунов, любить и почит…

– Да! – рявкнула я. Причем так порывисто, что регистратор вздрогнул.

Зато я могла с наслаждением выдохнуть: кольцо перестало жечь.

После слов согласия самописное перо в книге судеб, которую держал на вытянутых руках регистратор, вывело литерами дату и наши имена. Вот и все. Теперь я официально стала лэриссой Стоун.

– Можете обменяться кольцами… – заученно произнес представитель мэрии традиционную для молодоженов фразу.

– Нет уж, хватит с меня колец. - С этими словами я стащила с пальца злополучный перстень, который в последний раз вспыхнул магическим всполохом и вновь принял вид обычного украшения, а не артефакта,тянувшего силу.

– Поцелуями тоже обмениваться не будете? - прозорливо уточнил регистратор.

Темный только хмыкнул, дернув углом рта. Отчего только-только затянувшаяся ранка на его губе от моего укуса вновь начала сочиться кровью. Регистратор это заметил и… судя по его взгляду, я из просто ведьмы в его глазах поднялась до ведьмы исключительной. С родословной, в которой явно отметились вампиры.

– Поздравляю вас с заключением брака и жел…

Я не стала дослушивать напутственную речь, а развернулась, готовая рвануть к выходу. Меня ждала Викар. Вот только темный не был бы темным , если бы не схватил меня за запястье.

– Ди! Теперь ты моя жена и по традиции я должен надеть тебе этот браслет.

Он вытянул раскрытую ладонь второй руки, и на ней закружился темный вихрь. Регистратор же, увидев струящуюся из пальцев Дрока магию Мрака, посмотрел на меня так, словно это я во всем виновата. Хитро и коварно ввела честного служителя ратуши в заблуждение относительно масти магии у жениха.

Меж тем на ладони Дрока соткались из клубов тьмы два браслета. Мужской и женский. И последний, не успела я и глазом моргнуть, лис защелкнул на моем запястье.

– Заче-е-ем? Мы же сделку, скрепленную клятвой, заключили… – возмущенно простонала я. Только избавилась от кольца – и снова «доброго утречка»! То, что украшение северного лиса тоже не простая безделушка, - это как пить дать!

– Заключили, - покладисто согласился темный. – Но ты моя жена. А супруга Хозяина Бурь должна носить брачный браслет. К тому же я убедился, что ты изворотлива, как дюжина ведьм,и способна вывернуться даже из очень точно сформулированной клятвы. Так что браслет лишним не будет.

Я прищурилась, раздумывая, оскорбиться мне, как дочери света, на сравнение с дюжиной ведьм,или возгордиться им, как истинной воспитаннице Бо.

– Какой мне попался предусмотрительный муж...

– Весьма, - согласился темный и назидательно добавил: – Так что цени, светлая.

– Буду. Ровно на оговоренную в трактире сумму. - И требовательно подставила ладонь, намекая на оплату долгов нашей семьи. А что? Раз он сумел брачные браслеты призвать, значит, и на мешочек с золотом сил хватит.

– Хорошо. – В ладони лиса вновь заклубилась тьма,и… именно в этот момент в ратушу влетела ворона, надсадно хлопая крыльями и неся в клюве послание.

Посланница недовольно каркнула и умостилась на плечо Дроку. Переступила когтистыми лапами и, открыв клюв, выронила из него письмо. Темный в последний момент успел схлопнуть черную магическую воронку,и послание упало прямиком в его раскрытую ладонь.

Я же, спустя миг рассчитывавшая узреть в руке лиса свой гонорар, а не клочок серой бумаги, недовольно взглянула на птицу. Та, резко повернув голову, сверкнула своей черной бусиной-глазом. То есть ответила мне полной и безоговорочной взаимностью.

Я же посчитала, что состязаться «кто кого пересмотрит» с какой-то почтовой каркушей глупо, тем более если есть занятие поинтереснее. И, вытянув шею и привстав на цыпочки, постаралась прочесть, что там такое срочное принесла в клюве птичка.

– Кар-р-р! – разнеслось раскатистое эхо по залу ратуши, выдав меня.

Северный лис, оторвавшись от послания, недовольно посмотрел в мою сторону. А я что? Я ничего! Не сильно-то и хотелось! Тем более там симпатическими чернилами нацарапано. Прочесть может только получатель.

– Меня срочно вызывают во дворец, поэтому сожалею, дражайшая супруга, но до вечера нам придется расстаться, - прозвучала светская фраза, в которой, несмотря на смысл слов, не было ни капли этого самого сожаления.

– А вечером ты выполнишь свою часть договора? – бдительно вопросила я.

– Выполню. И долг отдам.

– Деньгами, - выставив указательный палец вперед, произнесла я.

А то с этими темными надо держать ухо востро. Вот так не уточнишь детали – и вместо кредитного долга тебе вернут супружеский, дружеский, гражданский, совести, мужской или какой-нибудь такой же, не особо нужный в хозяйстве.

Ответом мне была хитрая усмешка.

Мы расстались с темным на крыльце ратуши. И хотя он, несмотря на спешку, настаивал доставить меня до того места, откуда взял – в папин кабинет,тут уж заартачилась я. Как-никак меня ждала ещё встреча с Викар,и на это рандеву я и так уже изрядно опаздывала.

Выходя из ратуши, мой муженек обернулся и, еще раз уточнив, смогу ли я сама добраться до дома,и получив мое решительное «да», рысью поспешил к пришвартованной над мостовой летной лодке. Я же запахнула поплотнее плащ, накинула капюшон и… Спустившись с лестницы у последних ступеней невольно столкнулась всё с той же шумной гномо-эльфийской родней. Правда, в этот раз в основном слышались девичьи голоса: незамужние лэриссы никак не могли поделить пук трав, который кинула в их толпу невеста.

– Еще один букет! – услышала я чей-то радостный вопль.

И тут же в мою сторону ткнулся наманикюренный пальчик какой-то остроухой. А следом за ним в новоявленную лэриссу Стоун впилась пара дюжин глаз. М-да, вот уж не думала, что когда-нибудь окружающие будут воспринимать меня приложением к свадебному венику.

Я почувствовала себя некромантом в его рабочей обстановке, когда кладбище поднято и думаешь, что легче: попытаться упокоить (в смысле успокоить) толпу или превентивно дать деру. Второе было явно полезнее для организма. Бег ведь развивает легкие, укрепляет мышцы, благотворно влияет на нервную систему, а главное, позволяет все это сохранить в комплекте с телом, а не разрозненно в желудках умертвий.

Я развернулась на каблуках, через плечо кинула алчущей толпе букет, потом сорванный с головы венок, потом попавшуюся под ноги кошку…

Как ни странно, судя по крикам за спиной, поймали всё. Кису , если исходить из ее рева и шипения,

даже два раза.

Я же припустила к храму. Там меня ждала Викар. Она являла собой олицетворение истинной любви. В смысле оказалась злой. Прямо как в поговорке про «любовь так назло сделает – полюбишь и демона».

Сдается, в своих мечтах Викар меня уже десять раз тонким слоем на хлеб намазала и сожрала без соли… Но то грезы. А суровая реальность – вот она. Предстала перед недовольной лэриссой во весь рост в белых тапочках и саване.

И чего, спрашивается, клиентка такая недовольная? Подумаешь, подождала чуть дольше. Зато свежим воздухом подышала. Опять же в теплой шубке и сафьяновых сапожках. Руки – в муфточке. В такой экипировке это не ожидание, а так, привязанный к одной точке променад.

– Ну наконец-то, – процедила она. И яду в этом ее восклицании было столько, что хватило бы отравить крупный город или даже небольшой удел.

Вместо ответа в моих руках блеснул перстень. Викар как увидела его,так больше не отрывала взгляда от украшения. Словно во сне она протянула мне туго набитый кошель. Я не поленилась, ослабила тесемки горловины и убедилась: золото. И лишь после этого раскрыла ладонь. На ней в лучах предзимнего солнца блеснул перстень.

Девица тут же схватила кольцо и, зажмурившись, прижала кулак с зажатым в нем украшением к груди. Я, глядя на это преображение, подумала: вот что значит «девица расцвела». Теперь у нее все мысли только об опылении…

К слову, это самое опыление не заставило себя долго ждать . Рыжий маг лихо спикировал на крыльцо храма на метле. Ж-женишок, чтоб им льерны подзакусили. Увидел нас с Викар и… всё понял. По его глазам было видно, что понял. Сообразительный, паразит.

– Ди, неужели ты не хочешь быть со мной? - тоном: «Как тебе удалось снять кольцо, ведьма?» – вопросил рыжий маг.

– Винор,ты должен меня завоевать . – Я развела руки в жесте «что поделаешь». - А раз не завоевываешь,то... я решила передать эстафету.

– А что, мирным путем никак? – уточнил он,изогнув бровь.

И тут краем глаза я заметила, как багровеет Викар. Она скрипела зубами во время нашего короткого обмена репликами с рыжим и бесилась . А тот наслаждался этим от души… Вот ведь манипулятор!

Я фыркнула про себя: ну уж нет! Рыжий сейчас полез со своим гримуаром в чужой ковен! Это моя прерогатива – делать клиенту нервно! Ну… и еще немножко – безденежно.

Я широко, в духе няни Бо, улыбнулась и благословила «молодоженов»:

– Овощ вам в помощь, господа, а свою работу я выполнила и удаляюсь! – Развернулась и поспешила прочь от этой парочки.

Если честно, эти двое стоили друг друга. Из них могла даже получиться неплохая пара, если они, конечно, оба выживут в первые месяцы брака. А что? Она станет ревновать и закатывать грандиозные скандалы. Он – виртуозно уходить от них на бешеной скорости, оседлав метлу... Зато они всегда будут в тонусе. Возникнет ли у обоих в этом браке желание убить? Да! Сдохнуть самому? Однозначно! У них будет не хватать звуков, чтобы выяснить все отношения. Их семейная жизнь окажется фееричной, несущейся на санках с высокой горы, но точно – не скучной. А в перерывах между их скандалами будет любовь. Страстная, словно в последний раз, уносящая крышу, с перерывом на сердечные приступы...

Я уже находилась в дюжине локтей от этих двоих, когда ветер, дувший мне в спину, донес отголоски фраз. Женское непонимающее: «Что она имела в виду под овощем, который в помощь?» – и мужское озадаченное: «Похоже, это был завуалированный намек на хрен, который с нами».

Но мне действительно было не до них. Я спешила домой, где предстоял нелегкий разговор с семьей.

ГЛАВА 4

Дом встретил меня ожидаемо – шумом. Скандалили на этот раз в мою честь . Причем вдохновенно и все сразу.

Рей рвалась лично начистить забрало одному темному совсем-не-рыцарю, посмевшему умыкнуть ее сестру. Брукс была с ней солидарна.

Тора увещевала, что за покушение на посла причитается тюремный срок. И так действовать нельзя. Эмма уверяла, что «нельзя» бывает только для тех, кто спрашивает. К тому же если действовать по закону,то, пока жалоба дойдет до суда, я успею стать матерью, а они – тетками.

Рассудительная Уна предлагала проклясть и списать это на происки темных же. Дескать, у них там свои разборки, а семейство Флейм тут ни при чем. Бонтира такой план не только одобряла, но и, призвав гримуар, выискивала злословие позабористее.

Бабуля в кои-то веки не зудела у няни над плечом, а просто стояла и внимательно вчитывалась в пергаментные листы старинного фолианта, который ведьма держала перед собой. Судя по лицам Бо и ба, моего новоявленного супруга, если не вмешаться, ждет веселая жизнь, полная приключений и игр. Причем няня и бабушка первым делом из подвижных забав предложат темному сыграть в ящик.

Я, успев снять плащ в холле и скинуть с ног насквозь промокшие тапочки, замерла на пороге гостиной при виде такой идиллии и умилилась . Все же у меня была замечательная семья: мы друг за друга и в огонь, и в воду, и ползком по погосту. И тут меня, стоявшую в дверном проеме в саване, с растрепанными волосами, на которых успел растаять снег, заметил папа. Побледнел и, схватившись за сердце, тихо выдохнул:

– Я его убью!

– Поздно. Вы родственники, – мой голос прозвучал на манер карканья ворона.

Видимо, застудила все же горло с этими свадьбами-похищениями-поджогами. Ех, надо будет настойки подорожника хлебнуть, чтобы не слечь с грудной жабой… В эти обыденные мысли ворвался уже выкрик папы:

– Дочка, ты живая!

Только после него я сообразила, как выгляжу. Босоногая, в саване, наверняка бледная (вот и надейся после этого на согревающие чары и плащи!), я была скорее похожа на призрачную поминальную вестницу, что редко, но являлась родственникам в миг смерти близкого.

Тут уже на его восклицание обернулось все семейство Флейм. И тотчас же по гостиной полетело многоголосье:

– Ди!

– Что с тобой произошло?

– Он жив?

– Не переживайте по поводу ерунды. - Я постаралась изобразить на лице беззаботность, но, видя, что это ни капли не убедило домочадцев, добавила: – А по более серьезным вещам беспокоиться уже поздно.

Вот зря я это сказала, папа сжал челюсти. На его щеках заходили желваки.

– Ди, ты не должна была соглашаться. Я добьюсь аннулирования этого брака, – решительно произнес папа, одергивая жилет.

И даже ба – поборница кристальной репутации – не возразила на это ничего. Хотя от такого пятна на чести семьи, как развода после скоропалительного брака, придется отмываться долго. Несколько поколений.

А я посмотрела на отца, на его сведенные брови, на залегшие на лбу морщины, на то, как он сверкнул глазами… Я узнала этот взгляд. Все мы узнали. Когда папа так смотрел,то сразу становилось понятно: он любым способом осуществит задуманное. Упрется рогом, вычерпает все силы, заложит душу демонам Мрака, но будет идти к своей цели. И если законным путем не получится – вызовет темного на дуэль, руководствуясь принципом: вдовство тоже можно счесть за аннулирование. И ему будет плевать, что противник моложе, сильнее и за убийство темного может ждать слава народная, а за убийство посла – плаха императорская.

– Па, а давай подождем до вечера с расторжением? А то я, получится, зря замуж выходила и мерзла, - произнесла как можно более спокойным тоном. – Этот темный мне еще деньги не отдал. И да, вышла я замуж добровольно. Так что, если что, труп прятать тоже мне.

– Нам, – поправила меня Брукс и добавила: – Иди сюда, мелкая, согрею, а то все губы синие и сама как покойница. Смотреть холодно.

– Я не мелкая, я младшая, – поправила я, включаясь в игру сестры, которая таким нехитрым способом начала отвлекать отца от зятеубийственных мыслей.

– И вообще, что за тряпка на тебе надета? – Рей поддержала Брукс в знаменитой забаве девиц Флейм «запудри мозги, заговори зубы и проведи иные ритуалы преображения проблемы до уровня милой неприятности».

– Это мое свадебное платье… – я возмутилась тоном «я на вас посмотрю, сестрички, в чем вы сами брачеваться будете».

– Если для похода под венец мне нужно будет надеть ЭТО, то я замуж вообще не пойду! – включилась в разговор Уна, напомнив родителю о страшным кошмаре любого отца шестерых дочерей на выданье.

– Не смей угрожать отцу! – на рефлексах рявкнул папа, принимая стойку.

Спор нашей умницы и отца на тему «теоретическая магия – лучший друг, да и супруг из нее – ничего» возникал регулярно. Прям хоть календарь сверяй. И всегда был жарким и заканчивался не быстро.

Вот и сейчас глава рода Флейм бросил на Уну тяжелый взгляд. И тот, в отличие от прогнозов погодников, осечек не давал: сейчас грянет буря. И пусть причиной для оной была я, но сестричка одной фразой умудрилась не просто расшатать лодку сдерживаемого папой гнева, но и перевернуть ее. Зато пока они будут спорить, у меня есть шанс подключить тяжелую артиллерию.

Мама. В нашей семье она была сродни небожительнице: в обычной жизни ее предостережения мы слушали нечасто, по утрам старались не будить рано, но случись апокалипсис папиного характера,тут же со всех ног мчались к ней за помощью.

Я побежала наверх, к спальне, прикидывая, как бы потактичнее сообщить матушке, что она проспала дочернюю свадьбу. А если не поторопиться – то и не только ее.

– Мама, помоги! Я нечаянно вышла замуж, а папа по этому поводу вышел из себя! – с этими словами я влетела в комнату.

От этой фразы родительница, она же карательный орган и жертва беспредела бандитской группировки девиц семейства Флейм в одном лице, проснулась мигом. А спустя совсем немного времени я узнала о себе много нового. Не скажу, что бы лестного и интересного, но определённо нового.

– О том, что меня собственная дочь не разбудила на ее свадьбу, мы поговорим чуть позже… – отчеканила она, запахивая полы халата. Своего самого нарядного и выразительного халата, подчеркивавшего стройность фигуры и завораживавшего папу вырезом декольте: мама подключила тяжелую артиллерию.

Я осталась ждать ее в спальне, прислушиваясь к тому, что происходило внизу. Звуки начали быстро стихать, а спустя несколько мгновений и вовсе наступила тишина.

Мама вернулась на удивление быстро. И… за ухо меня не таскали лет с тринадцати.

– Диксари Флейм, - увещевала мама, пока я на цыпочках ходила кругами вокруг нее, склонив голову. - У тебя совесть есть? Нет? А если найду?!

– Извини, я нечаянно… – мое оправдательное шипение было не самым убедительным.

– Нечаянно? - голос рокотал от гнева. - Нечаянно можно выйти из пентаграммы, из летной лодки, но не замуж!

– Это мой выбор! – вспылила в ответ я, ожидая в ответ громов и молний, но… их не последовало. Мама умела не только слушать, но и слышать .

– Ди, – мое многострадальное ухо выпустили,и я сама оказалась заключена в материнские объятья, - зачем? Долги всей нашей семьи не стоят того, чтобы…

– Мама, я так решила… – перебила я ее. - К тому же это ненадолго.

Мы затихли. Обе. Стояли и молчали. Понимая друг друга без слов. А потом я услышала:

– Какой он, твой муж?

Замялась, на миг чуть отстранившись от мамы, что бы увидеть ее лицо.

– Этот темный из той редкой породы мужчин, которые знают, как правильно подать руку лэриссе, вылезающей из подпола с мешком картошки, – я постаралась сыронизировать .

Ее губы дрогнули в улыбке.

– Как же быстро ты выросла, дочка. И как ты сейчас напоминаешь меня в этом же возрасте.

– Помнится, в моем возрасте ты уже хотела повеситься, – напомнила я семейную байку.

– Не повеситься, а удрать из комнаты по связанным простыням. Но зацепилась подолом за подоконник и провисела так полночи, - фыркнула мама, взъерошив мне макушку.

В окно ударили. Раз, другой, заставив нас обеих обернуться на звук. По ту сторону стекла в комнату усиленно просился ворон. Деликатно так просился. Мог бы своим клювом и дыру протаранить. А этот, надо же, воспитанный.

Почтовая птица принесла записку от темного. Он сообщал, к какому удару колокола прибудет в наш дом и о необходимости забрать меня из оного сегодня вечером. Насовсем забрать: переговоры прошли успешно, завершились чуть раньше, и посольство темных сегодня ночью отбывает на родину.

Это была крохотная записка. Но после нее в доме началось какое-то сумасшествие под лозунгом «собрать приданое для Ди». Сама я, к слову, в этом веселом мероприятии не участвовала. Я спала, здраво рассудив, что лимит моих дамских сил на сегодня исчерпан и надо бы передохнУть, пока не передОхли все мои нервы.

А вот пробуждение в вечерних сумерках у меня случилось от возмущенного бормотания:

– Вы посмотрите-ка на эту паразитку. Она дрыхнет тут! И как мне ее с ума сводить прикажете?

У меня от такого заявления пропал дар речи. Зато появился дар мата. И плевать, что благовоспитанной лэриссе таких слов знать не положено! Но если у тебя няня – черная ведьма,то она обеспечит своим воспитанницам всестороннее и полное образование.

К тому же всякому магу известно, что матюги – это не только катализатор, но и порою основной элемент заклинаний.

Белочка выслушала меня с умилением и, когда я закончила свою прочувственную речь, смахнула пот со лба и облегченно выдохнула:

– Все в порядке, сдвиг есть!

Вот только чего она не ожидала, так это моей последующей реакции. Я сделала вид, что… не вижу Эйту в упор. А меценатом моей пламенной речи стал муженек. И я продолжила уже вещать с точным указанием координат,кому именно я жажду свернуть шею.

– Этот как понимать? - взъярилась белка. - В трактире она меня видит, а тут, видишь ли, - нет.

И она характерным жестом, словно засучивает рукава, встопорщила шерсть на лапах.

Я же не только не устрашилась, но и продолжила в том же духе. А что? Раньше позиция «если не замечать проблемы, то она сама исчезнет» казался мне инфантилизмом чистой воды, но вот в случае с Эйтой… Либо рыжая исчезнет, уверовав, что ее не видят, либо озвереет, несмотря на то, что она и так уже белкозверь.

Игра «кто кого доведет до нервного срыва» длилась недолго. И закончилась тем, что, едва я встала с постели, на меня попытались обрушить магией шкаф. Он, добротный, дубовый, переживший на своем веку несколько поколений семьи Флейм, был устойчив, как Серебряный хребет, что разделял Светлую и Темную империи.

И эта рыжая зараза его уронила! Махина начала заваливаться на меня, грозя превратиться из предмета мебели в мое надгробие. Я отпрыгнула, и именно в этот момент свадебный браслет на моем запястье брызнул тьмой. А потом шкаф тоже брызнул – щепой и обрывками ткани. Кто же знал, что украшение еще и защитный артефакт!

Такой подлости от темного не ожидали ни я, ни белка! И если потери последней были

исключительно репутационного плана,то мои… Что я надену?!

Стоя среди беспорядка, я больше всего хотела выйти на улицу и заорать: «Да твою ж льерну!» – так, что бы вороны с веток попадали. Но такого удовольствия белке я доставлять не планировала. Вместо этого многообещающе протянула:

– Ну,темный, я тебе жару задам сегодня вечером… Только явись!

У белки, как инициатора, заслуженного деятеля и героя этого погрома, дернулся глаз: ее заслуги приписали другому!

– Нет! Это никуда не годится! – взвилась рыжая. – Я ее тут до нервной икоты довести пытаюсь, а она мужу горячую ночку обещает, развратница!

Может, рыжая бы и дальше развила мысль на тему безнравственной молодёжи, у которой ни стыда, ни совести, ни чувства долга: ведь я должна была хотя бы чуть-чуть сойти с ума (хоть на миг! перед страхом смерти от шкафа), но ей помешали. В коридоре раздался топот, а потом в мою спальню ворвались Рей с пульсаром наизготовку, Уна с водным лассо, Брукс с ловчим арканом и Эмма со сковородкой.

В разных вариантах звучал вопрос: что случилось.

– Моль. - Я развела руками и пояснила: – Она из шкафа вылетела. Я нечаянно рукой махнула – прибить хотела, – и… в свадебном браслете были, видимо, атакующие чары. Вот шкаф и разлетелся. Он совсем старый был. Одни трухляшки… А моль так и не прибила! – печально закончила я.

Я стояла к окну, на котором сидела белка, спиной, старательно загораживая рыжую от сестер. Мало ли, они увидят пушистую, а мне потом объясняй, почему я ее игнорирую.

– Моль? – уточнила Уна, втягивая в ладонь заклинание.

– Угу. Маленькую такую, невзрачную… Кстати, Эмма, не одолжишь? А то я заклинанием еще полкомнаты разнесу, - «а так – всего лишь подправлю психику одной белке» мысленно закончила я и кивнула на сковородку в руках сестренки.

Эмма сделала несколько шагов и протянула мне орудие ближнего боя. Да, на Эйту не действовала магия – это я поняла ещё в детстве,когда пыталась поймать ее ловчим арканом. А вот сейчас я жаждала узнать, как дела обстоят с исключительно физическими силами. Но когда резко крутанулась вокруг своей оси, то увидела, что подоконник пуст.

– Испарилась, зараза, - констатировала я.

Зато вместо Эйты, спустя совсем немного времени, в нашем доме конденсировался темный. Злющий, встрепанный и сорвавшийся с аудиенции у императора со словами:

– Тебя пытались убить?

Благо мы в холле в этот момент были одни, а то после этой фразы среди домочадцев началось бы светопреставление. И объясняй им потом про особенности «брака на выживание».

– Слушай,темный. – Я схватила его за лацканы, пытаясь дернуть на себя. Увы, лис и не подумал пошевелиться, как стоял скалой,так и остался на месте. Зато я сама пододвинулась. М-да… я как-то на другой эффект рассчитывала… Но, наплевав на провал, я, во имя спокойствия семьи, со злостью прошипела: – Пока мы здесь, запомни: на меня никто не покушался и моим жизни и здоровью ничего не угрожало! Понял? И попробуй заикнуться об обратном!

Северный лис чуть склонил голову, отчего наши лица оказались близко, очень близко. Так, что его дыхание обжигало мои губы. Некстати вспомнился наш поцелуй в трактире. Долгий, порочный, грешный. Меня ещё ни разу никто так не целовал. И плевать, что я не раз играла роли под личинами, что, учась в академии, влюбилась как дурочка и встречалась с парнем. Ровно до того момента, как узнала, что я у Иствуда не одна такая. Но опыт-то у меня имелся! И было с чем (и с кем!) сравнить.

Но ещё никогда никто меня так не целовал, как этот северный лис. До потери памяти, дрожи в коленях, до безумия. Я чувствовала прикосновения его губ всем телом. Это было так… Сладко и глубоко. И не хотелось отрываться.

Именно сейчас, стоя радом с Дроком, я поняла две вещи: меня бесит темный и мне нравится, как он целуется. И если первое было замечательно,то второе – просто отвратительно! Мне нельзя испытывать к нему симпатию. Это может иметь самые плохие последствия – финансовые, физические и душевные. Ведь я с ним только на время. И после мое место займет другая. Темная.

Она-то и станет настоящей лэриссой Стоун. Не я.

Эти мысли заставили меня сцепить зубы и собрать волю в кулак.

Дрок смотрел на меня. Глядя глаза в глаза. Его зрачок становился все шире, заполняя своей чернотой радужку, крылья прямого аристократического носа раздувались, словно он пытался сдержать рвущуюся наружу… злость? Наверняка злость. Еще бы: какая-то светлая пигалица схватила его за грудки и чего-то требует.

– Хор-р-шо, - выдохнул он. Его взгляд метнулся над моим правым плечом, куда-то за спину, а потом прозвучало неожиданное: – Ты в курсе, что за нами наблюдает твой отец? Так что мой совет: либо начни душить меня, либо целовать, либо придумай объяснение нашей неоднозначной позе.

Он произнес это абсолютно серьезно. Вот только демоны, плясавшие во взгляде темного, без слов говорили: издевается, гад. Причем получает от этого процесса немалое удовольствие.

Чуть повернула голову вправо, скосив взгляд. И правда, на лестнице кто-то маячил. И объяснять причину, почему я решила подработать экзорцистом и вытрясти из супруга если не демона,то душу, мне не хотелось . Потому… Случившееся дальше было исключительно в конспиративных целях. И вовсе мне не нравилось! Да,исключительно не нравилось, но ради дела…

А темный, гад, даже не сопротивлялся, отдавшись процессу целования целиком. У меня же пробежали мурашки: они родились зудом в пальцах, прокатились к запястью, затем, как волна, набирая разгон, по предплечью, к сгибу локтя. От неожиданности захотелось отдернуть руку, но кто бы мне еще позволил. Лис держал за талию крепко. Бережно. Надежно. Захочешь – не вырвешься.

А ещё наверняка этот темный что-то сделал. Приворот или проклятье – я не поняла. Зато ощутила, как по телу прошел жар, опалив грудь и угнездившись где-то в животе. Дрожь,тревога, предвкушение, чувство нереальности, когда под ногами нет опоры.

Нет, определенно, это даже не проклятие, а полноценная порча!

– Кхе-кхе-кхе! – Громкий и надсадный кашель, раздавшийся за спиной, мог принадлежать лишь тяжело больному. А грудной жабой или воспалением целомудрия – не суть .

Папа уже набрал побольше воздуха для второго захода,когда меня, слегка дезориентированную, выпустили из объятий.

– Отец? - я постаралась,чтобы мой голос прозвучал удивленно.

– Вижу, вы сумели найти общий язык, - сварливо, в духе «не для тебя, супостата темного, моя доченька росла» произнес папа.

При этом он сверлил взглядом темного так, словно собирался увековечить его в камне. Причем на памятник бы ушло ровно корыто цементного раствора, телега щебня и, собственно, сам Дрок.

Темный же отвечал ему прямым взором. Решительным. И я, глядя на этих двоих, невольно подумала: на людях, победивших страх, гробовщики делают себе состояние. Вот только обогащать похоронщиков ни за счет отца, ни за счет супруга (который ещё не погасил долги Флеймов!) мне не хотелось . Потому поспешила вмешаться в молчаливую мужскую дуэль, использовав лучшее из средств индивидуальной защиты – средства индивидуального нападения. Мой экспромт выбил почву из-под ног у обоих поединщиков:

– Да, папа, нашли! – решительно начала я и вдохновенно продолжила сочинять: – Мы как раз обсуждали будущий семейный уклад: что дважды одну жену-ведьму не сжечь,что гости и зомби начинают попахивать через три дня и нужно их выпроваживать пораньше, а темные бывают верными только в силу обстоятельств. А у Дрока они ну очень сильные! Настолько, что он, как порядочная сволочь, женился на мне, как порядочный человек. И теперь у него есть не только свои недостатки, а еще и мои!

Отец, услышав последнюю мою фразу, закашлялся. Потому как отлично знал свою дочурку, у которой эти самые «недостатки» являлись основными, несущими конструкциями характера.

Дрок, только что узнавший много нового о себе и семейной жизни в целом, видимо, хотел что-то возразить. Но моя улыбка в стиле «кое-что из личной жизни умертвий» остановила его. Он отлично понял намек и лишь сжал губы. Зато многообещающий взгляд «потом поговорим» вдруг заставил меня сглотнуть.

Отлично! Теперь папа и темный уже не жаждали убить друг друга, а всего лишь придушить. Зато безобидную меня. Насчет отца – ещё были сомнения. А вот Дрок – точно хотел. Причем в зверской форме.

В такой милой обстановке вот-вот готового разорваться пульсара и прошел свадебный ужин. Сестры понятливо молчали, мама, обладавшая суперспособностью равнодушия к предгрозовой ситуации, поддерживала светскую беседу за всех разом, папа скрипел ножом по тарелке и зубами всем по нервам, бабуля с миной истинной аристократки делала вид, что темного не существует. Бонтирна же, наоборот, старательно пыталась незаметно проклясть своего соотечественника… Не сказать, чтобы ей это удавалось. Злословия отскакивали от Дрока, успевавшего вовремя их отразить, как горох. Няня злилась и шипела не хуже еретика на дыбе, но продолжала… Под конец старая ведьма не выдержала и от безысходности благословила его.

А этот гад, сидевший рядом со мной, повел себя в лучших традициях поговорки. Той самой, про борьбу сильного и умного, в которой побеждает непредсказуемый. Дрок вместо того, чтобы отбить доброcловие, просто уклонился.

Сволочь!

Меня вскользь зацепило благословением няни и… Это оказалось пожелание хорошего аппетита. Прям зверски хорошего. Настолько, что если бы я нечаянно сейчас убила дракона в его крылатой ипостаси, то вполне могла бы его съесть.

Но ящера, к счастью, не было, зато на столе стоял свадебный тортик… Я нацелилась на третий по счету кусок,когда у меня родилась крамольная мысль: ради одного этого бисквитного чуда стоило прогуляться к алтарю! К тому же талия мне уже незачем: я теперь замужем!

Бо, видя это, попыталась изменить ситуацию, но… я мужественно справилась сама. И с очередным куском,и с благословением, наконец развеяв его.

Тёмный откровенно наслаждался и ужином в моей семье, и ситуацией, в которую я угодила. Это было видно по его смеющимся глазам. Гад! Ну я устрою тебе еще семейную жизнь в достатке! Так тебя достану, что до печенок, селезенки и костного мозга… Будешь знать, паразит, как уклоняться от благословений черной ведьмы!

Меж тем ужин наконец завершился и мы перешли к главному – расчетам. Дрок оставил отцу шкатулку с драгоценностями, стоимость которых с лихвой покрывала долги за родовой дом и не только их. А я попрощалась с домочадцами. Думается, ненадолго.

Ведь виновник, а точнее, виновница покушений на его бывших невест известна. Значит, у Дрока дело за малым: разобраться с Эйтой, и я буду свободна, как весенний ветер.

С такими легкими мыслями я и села в летную лодку и сразу же напоролась на задумчивый взгляд лиса. Едва борта качнулись и мы поднялись выше, я услышала:

– А теперь я хочу знать,что же произошло на самом деле и кто хотел тебя убить? - он говорил спокойно, но я чувствовала исходившее от темного напряжение.

Только сейчас оценила, насколько лис хорошо умеет держать лицо: там, за ужином, я не уловила и тени тех тревожных мыслей, что сейчас отражались в его взгляде. А ведь все это время его нервы были натянуты как струна.

Я была уже не невестой – женой. Той, чью жизнь Хозяин Бурь должен был сохранить во что бы то ни стало. Не ради меня самой, но ради безопасности своих людей, своей земли. Эта мысль мгновенно отрезвила меня. И я ответила прямо, без утайки.

– Эйта. Она решила, что если она не может сломать мою психику,то сломает меня саму. Буквально.

– До прибытия Всадников – седмица. – Темный потер виски. – За это время мне нужно либо договориться с Госпожой Безумия, либо уничтожить ее. Иначе она уничтожит тебя.

– А за что она так взъелась на твоих невест? - Я нахмурилась, поплотнее запахнувшись в плащ. Ветер был не сильный, но со снегом.

– Если бы знал… До сегодняшнего дня я вообще предполагал, что кто-то из моих родственников просто решил сам занять место Хозяина Бурь.

– Да уж… Сдается, милая у тебя семейка…

– Теперь она и твоя тоже, - тут же откликнулся темный.

– Знаешь, мне и моей за глаза хватало, пока на голову не свалился ты со своим брачным предложением в духе «выйди замуж или умри», – фыркнула я.

Мы сидели напротив друг друга в центре лодки. Расстояние между нами было не больше вытянутой руки. А на носу летуньи стоял кормчий.

– И я очень рад, что ты согласилась, – проникновенно, совершенно искренне признался темный и накрыл мои озябшие пальцы своими.

Его руки были теплыми, немного шершавыми, а ещё сильными, надежными, умелыми,искренними, нежными – я чувствовала это, словно слушая их рассказ. И откуда-то рождалась уверенность,что именно эти руки могут не только защитить, но и удержать, приласкать, сберечь, умыкнуть тебя у невзгод. Украсть у Смерти для себя, для жизни.

Эти руки могли все.

Дрок молчал. Смотрел на меня,и я не только понимала, но и осознавала: от жизни лэриссы Стоун зависит судьба Северных земель. А моя жизнь – она в ладонях Дрока.

И самая моя надёжная страховка – это его рука.

Мы не любили друг друга. Он меня – так точно. Мы не были и друзьями. Скорее уж врагами, как всякая светлая и темный. Супругами? Лишь договорными. Но кем точно являлись – это партнерами, заключившими сделку. И чтобы выжить в этом соглашении, нам было не обойтись друг без друга.

На занятиях в академии Кейгу нас учили, что лучшая помощь темному – это добить его, что бы не умчался. Даже если тот не при смерти. Даже если подыхать до встречи со светлым и не планировал. Все равно добить! Во имя пульсара, пентаграммы и инквизиторского костра!

Но сейчас был особый случай. И темный тоже был исключительный. Потому…

– Давай спустимся, я кое-что забыла купить… – И я кивком указала на шильду книжной лавки.

– Ди, напиши список, что тебе нужно, и тебе все доставят в ближайшие дни. Сейчас же у нас не так много времени. Мы должны прибыть во дворец к седьмому удару колокола. Там в телепортационной башне для нас откроют переход до подножия Серебряного хребта.

Я на это только хмыкнула. Наш император был весьма гостеприимен – обеспечил переход до самой границы, что бы посольство нашпионило на обратном пути как можно меньше. Сдается, Владыка и за хребет бы перебросил телепортом дипломатов , если бы мог. Но увы. Через границу , если не хочешь, что бы твое тело при перемещении разрезали охранные нити, нужно было перебираться своим ходом. В крайнем случае – на метлах или летных лодках.

– Я быстро… Очень нужно. Для дела.

– Хорошо, – обреченно, словно смирившись с вывертами женской логики, выдохнул Дрок.

Я действительно обернулась вмиг. И теперь сидела, прижимая к груди книгу, завернутую в тряпицу.

– И что это за гримуар? - полюбопытствовал темный.

– Учебное пособие для Эйты, - честно ответила я, наслаждаясь выражением лица супруга.

Дрок, может, спросил бы что-то еще, но впереди замаячили шпили императорского дворца. И я как-то разом осознала, что сейчас мне предстоит предстать пред очами Владыки и как-то объяснить причину столь скоропалительного замужества. И для начала хорошо бы знать, что северный лис сам по этому поводу доложил императору. Этим я и поинтересовалась у темного.

– Я сказал, что влюбился в тебя без памяти и сделал предложение.

– И Аврингрос Пятый поверил? - подозрительно уточнила я.

– Все светлые поверили, – просветил меня Дрок. - Я был крайне убедителен.

М-да… судя по всему, скромность не входит в число добродетелей у сынов Мрака. Видимо, стесняется.

– А темные?

– А темные в курсе, что мне нужна была самая живучая из жен и я ее нашел.

Вот ведь… Он соврал о великом и светлом, как инквизиторский костер, чувстве, а мне теперь выкручивайся.

Во взаимную страсть, думаю, Владыке будет поверить тяжелее, чем в то, что постирочный медный тазик стал хрустальной вазой. А вот во внезапную беременность…

Именно эту мысль спустя четверть удара колокола я и озвучила императору на вопрос: как так

получилось,что я, светлая дщерь, дитя уважаемого древнего рода,и вышла замуж… нет, не за врага… – боги упаси! империи теперь ведут конструктивный диалог! – за политически нежелательного кандидата?

Ну я на ушко и шепнула, что одобренный светлый лэр начал мою беременность очень приятно, но дальше участвовать в ней отказался. Поэтому пришлось соглашаться на темного. Чтобы, так сказать, не пострадала честь рода…

Император одарил меня таким взглядом, что стало понятно: порядочной девице лучше по–тихому родить, не выходя замуж, чем прикрывать нагулянное дитя сомнительным союзом с сыном Мрака – урону репутации меньше будет.

Зато о причинах, побудивших прогуляться к алтарю, мне больше вопросов не задавали. И в измене Родине не подозревали.

И вроде я говорила крайне тихо, но… Дрок услышал. И помрачнел. Но ничего не сказал.

В портал мы входили тоже в гробовой тишине.

А потом мне стало не до душевных терзаний некоторых темных. Когда тебя одновременно выкручивает, раздирает на части, сжимает и пронзает раскаленной иглой каждый нерв так, что ты мечтаешь оказаться на дыбе, то размышляешь слегка не о том, что подумал о тебе лис, а о скорой и легкой смерти или о том, чтобы эта демонова телепортация поскорее закончилась.

Выкинуло нас на каменный пол башни. Едва я шагнула из рамки прохода, как чуть не упала, чудом устояв на ногах. Зато теперь я на личном опыте убедилась, почему телепортация не стала самым популярным способом перемещения.

Мы стояли на площадке на самом верху надворной башни. Каменные зубцы ограждали периметр. Вот только ветер здесь гулял ярый. Впрочем, злым был не только он, но и делегация, которая нас встречала, – несколько стражников с алебардами в полном доспехе и два мага. Один из них, меченный шрамом, удерживал портал, второй, с вислыми усами и лысиной, - атакующий аркан. Видимо,так, на всякий случай.

М-да… любят здесь темных, привечают. Я бы сказала, что с хлебом да солью встречают, только без.

Городок, что простирался под нами, скорее походил на выселок, приютившийся рядом с приграничным гарнизоном. Припорошенные первым снегом улочки, заметенные крыши. Сам же замок стоял на выступе горного склона.

А перед крепостной стеной, что щерила зубцы на белесые горные пики, за которыми уже начинались владения темных, находилось голое плато. На нем не росло не то что деревьев, чахлые кустики – и то были редки.

Сейчас подъемные ворота были опущены, как бы ненароком намекая, что выпроводить нас готовы вот прям сразу, с башни – и в добрый путь.

Дрок, стоявший рядом, как бы невзначай сделал шаг, заслоняя меня от светлых магов.

– Добрый вечер, я Дроккрин Стоун, глава посольства Темных земель. Это мои спутники и жена. Вот верительная грамота, подписанная Аврингросом Пятым, – с этими словами он медленно достал из-под полы плаща письмо с магической печатью, на которой стоял оттиск императорского дома.

Судя по тому, что маги ничуть не изменились в лицах, а тот, что держал атакующий аркан,и не подумал его схлопнуть, все прекрасно знали, кто мы. И тем не менее делали вид, что они просто очень бдительные.

Приветствие Дрока было скорее формальностью. Как и чтение грамоты. Маг, закрывший портал, лишь взглянул на лист и коротко кивнул стражам.

– Следуйте за мной! – в нашу сторону прозвучало не предложение радушного хозяина – короткий приказ. Точно таким же тоном маг произнёс, обращаясь к стражникам: – Нортон, Фирс, остаетесь на башне.

– Так точно, капитан! – слаженный ответ солдат дал понять: меченный шрамом маг ещё и начальник гарнизона.

Нас провели по галерее, которая располагалась сверху стены. С внешней стороны регулярно располагались прямоугольные зубцы. С внутренней ограда была куда ниже. А вот деревянного навеса,который бы защищал воинов от непогоды, не было.

Во внутреннем дворе крепости, куда мы спустились, нас разве что с вилами и факелами не

встречали… Ан нет, это я просто в вечерних сумерках сразу не распознала приветливый замковый люд. Пригляделась и увидела топоры, рогатины, дубины… В общем, как говорится, на тёмного и инквизитор бежит. Ну или хотя бы разъяренная толпа,требующая зажигательной вечеринки.

– Я же говорил, Дрок, возвращаться – плохая примета. Особенно на костер… – послышалось сбоку от одного из темных.

– Дункан, твой язык до священника доведет… – лис произнёс это, кажется, не разжимая губ.

А вот замковая челядь себя маскировкой не утруждала и горланила вовсю:

– Сжечь темное отродье!

– На костер их!

– Казнить!

– Тихо! – прогремел над разбушевавшейся толпой голос командира.

Не то чтобы я опасалась оказаться привязанной к костру: как-никак магессу, окончившую факультет стихийной магии с белым дипломом, не так-то просто не то что сжечь – поймать… Это доказал мой внушительный «послужной» список, в котором каждый второй новобрачный обещался меня придушить. И пока это никому еще не удалось…

– Сегодня никого жечь не будем! – меж тем увещевал меченый маг.

– А может, хотя бы ведьму?! Вот ту, белобрысую? – с надеждой спросил какой-то детина, ткнув в мою сторону пальцем.

Рядом, словно кони в стойле, зафыркали послы, пытаясь спрятать смешки. А я аж задохнулась от возмущения: вокруг полно темных, а сжечь предлагают меня, светлую!

– Не все то дитя Мрака, что ярко горит, - прошипела я. – Мужик,ты мечтай, да не так громко. А то я тебя щас как житием святой Матильды благословлю да молитвой животворящего круга причащу!

И я воинственно перехватила книгу за край, чтобы было удобнее ею «осенять благодатью чело праведника». Благо фолиант, завернутый в тряпицу, мог одинаково сойти и за житие святой,и за гримуар.

Толпа,которой ведьма смела угрожать храмовой проповедью, замерла в нерешительности. Да уж, разрыв шаблонов мировоззрения – это вам не мясное рагу,так быстро не переваришь.

Я еще хотела что-то сказать, но… меня со словами:

– Уймись, светлая! – подхватили на руки и понесли. Видимо, защищая. Причем не меня от замкового люда, а наоборот.

Народ расступался перед Северным лисом. За ним клином шла шестерка темных. Вот так мы и двигались по улице до самых ворот. Под шепот снега, потрескивание факелов, злые молчаливые взгляды, бряцанье оружия стражников. Надо ли говорить,что в замке нам переночевать так и не предложили.

Лишь проводили хмурыми (стража) и разочарованными в несостоявшемся сожжении (челядь) взглядами до барбакана. В итоге с одной стороны было все хорошо, а с другой стороны подъёмного моста были мы. И начинавшаяся метель. И изучавший меня пристальным взглядом темный. Пристально изучавший. Я оцепенела. Так и захотелось крикнуть: кто выключил воздух? Включите обратно! Не видите, лэриссе обморочно!

Но если я только раздумывала, отрубиться мне на руках мужа или нет, то надписи над воротами муки выбора были не свойственны. Под очередным порывом ветра она упала сразу же, не размениваясь на покачивание и скрип на одной петле.

Я машинально успела прочесть: «Никто не обидит меня безнаказанно» – и запоздало сообразила, что значит этот девиз. Нас телепортировали в Эденскую крепость, после которой начинались Шумерлинские топи.

И как только я это поняла, у меня сразу возникла подлая мыслишка: а не вернуться ли назад, к милым людям, готовым поделиться теплом, пусть и не душевным. Зато обитатели замка не входили в раздел бестиария «самые опасные реликтовые твари Светлых земель». Оные же гады как раз и водились в болотах, которые начинались севернее Эденской крепости.

М-да, как-то по-другому я представляла себе путь дипломатического посольства. Ну уж точно не

пешком через болота.

Ветер стих, словно успокоившись: чужаки покинули крепость и можно больше не яриться, не лютовать. С неба в молочных сумерках опускался снег. Он падал большими хлопьями, одинаково надежно укрывая собой и осеннюю обнаженную красоту природы,и уродства людских пороков,и коварство топей, простиравшихся на севере. Снег, нежный и беспощадный. Для меня он стал не только предвестником скорой зимы, но и новой жизни. Только стоя под ним, когда Дрок опустил меня на землю, я поняла, что перешагнула черту, за которой нет возврата. Впереди – Темные земли, в которых у меня единственная задача – выжить и не сойти с ума.

– Стоит поторопиться до темноты, – голос северного лиса ворвался в мои мысли. – Я чувствую метку. Вон за тем холмом.

Его рука указала чуть выше и вперед, к подножию гор.

Темные слаженно закивали и двинулись в указанном Дроком направлении. Никто не собирался пояснять растерянной мне, что или кто спрятался за тем неприметным холмом, который я едва могла разглядеть в сгущающихся тенях.

– Ди, следуй за ними. - Не просьба – приказ.

– А ты? – Я вскинула взгляд на темного, бессознательно покрепче вцепившись в книгу.

– А я – за тобой. Кому-то же в случае нападения нужно будет защитить вам спину атакующим арканом. – Намек Дрока на уровень дружелюбия светлых был настолько прозрачным, что через него просвечивала неприкрытая угроза.

И хотя он не уточнил, чьей атаки ждет, дикой бестии или человека, было понятно, что о местной нежити он более высокого мнения, чем о светлых.

– Послушай , если ты нас так презираешь,то зачем взял в жены меня? – умом я понимала, что не должна была этого спрашивать. Но все же не удержалась.

– Ты действительно хочешь знать ответ? - его слова прозвучали жестко. Дрок был предельно серьезен. И я поняла: если скажу «да», он ответит. И его честный ответ пройдется по мне, как наждаком.

Я живучая. И если что – меня не жалко.

Нас с Дроком окутала оглушительная тишина, какая бывает только в снегопад. Белые хлопья, пушистые и мягкие, ласкались к земле, укутывая ее белой периной, словно нашептывая колыбельную, убаюкивая природу.

И в этом царстве спокойствия стояли мы, готовые взорваться. Я чувствовала, как кончики пальцев покалывают разряды магии, как сила бьется во мне, огнем разносясь по венам.

Дрок внешне казался невозмутимым. Только у его виска лихорадочно билась жилка, а глаза начала заволакивать тьма.

Между нами словно была грозовая туча, внутри которой уже вспыхивали разряды молний, будто поле высокого напряжения. Почти осязаемое, сверкающее.

– Как же ты бесишь,темный! – Я заскрипела зубами.

– Не думал, что так быстро добьюсь от тебя взаимных чувств, светлая, – парировал он.

Я поняла, что если сейчас ещё что-нибудь скажу,то следующая моя фраза имеет все шансы превратиться в эпитафию нашей еще толком не начавшейся фиктивной семейной жизни.

Лис, кажется,тоже понял это и, прикрыв глаза, выдохнул сквозь сжатые зубы:

– Иди.

Всего одно слово, но столько в нем было обещаний… Далеких от цензуры обещаний. Я развернулась на каблуках. Так резко, что капюшон слетел, а волосы волной разметались по плечам. Наверняка было холодно. Но я не чувствовала этого. Во мне кипела неразбавленная злость. Она текла по моим венам, заменив собой кровь. Я шагала широко, размашисто, нагоняя успевших уйти послов.

Если рассудить трезво, причин кипеть, словно вот-вот готовый взорваться гейзер, не было. Дрок – всего лишь деловой партнер. Да, он ненавидит светлых. Хотя, как истинный политик, будучи в столице, виртуозно это маскировал. Но на то он и дипломат!

Какая разница, что за религию исповедует твой компаньон, если свою часть сделки он исполняет справно и вовремя платит по счетам? Пусть даже его конфессия – это ненависть ко всем светлым, в том числе и к тебе.

Вот только меня отчего-то это раздражало.

Впрочем, и предосторожность Дрока оказалась не излишней. Не знаю, что случилось . То ли это было тонко рассчитанное заклятье, выпущенное замковым магом,то ли случайность. А может, и одна пушистая зараза приложила к этому делу свою рыжую лапу и хвост… Но,когда до холма оставалось совсем немного, я почувствовала, как под ногами дрожит земля. Не сильно, но все же…

– Лавина! Беги! – послышалось из-за спины.

Успела вскинуть голову, чтобы увидеть в сумерках язык ледника. Небольшой, он словно неспешно вылизывал ущелье, неотвратимо надвигаясь прямо на нас, превращая камни, грязь, девственный снег и вековой лед в месиво.

Когда я добежала, то увидела, как один из магов скидывает маскирующие чары и под ними оказываются сложенные одна к другой летные метлы. Ровно по одной на каждого.

Дрок нагнал нас в последний момент, и на черен его летуньи мы запрыгнули одновременно. Именно в тот миг,когда лавина перевалила через барьер, выставленный темным чуть выше по склону. Именно этот щит дал те несколько мгновений форы, что спасли всех нас.

Метла свечкой взмыла вверх, а я что есть силы вцепилась в темного. Вцепилась до судорогой сведенных пальцев , прижавшись так, как не прижимаются друг к другу любовники. Будь моя воля – забралась бы ему под кожу.

И лишь когда мы, уйдя под облака, выровнялись, я смогла выдохнуть и думать не только матом, то услышала:

– Ди, ты не могла бы в меня ТАК не впиваться когтями? – Темный полуобернулся,и его дыхание коснулось моего виска. - Я,конечно , признателен, что ты оставила на мне отметины, чтобы никто не сомневался в нашей бурной первой брачной ночи, но я предпочел бы получить их все же на смятых простынях , а не на метле, перелетая через границу.

– Слушай, Дрок, у тебя прям талант оратора: пока ты не заговорил, мне хотелось тебя поблагодарить.

– Да?! А сейчас? – иронично поинтересовался темный.

– А сейчас и поблагодарить, и придушить одновременно.

Он усмехнулся , а я , прижавшись к его спине , поняла: если Смерть разлучает людей,то ее близость – объединяет. Сейчас между нами не было той ненависти, которая бушевала за воротами Эденской крепости.

Мы летели почти уже во тьме, когда не видно ни зги. И даже звезды над нашими головами не сияли, а луны – стыдливо прятались за тучами. Но откуда-то пришло ощущение: мы уже в Темных землях.

Я, накрепко пришитая арканами к Дроку (перестраховщик архов!), клевала носом и не заметила, как провалилась в сон.

А проснулась в весьма оригинальном месте. Если кратко охарактеризовать его, то… домик был небольшой, но публичный.

ГЛАВА 5

Мы как раз приземлились у его крыльца. Впрочем, в богами забытом городке, который бродячая псина за удар колокола оббежит, подозреваю, это заведеньице являлось не только борделем, но и вообще единственным оплотом культурного досуга и гастрономических изысков. Потому как совмещало в себе и трактир, и постоялый двор,и собственно дом терпимости.

А дабы посетители не перепутали подавальщиц и жриц любви по сходной цене, еду меж столов разносили двое матерых мужиков. Которые, если что, и ужин могли подать,и деньги за него выбить. По этой же причине вышибалы у дверей не имелось .

– Миленько… – спросонья голос у меня был сиплым.

– Зато здесь можно переночевать и поесть, - возразил Дрок.

Я скептически глянула на вывеску «Озорной зомби» и с сомнением произнесла:

– Чую, поесть здесь может и не быть , а закусить – точно найдется чем.

Вторя моим словам,дверь распахнулась и на пороге появился полуголый, но счастливый посетитель. На одной его скуле начал наливаться синяк, на второй красовался след от карминовой помады.

– И с кем скрасить досуг – тоже, - добавила я.

Но, как оказалось, среди дипломатов художников не нашлось: никто не возжелал расцветить этот вечер компанией местной красотки необременительного поведения. Хотя три красотки честно старались приглянуться пришлым магам. И та, что с выбитым зубом и шикарным декольте, и вторая, с фингалом, и третья, с полузатертым клеймом на плече. И хотя она старательно поддергивала широкий вырез блузы, та все равно сползала, оголяя печать.

И если маги нет-нет да и косили глазом в сторону меченной тавром черноволосой красотки,то я все свое внимание уделила горячему супу с клецками и пирогу с зайчатиной. В отличие от сомнительных развлечений, еда здесь была определенно выше всяких похвал. Ароматная сдоба, только-только вынутая из печи и отпыхнувшая, наваристый бульон со специями и сушеными травами , а сбитень… Если удастся еще нормально поспать,то я буду просто счастлива.

Я обводила сытым взглядом зал,когда заметила, как оживились посетители. Они стали подтягиваться к стойке,и я насторожилась . Такое поведение в равной степени могло означать и увлекательный спор,и мордобой, что зачастую в подобных заведениях было одно и то же.

Но я ошиблась.

– Ну,давай уже, Леш!

– Да, не томи!

– За ради этого и пришли!

Послышались со всех сторон мужские голоса в адрес хозяина.

Тот не заставил себя долго ждать и водрузил на стойку иллюзорный артефакт , похожий на шкатулку. Как только трактирщик откинул крышку, изнутри полыхнуло алым, являя зрителям фантом. Грудастый такой,и не только грудастый, но и с хорошим противовесом сзади, в полупрозрачных одеяниях. В общем, очень смелая, я бы сказала даже, бесстрашная мужская мечта сейчас, грациозно покачивая бедрами, танцевала на стойке.

– Как ты думаешь, до конца разденется или, как в прошлый раз, замерцает и зависнет в воздухе на самом интересном месте? - услышала я комментарий от одного из темных магов, что сидел рядом.

Второй посольский тут же отозвался:

– Судя по заряду на артефакте, в этот раз тема сис… – он оборвал себя на полуслове , получив тычок от товарища, глазами указавшего в мою сторону. Впрочем, темный тут же исправился, продолжив свою мысль: – …тема декольте опять не будет раскрыта до конца.

Глядя на завсегдатаев заведения и на то, как они азартно следят за фантомом пышногрудой красотки, я про себя лишь хмыкнула. Вот никогда не думала, что фраза «жизнь интересна благодаря иллюзиям,которые ее наполняют» может быть столь буквальной.

Я же устала настолько, что глаза слипались, поэтому поинтересовалась у Дрока, сидевшего напротив:

– Ты говорил, что снял несколько комнат. В какую я могу пойти? Спать хочется сильнее, чем вампиру на рассвете.

– Я провожу, – тут же встал со своего места лис.

– Боишься, что я не пройду через эту галдящую толпу одна? – Я приподняла бровь.

– Наоборот, боюсь, что пройдешь. А что при этом останется от зевак и заведения – большой вопрос…

– Слушай,ты мне своего друга-нага до самого развода припоминать будешь? - фыркнула возмущенно. – Так ведь не я там погром устроила, а Эйта! А я вообще жертва обстоятельств и беличьей хитрости!

– Знаешь, Ди,иногда мне кажется, что ты не жертва этой самой хитрости, а активный ее пользователь! – без обиняков произнес темный,когда мы уже стояли у двери комнаты.

– На что ты намекаешь? – Я прищурилась.

– Я не намекаю , а говорю прямо. Почему ты мне не сказала, что беременна? – припечатал лис. Причем припечатал и словом,и делом, опершись рукой о стену над моей головой и нависнув.

– Что? - Я вскинула голову, глядя ему в глаза. Мой усталый мозг застопорился,и я не сразу сообразила, что имел в виду темный , а когда поняла…

– Если хотела соблюсти эти ваши светлые приличия,то могла бы просто попросить: я бы дал твоему бастарду свое имя. В род бы не ввел,и на наследство бы он тоже рассчитывать не мог, но имя бы дал. Так, чтобы ублюдком его не смел назвать никто, - отчеканил он зло. А мне послышалась какая-то затаенная горечь в его словах. Словно он говорил не о том, что происходит сейчас, а о том, что смотрит на него из тьмы прошлого. Но это был всего краткий миг. Лис сглотнул и задал свой главный вопрос: – Или хотела убедить и меня, что я – его отец?

К горлу подступил истеричный смех: вот так скажешь лишние слова не тем людям, которые услышат ненужные уши, и узнаешь много интересного. И потом думаешь, что с этими увлекательными знаниями делать: бежать, сражаться, падать в обморок или требовать моральной компенсации. Деньгами. На худой конец – колечком. На самый худой конец – колечком копченой колбаски.

И я вот узнала, что темные не лишены порою благородства: не каждый светлый лэр , поняв, что первенец будет не от него , предложит дать ребенку свое имя. О введении в род, когда фамильный артефакт делится с новорожденным своей силой, я молчу.

А вот северный лис… Удивил. Хотя его предположение, что я готова прыгнуть в постель только ради того, чтобы скрыть истинное отцовство, царапнуло.

– Скажи, ты и вправду нарек бы чужого ребенка Стоуном? - ошарашенно уточнила я.

– Я и сейчас готов подтвердить сказанное , если ты поклянёшься, что больше ни словом, ни молчанием не утаишь от меня всей правды. Ну и минус три тысячи золотых из твоего гонорара за сокрытие правды.

Вот ведь… темный! На самое дорогое у невинной девы позарился – на ее гонорар!

– А как же чистота крови? – вырвалась горькая усмешка. Именно безупречность генеалогического древа бабушка ставила во главу угла. Всегда. Всюду. И ее воспитание платочком не прикроешь да в карман не засунешь. Вон в самый неподходящий момент они возьми да и напомни о себе.

– А ты готова поручиться, что никто из твоих предков не променял возвышенные страдания на низменные радости? - уел меня Дрок, завуалированно намекнув, что и среди Флеймов уже мог не единожды случиться сторонний приплод.

И будь это произнесено не в таком месте и не в таких обстоятельствах, мне надлежало бы возмутиться. Да что там возмутиться – смертельно (для темного) обидеться. Но северный лис, словно не придав значения прозвучавшим словам,добавил:

– К тому же мы не светлые. Не трясемся, как вы, над лицемерным целомудрием. Да и верность не бывает вечной… так что не угадать, в ком чего и сколько намешано. У нас все решает дар. И если маг силен,то плевать, разбавлена ли его кровь, - он говорил, а мне чудился зимний холод.

– Ну вот, - фыркнула я. – Сказала императору всего одну фразу, а объяснять придется целый вечер. Давай зайдем в комнату и поговорим.

Беседа получилась недолгой и по эмоциональности напоминавшей Эйгушскую пустыню – сухой, но

жаркой. Супруг не сразу поверил, что я не беременна.

– Ну уж извини. - Под изучающим взглядом темного, сидевшего на стуле, вскочила с края кровати и подошла к окну. - Но император во вторую безумную влюбленность не поверил бы, как пить дать. Пришлось импровизировать.

В моей крови гуляло раздражение. А еще я устала и хотела поскорее закончить этот разговор. Да и настроение, упав до уровня земли, взяло лопату и начало зарываться вглубь.

– Извини. – Темный оказался позади меня неожиданно. Его руки легли мне на плечи. - Мы сегодня оба устали.

Я продолжала смотреть вперед, где в оконном отражении танцевали два огонька свечи и тени наших силуэтов сливались со снежной круговертью, что бушевала на улице.

Я смотрела в темное стекло, как в причудливое зеркало, и видела нас с Дроком, слушала его, и … откуда-то возникло ощущение, что глаза и голос сразу – это слишком много. Захотелось смежить веки, чтобы лишь слышать.

Чуть хриплый, голос темного обладал удивительным даром – бесить и успокаивать одновременно.

– Ди, знаешь, в чем прелесть вьюги? - неожиданно задал вопрос Дрок.

– Нет, - я сглотнула, с усилием открыв глаза.

– В ее песнях. Но самое главное, что после нее наступает тишина.

– Как в нашем с тобой разговоре? - Я чуть грустно улыбнулась своему отражению, не поворачиваясь .

Все же мой муж – лис. Определенно большой северный лис. Хитрец и стратег,дипломат, сильный маг, воин , предпочитающий использовать слова , а не свой смертельный дар. И готовый сделать ради своих земель, своих людей всё,и даже больше. Сохранить мир на северных землях любой ценой.

– Ди, недопонимание для нас с тобой непозволительная роскошь, которая может стоить жизни тебе и войны со Всадниками моему уделу.

– Знаю. - Всего одно слово, но в нем звенели осколки меня сегодняшней. - Извини.

Мы были наедине в этот миг. Наедине во всем мире и в отражении оконного стекла. Наедине с голосами друг друга. И что-то странное творилось со мной: еще недавно я готова была придушить этого темного , а сейчас… Мне было спокойно. Да, именно спокойно. А вьюга за окном убаюкивала.

– Ты устала, ложись спать. - С этими словами он отнял руки от моих плеч и сделал шаг назад. А потом и вовсе ушел, оставив меня одну.

А я поняла, насколько обессилела. Раздевалась в полусне , а уснула, кажется, раньше, чем упала на кровать. Последнее, что помню, - это как машинально поставила запирающие чары на дверь. Мало ли.

Я мечтала выспаться. Желательно – даже впрок. Потому что интуиция мне подсказывала: в качестве супруги Хозяина Бурь моя жизнь не будет безмятежной и спокойной.

Вот только моим чаяниям не суждено было сбыться. Глубокой ночью меня разбудил шум. А все оттого, что кто-то перепутал двери, а я – заклинания. Затвора и охранное. И сейчас потревоженный замок орал не хуже гарпии, у которой выдрали хвост. Весь пучок перьев сразу. Без анестезии, камнем по темечку.

На пороге стоял ошалевший от таких «фанфар» Дрок. Правда, лис сориентировался быстро: пущенный в мое плетение сгусток черного пламени выжег и чары, и часть двери. Теперь в ней был отличный «глазок». Такой, что в него и голова пролезет. А у самых ловких – и все тело.

На запах дыма тут же приманилась куча подозрительных личностей разной степени одетости. Больше всего меня впечатлил трактирщик. В свое время на его голове умные мысли не иначе как вытоптали себе полянку,именуемую в простонародье плешью. Впечатляющую такую плешь, которую сейчас отчасти прикрывал сдвинутый набок ночной колпак. В дополнение к нему шли штаны-шаровары необъятных размеров. Почему-то розовые и в рюшах. Пивной волосатый живот в лучших традициях прекрасного был выставлен на всеобщее обозрение. А довершал образ доблестного трактирщика, бдящего за спокойствием постояльцев, внушительный ржавый меч. - Что здесь происходит? - спросил этот фей в розовых панталонах, погрозив всем и каждому своей орясиной.

– Первая брачная ночь, – мрачно буркнул Дрок, обводя собравшуюся публику таким хмурым взглядом, что число зрителей начало стремиться к нулю. И для пущего эффекта муженек добавил: – Разве не видно?

По итогам его речи в коридоре остался один хозяин заведения. Он как-то очень неуверенно возразил:

– Вы не могли бы проводить тогда эту вашу ночь не столь громко и разрушительно? - Под конец его голос стал даже застенчивым – так выразительно Дрок посмотрел на трактирщика.

– Просто моя жена – светлая, – произнес темный, словно это объясняло разом и уровень громкости, и градус жаркости (аж дверь подпалили!) «первой брачной ночи».

–А-а-а, – протянул хозяин, почесав свободной рукой лысину.

– Разрешите? – Дрок кивнул на мечепилу трактирщика.

– Да , пожалуйста, - тоном «ничего для усекновения паскудных светлых не жалко» произнес хозяин,и ржавая орясина тут же перекочевала в руки моего муженька.

– Отлично. А теперь спокойной ночи. – С этими словами Дрок вошел в комнату, захлопнул дверь и даже дыру в оной магией не поленился затянуть.

Я глянула на Дрока с мечом в руке и уточнила:

– Зачем ты пришел ко мне?

– Спать. – Ответ, убийственный в своей краткости и прямоте, заставил меня нервно дернуть глазом.

– А другого места не нашлось? – тоном усталого зомби уточнила я.

Комната тонула в густых тенях ночи. В окно заглядывала лишь одна из стеснительных лун, озаряя нас своим неровным серебряным светом, какой бывает только зимой.

– У тебя самая широкая кровать. А в соседней комнате и так на трех постелях уже спят шестеро послов. А больше свободных комнат нет. – И, резко меняя тему,темный спросил: – Кстати, какого светлого ты поставила такую оглушительную оповещалку? – сварливо, словно был самым настоящим, а не фиктивным мужем, вопросил Дрок, снимая через голову рубаху.

– Я заботилась о том, чтобы никто не потревожил мой покой. - С этими словами сложила руки на груди.

И не потому, что было холодно. Нет. Просто как-то враз осознала, что сорочка на мне нательная, батистовая, лёгенькая. А тут мужик… в смысле муж со злым прищуром смотрит. Внимательно так, словно думает, каким заклинанием сподручнее упокоить.

– Угу. Именно поэтому перебудила не только наш постоялый двор, но и весь выселок.

– Ты ничего не понимаешь в охране девичьей чести, – фыркнула я. Нет , по–своему Дрок был, конечно , прав , а по–моему – нет. Да и признаваться в том, что сонная перепутала заклинание, было стыдно.

– А вот тут мне придется тебя огорчить, моя дорогая. Очень дорогая…– Последние слова он выделил особо, намекнув на то, во сколько денег и душевных сил обошелся ему этот брак. Причем сделал это так виртуозно и иносказательно, что мне сразу стало ясно: забота о моем настроении и огорчениях измерялась не в материальном выражении , а исключительно в матерном. Дрок же как ни в чем не бывало продолжил: – Но кодекс светлых лэров перед своей дипломатической миссией я изучил подробно. В том числе и обычай, при котором даже в щекотливой ситуации честь лэриссы остается нетронутой.

С этими пафосными словами поверх одеяла легла ржавая орясина. Я посмотрела на иззубренный меч и поняла, что честь Дрока тоже абсолютно вне опасности. И не то чтобы до этого у меня были мысли развратного характера. Ни разу! Просто хотелось держаться подальше от этой покрытой рыжими пятнами (непонятно еще, все ли это ржа, сточившая железо, или еще и кровь со слизью засохшие) железяки подальше. И уж точно не в одной постели.

Я отодвинулась на самый край ложа. Делать нечего. Придется терпеть в своей кровати мужа. К тому же у меня и так в последнее время слишком насыщенная жизнь, чтобы переживать ещё и по таким пустякам, как какой-то меч в постели и прилагающийся к нему темный.

Легла, отвернувшись к лису спиной, и натянула одеяло повыше. Позади послышалось шуршание ткани, бряцанье ремня , а потом кровать с другой стороны заскрипела, принимая на себя тяжесть

тела.

В сон на этот раз я не провалилась, а медленно уплыла. Причем старательно гребла во все лопатки в направлении этой самой долины грез: усердно закрывала глаза, выравнивала дыхание, принимала самые удобные позы, которые позволяло мое крайнее (во всех смыслах этого слова) положение.

А потом… Я находилась уже на границе дремы, когда мужская рука легла на мою талию, прошлась, огладив бедро. Задрала край сбившейся тонкой нательной рубашки. Я сглотнула от волны огня, прокатившейся по моим венам. Батист неспешно полз по коже, поднимаясь все выше, оголяя под одеялом мое тело.

Замерев, я ощутила, как бьется собственный пульс, набатом отдаваясь в ушах. Горло враз пересохло, а тело словно сковало заклинание стазиса. Тревога. Ожидание. Трепет.

Не в силах шелохнуться, я лежала на постели. Темный не прижимался к моей спине своей грудью, но я чувствовала его. Что он рядом. Близко. Очень близко. И когда на обнаженное бедро опустилась его ладонь, словно пульсар прошил мое тело навылет. Нервы затрещали, как по швам.

И в этот миг Дрок резко перекатился. Я оказалась под ним, вжатая в простыни. А потом темный точно так же, стремительно, поцеловал меня. И я, наконец отмерев, дернулась в попытке высвободиться, но его хватка оказалась железной.

Я ахнула, когда его ладонь скользнула на внутреннюю поверхность моего бедра, лаская. От того, что сейчас происходило, мне должно было быть страшно, но было… странно. Руки, губы, прикосновения, запах Дрока – они не вызывали отвращения. А ведь должны – нет, просто обязаны были вызывать!

Именно эта моя реакция на темного испугала куда больше того, что сейчас происходило между нами. Я дернулась изо всех сил и…

– Святых тебе в печенку! Ди,ты что творишь! – Сонному голосу Дрока, раздававшемуся откуда-то с пола, вторил звон стали.

А я, резко сев на кровати, с запозданием поняла, что это был сон. Всего лишь сон. Нательная рубашка была не задранной, да и кружевные панталоны остались при мне, в отличие от грез,из которых они исчезли.

– Что случилось? - С этими словами темный, вставая, щелкнул пальцами и создал магический светляк.

– Кошмар приснился, – ошарашенно отозвалась я и добавила совсем уж тихо: – Кажется…

– Если кошмар,ты не могла бы, как воспитанная лэрисса, покричать хотя бы сначала для приличия, пометаться в постели? Чтобы я проснулся и морально приготовился, - иронично произнес муженек. – Обязательно было сразу целить локтем мне в живот, сдергивать все одеяло на себя и при этом пинать, спихивая с кровати?

– Я в кошмаре оборонялась . – Мне было неловко. Очень.

– Судя по твоим действиям,ты минимум защищала цитадель от полчищ захватчиков. Причем в одиночку. И даже отстояла.

– Извини.

– Ладно, скоро рассвет. Давай постараемся выспаться, насколько это возможно. - С этими словами Дрок поднял с пола многострадальный меч и положил его ровно посредине кровати.

Третья попытка уснуть оказалась самой удачной. Вот только что-то стало настойчиво колоть мне бок. Я ничтоже сумняшеся отодвинула это рукой и продолжила нежиться в облаках дремы. Было тепло и уютно. Меня согревало что-то большое и надежное. Правда, тяжелое. Особенно в районе бедра и на плече тяжелое.

Я медленно открыла глаза и узрела руку Дрока, которая собственнически прижимала меня к себе. Она, чуть загорелая, со следами нитей-шрамов и знаками рун, надежно удерживала меня. Даже когда сам темный спал.

Смурной рассвет заглянул в окно. В молочных утренних сумерках был хорошо виден рельеф мышц темного и странная то ли магическая печать, то ли татуировка на плече. Упоминаний о такой я ещё не встречала ни разу. Захотелось ее получше рассмотреть.

А ещё – дотронуться до Дрока, чтобы проверить,исключительно проверить и сравнить в научных интересах: отличаются ли ощущения сна и яви? Так ли его кожа горяча и приятна на ощупь?

Пальцы коснулись длинной отметины шрама, проходившего наискось через все плечо. Старого, хорошо залеченного, так что края раны срослись аккуратно. Но это меня не обмануло: когда плечо только было рассечено, здесь наверняка было месиво. Причем из тех, которые уносят жизни , если в первые мгновения не остановить кровотечение. И таких «печатей побед» на теле северного лиса, подозреваю, немало.

Рука коснулась причудливого узора из рун, и кожу кольнуло холодом. Словно до льда дотронулась . Так, что даже отдернула ладонь. Странно. Нам говорили, что печати темных способны раскаляться до черного выжигающего пламени, но не кусать морозом.

Меж тем рисунок ожил: руны, образовывавшие несколько кругов, заключенных друг в друга, начали поворачиваться. Причем одни кольца вправо,другие влево. И только тут до меня дошло: это не магическая печать, а мета. Самая удивительная мета из всех, что я видела.

Обычно изображение появляется на теле мага в раннем детстве. У сынов неба – это изображение дракона, у оборотней – щенок, с возрастом превращавшийся в матерого волка, у ведьм – плющ, у некромантов – черный ворон, у меня вот было при рождении пламя, которое дополнила вторая, выкупленная у мага воды волна – дар водника. Но круговой вязи рун не было ни у кого из чародеев.

Это и заставило меня задуматься: что же за дар хранит это северный лис? И почему мета, которая теряет подвижность с полной инициацией мага, вдруг не только ожила под моими пальцами, но еще и укусила холодом? Или последнее мне показалось?

Я ещё раз поднесла руку, чтобы убедиться, не примерещился ли холод, когда прозвучало:

– И как? Нравлюсь? – шепот прямо над ухом, бархатистый, словно перекаты волн прибоя, застал меня врасплох.

И мне стоило немалых усилий не вздрогнуть,да и в целом не подать виду, что я что-то чувствую. Чуть откинула голову и, выискав из своего арсенала оценивающий взгляд из категории «я буду торговаться за уценку этого пучка морковки минимум на пять медек», посмотрела на темного.

– Еще не решила, – постаралась произнести это с легкой насмешкой.

Хотя другая на моем месте не раздумывала бы – ответила: «Да!» Дрок был хорошо сложен: поджарый, состоящий, по ощущениям,из тугих крепких мышц и сухожилий, с широкими плечами, сильный. А ещё опытный и опасный. Не восемнадцатилетний юнец, а маг и воин в самом расцвете своих сил и дара… В общем – наверняка кость в горле многих.

– Тогда я могу помочь тебе определиться с выбором, - голос прозвучал чуть с ленцой и даже иронично.

– И как же? – Я изогнула бровь.

Темный не стал размениваться на мелочи и поцеловал. И это было совершенно не то, что в моем сне. Его язык мягко раздвинул мои губы, заставляя замереть, окунуться в ощущения, рождающие в теле дрожь и вынуждающие дыхание сбиться.

Этот поцелуй был иным. Не испепеляющим до безумия, как в таверне, не решительным, как у меня в доме,и даже не страстным, как во сне. Он получился с привкусом крепкого кофе и корицы. Будоражащий и отрешающий от всего мира одновременно.

От такого кровь застучала в висках, а в животе словно поселился огненный полоз, который начал расплетать и свивать свое тело в кольца. Ощущения его губ на моих губах, его рук на моем теле заставляли выгнуться, прижаться к темному еще ближе.

Наслаждение – неразбавленное,терпкое, пряное, янтарное, оно разливалось по моим венам креплёным виски, опьяняя, унося прочь из реальности серого утра. Мое тело задрожало от желания большего.

Его пальцы обвели мой затвердевший сосок, проступавший через сорочку,и в тот же момент я почувствовала, как тело Дрока непроизвольно толкнулось ко мне, как его пах прижался к моим бедрам.

Определенно, темный проснулся весь. Целиком. И ныне имел не только твердые убеждения и взгляды, но ещё и намерения провести это утро активно.

Я понимала, что нужно, непременно нужно остановиться, пока он может. Пока я могу. Именно это я и прошептала Дроку прямо в губы.

Миг, в который замерли не только мы, но, кажется,и само время. Дрок выдохнул, прикрыл глаза, а

когда открыл, то его лицо было столь же выразительно, как морской утес.

– Ну раз ты настаиваешь,то не смею отказать. – Его отстранённый тон после того, что только что между нами произошло, был сродни ушату холодной воды. - К тому же не стоит здесь задерживаться. Уже сегодня я планирую доставить тебя в Касселрок.

Я слушала, как он невозмутимо произносит все это,и тихо зверела. Как? Как так можно?! Это все что, было притворством, игрой? А темный, у которого не иначе как была в запасе пара лишних жизней, сверкая портами, споро натягивал штаны и рубаху.

– Зачем? - я перебила его вопросом. И хотя ничего не пояснила, но темный понял и так.

– Решил слегка поднять тебе настроение. А то не понял: ты просто не выспалась или вправду ненавидишь весь мир.

В ответ я кинула в него подушку. Этот гад ожидаемо уклонился, причем все с той же невозмутимой миной. И как ни в чем не бывало вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Я же откинулась на подушки. А потом вдохнула и рассмеялась: сравнила, называется, сон и явь! И самое отвратительное: все произошедшее утром мне понравилось. Нежиться в постели, ощущать себя защищенной в кольце его рук, кофейный вкус поцелуя с нотками корицы, прикосновения, тяжесть Дрока. Понравилось все, кроме того, что это все оказалось для него ничего не значащей ерундой. Развлечением в истинно темном духе, когда тело активно получает удовольствие, а душа при этом спит. А потому через все случившееся можно легко переступить и забыть. И за это мне хотелось придушить лиса с особым цинизмом.

Раздавшийся за окном звон стали заставил меня подскочить с кровати. Я пробежала по холодному полу и посмотрела во двор. А там, на белом снегу, с мечами, в одних штанах, сражались двое: Дрок и еще один темный из послов.

Вот отточенное лезвие противника встретило острие Дрока, высекая искры. Лис отшвырнул метящий ему в грудь меч. Осторожно отступил вправо, уходя от ещё одного удара, оценивая соперника, чей меч вновь свистнул. Но на этот раз целя не в корпус, а по ногам.

Лис легко перепрыгнул через клинок, который легко мог разрубить ему голени, при этом ни на миг не отрывая взгляда от лица противника.

Даже я понимала: сейчас сошлись два опытных воина. Опытных и сильных. Вот только в отличие от Дрока его партнер привык побеждать сразу. Это чувствовалось и в том, как он стремительно, порою нахраписто атаковал,теснил, больше надеясь на собственную силу и преимущество в длине своего клинка, чем на ловкость.

Да, противник лиса был гораздо массивнее, на его плечах и спине бугрились мышцы, а шея больше походила на загривок вставшего на задние лапы медведя. Не человек – гора. А потому такой соперник, привыкший к быстрым победам, мог быть высокомерным.

Видимо, не я одна пришла к такому выводу, потому как то, что произошло дальше, больше всего походило на тонкий стратегический ход, правда испугавший меня изрядно. Отбив очередной удар, Дрок, отступая, запнулся и упал на колено, чуть не выронив клинок.

Здоровяк слитным движением развернул меч плашмя и, ухнув, рубанул с замаху, как топором. Словно перед ним была не светлая макушка лиса, а полено.

Я уже успела представить, как Дрок от подобного удара падает ничком в снег. А придись лезвие острой кромкой – и вовсе превращается в две половины. Эту картину наверняка увидел и темный, уже праздновавший победу.

Вот только вместо удара о голову клинок громилы заспорил с заостренной сталью. Раздавшийся при этом скрежет полоснул по моим нервам.

Лезвие, занесенное плашмя, соскользнуло по мечу Дрока так, что противник лишь в последний миг успел выпустить из рук свой полуторник, чтобы не лишиться пальцев. Клинок упал в рыхлый пушистый снег. Но ещё до того, как он очутился в чахлом сугробе, к горлу обезоруженного темного лис приставил отточенную сталь.

Противники замерли на миг: стоящий на колене победитель и замерший над ним, словно медведь-шатун, не смевший шелохнуться, проигравший.

Дрок убрал клинок и встал, отряхнув штанину. А вот здоровяк остался недвижим. Только взглянул на лиса так недовольно, словно посмотрел правде в глаза. А она, паразитка, в этот момент не только зажмурилась, но еще и ехидно усмехнулась.

Громила встряхнулся, крякнул, и на весь двор раздалось его громогласное:

– Стоун, что за мракобес в тебя с утра вселился?!

– Это ты у меня как у темного экзорциста спрашиваешь?

– Нет, светлых тебе в печенку! Как у старого друга.

– В меня вселился брак, – фыркнул Дрок.

– Может, все-таки бес? – с надеждой протянул громила, подбирая меч и надевая рубаху.

– Ты-то сам в это веришь? - Иронию в тоне лиса можно было черпать ведрами, разливать по бочкам и свозить на оптовый склад.

Риторический вопрос остался без ответа. Здоровяк лишь покачал темной курчавой головой.

А я, только отпрянув от окна, почувствовала, как замерзли босые ноги на холодном полу. Захотелось вернуться обратно в постель. Но надо было собираться: и в дорогу, и с мыслями. С последними – особенно. Ведь я всего лишь фиктивная жена на контракте. Ширма, приманка для Эйты. Наемный работник, правда, весьма специфического профиля. Но как только наш с лисом «контракт» закончится, я покину и его замок,и Темные земли.

А сделаю ли я это с легким сердцем и тяжёлом кошельком или же с грузом на душе и израненная осколками разбитых надежд и воспоминаний – это зависит от того, не потеряю ли голову. Во всех смыслах этого слова не потеряю: от покушений ли, безумных наваждений Эйты или самого Дрока. В которого мне категорически нельзя влюбляться.

Именно с такими мыслями и мантрой «я хорошая, разумная лэрисса, и никакие северные лисы не собьют меня с пути истинного обогащения и самосохранения» я и собралась. Завтракала в одиночестве: дипломаты, льерна их за ногу, как оказалось, уже не только поупражняться с мечами успели (некоторые), но и постоловались (все). И сейчас дружно готовились отбыть.

Причем шестерка их посольства – сразу в стольную Тайру, а Дрок – сначала в Касселрок, завезти «подарочек». Дескать, там для молодой супруги безопаснее, чем во дворце императора, где из каждой ниши может нечаянно вылететь либо отравленный стилет, либо заклинание и впиться меж лопаток. Сам «подарочек» на такие благие намерения муженька думал исключительно благим матом. Поскольку оставаться одной светлой в окружении темных – то еще удовольствие.

Вот только спрашивать меня никто не стал.

Путь на север можно было выразить одним словом: снег. Он был нежным и беспощадным. Сыпался с неба, как мелкий сахар, а по ощущениям напоминал колкую пустоту. Забивался в холщовую суму, которую я раздобыла на постоялом дворе для своей книги,так и норовя намести в торбе сугроб.

Да ладно бы только в поклаже. Мне за шиворот насыпало столько ледяной крупы – хоть лопатой выгребай.

Кто-то считает, что мелкий частый снег – предвестник большой метели. А как по мне – так больших неприятностей. И я имела в виду отнюдь не банальную простуду. Хотя мой нос замерз и начал хлюпать, но нет, не ее.

Под неприятностями я подразумевала Северные земли во всей их холодрыгистой красе. Мы ещё не добрались до них, а я уже вся продрогла. К тому же Дрок обмолвился, что в Касселроке помимо него обитают еще представители рода Стоун.

По тому, как он произнес это, стало понятно, что это добрейшие люди, от которых северный лис никак не может избавиться, а те в свою очередь никак не могут избавиться от него.

– И ты уверен, что в твоем замке мне будет безопаснее? – с сомнением уточнила я.

– Во всяком случае,там ты можешь смело убить любого, кто посмеет посягнуть на твою жизнь.

– А в столице?

– В столице, в принципе, тоже можешь, но не факт, что смерть кого-то из приближенных к трону понравится Темному Властелину…

Пояснений не потребовалось: в Тайре у одной светлой было больше шансов перейти дорогу на тот свет какому-нибудь влиятельному сыну мрака. А в Касселроке, как говорится, все свои, родные люди – сочтемся. Наверное.

– У тебя так много врагов? – утонила я. И вроде сказала-то немного, но порыв ветра, плюнувший в лицо, мигом накормил меня снегом.

Лис, обернувшись, иронично ответил:

– На этом свете? Много. Но на том – гораздо больше.

– Успокоил, – скептически ответила я.

И не то чтобы у меня от новых знаний на душе кошки скребли… Скорее – здоровенные такие мантикоры, которые рыли яму моим скоропостижно скончавшимся планам тихо и одиноко отсидеться в замке и свести Эйту с ума. Увы. Темные родственнички, судя по их числу, не дадут сделать ни первого, ни второго и значительно осложнят третье.

Мое предположение лишь укрепилось при первой встрече, когда на исходе дня, в лучах багровеющего заката, мы прибыли в Касселрок.

ГЛАВА 6

Замок, сложенный из светлого камня, словно пронзал своими шпилями облака. Он стоял на утесе, о который бились пенные волны холодного моря. С другой стороны крепости хребет скалы поднимался выше, венчаясь белой шапкой ледника, копившего веками свои снежные силы и купавшегося в северных ветрах. Там, на самой его сахарной вершине, свой исток брала горная река. Она несла стремительные ледяные воды прямо к Касселроку и пронзала его стрелой, вытекая с обрыва утеса грохочущим водопадом.

Шум воды, летящей с высоты скалы прямо в море,и оглушающая тишина зимы вокруг. Дальше, на более пологом склоне, горел огнями городок, словно говоря: и здесь, на севере, среди морозной величественной красоты есть место простому человеческому теплу.

Заложив круг, когда мы наконец приземлились во дворе Крепости, нас высыпали встречать. Простой замковый люд радовался прилету хозяина и с любопытством косился на меня, скрытую от макушки до пят плащом.

Дрок поправил капюшон так, чтобы полностью спрятав мое лицо, и мы зашагали к ступеням замка. Из-за низко опущенного куафа я почти ничего не видела вокруг. Лишь слышала. Как хрустит под ногами снег, как протяжно, словно желна, скрипнули петли массивной дубовой двери, впустившей нас внутрь.

Зал встретил нас теплом, полумраком и звуками живого огня. В камине потрескивали поленья, слышалось шипение пара из только подкинутых в прожорливое пламя чурбаков.

– Следуй за мной, - прозвучала из уст Дрока не просьба – приказ.

Я подчинилась и бесшумным привидением пошла по коридорам. В нескольких шагах впереди маячила широкая спина темного.

Серая каменная кладка нетёсаного камня, чадящие факелы, отбрасывавшие больше теней, чем света, спертый воздух, пыль. А еще – ощущение не просто старины, как в нашем доме. Нет. Настоящей древности. Казалось,что эти стены возвели так давно, что они повидали на своем веку даже Великий исход, когда две древнейшие расы – демоны и драконы – делили власть и рудники магического металла анария, но, как водится, в результате разделили мир на два лагеря. Драконы заточили демонов в Бездну,именуемую еще Мраком, - измерение, куда ныне могут попасть лишь темные чародеи.

Но сыны неба, к которым примкнули эльфы, дриады, оборотни, светлые маги, хоть и избавили мир от демонов, окончательной победы одержать так и не смогли. Сумеречные, которых тоже было изрядно, ушли за Серебряный хребет, оставив рудники и свои исконные земли.

Это оказался единственный в истории передел территорий, когда не было выстрелов, битв и мертвые тела не устилали поля сражений, и он же был самым масштабным.

Проиграли ли темные? Скорее, нет. Они могли бы дать бой. И далеко не факт, что победа была бы на стороне света. Но однозначно: случись такое – и весь мир потерял бы гораздо больше, чем приобрели победители. Кем бы они ни оказались.

Сумеречные маги ушли, и путь в их земли оказался заказан любому чародею, у кого был хоть проблеск светлого дара. Но шло время, меж соседями плелись интриги и заключались торговые договоры… Шпионы сновали через границу, как мыши через дырявые стены амбара.

А чуть больше трех веков назад случилось и вовсе неслыханное: черная ведьма поступила на обучение в оплот светлой магии – академию имени Кейгу Золотое Крыло! Правда, не совсем честно, но поступила же! И ее за сию выходку даже не сожгли на костре.

Это стало только началом.

А ныне в Шумерлинских топях и вовсе стоял городок Хеллвиль – вотчина вольных чародеев, где светлый и темный маги могли очутиться не только за одним столом в таверне, но и побрататься.

Конечно, в академии нам преподавали историю Великого исхода слегка иначе. Дескать, светлые, разумные маги, светочи доброты и прочая по списку, низвергли мерзких темных… Формулировки, правда, были более корректными, но смысл – именно таким.

Но Бонтирна имела на историю Великого исхода другие взгляды. Если коротко – «Оставь дурака одного,и он сам убьётся, без твоих усилий. Главное – подождать». Вот сумеречные маги и оставили.

К слову, оглядываясь на прошедшие столетия и то, что порою происходило в нашей замечательной светлой империи, хочется сказать: не так уж темные были далеки от истины. Чтобы пересчитать,

сколько было предотвращений переворотов и публичных казней, с оными связанных, за эти столетия, – пальцев на руках и ногах не хватит. Причем все мятежи – исключительно отечественного, светлого производства. А уж о том, как союзники – гномы и эльфы – друг друга недолюбливают, знал каждый житель Светлых земель.

Так или иначе, но время шло, вражда – нет, не забывалась, но становилась не столь острой. Вон уже и официальное посольство Аврингрос в своем дворце принимал…

А стены замка, по которому я сейчас шла, наверняка были свидетелями всех этих событий.

– А сколько крепости лет? - невольно вырвалось у меня.

– Больше тысячи.

– Неужели? - Нет, я предполагала, что замок – ровесник исхода, но не дедушка же. И в моем голосе помимо воли прозвучал неприкрытый скепсис.

Дрок, остановившись, обернулся. Причем все это произошло так стремительно, что я едва не впечаталась в него. Успела затормозить лишь в последний момент. Вот только капюшон слетел, оставив голову без покрова.

Мы оказались напротив друг друга,и расстояние между нами было не больше ладони. Я непроизвольно сглотнула, почувствовав на себя взгляд Дрока. Обжигающий, он скользнул с макушки на скулу, ниже и остановился на губах. И лишь спустя три мучительных удара сердца поднялся выше. Наши взгляды встретились. И я увидела, что в глубине карих глаз рождается расплавленный янтарь. И его золото заполняет радужку.

– Ди, это Северные земли. И испокон веков они граничат с вотчиной Всадников Дикой Охоты. А детям льда плевать на междоусобицу светлых и темных… Они были до исхода, будут после, - его голос прозвучал хрипло.

Словно вторя его словам, все факелы коридора сначала сжались, а потом полыхнули светом чуть ли не до самого потолка, словно подтверждая: так и есть. А потом ближайший ко мне факел еще и фыркнул снопом искр.

– Касселрок подтверждает мои слова. – Усмешка исказила губы темного.

– Замок – живой? – вырвалось непроизвольно. Нет, я слышала, что есть живые дома, наделенные подобием сознания. Но целая крепость…

– О да. И характер у него – тот еще, - усмехнулся Дрок, и я поняла: только что у меня состоялось знакомство с главным родственником. И, кажется, я ему не понравилась.

– Судя по твоему тону,ты узнал об этом опытным путем. – Я изогнула бровь.

– Я когда-нибудь расскажу тебе об этом. Но главное, как бы замок к тебе ни относился, в случае опасности он защитит мою жену – тебя. Именно поэтому здесь безопаснее, чем в столице. - И Дрок аккуратно накрыл мою голову капюшоном плаща. Только на этот раз его руки чуть дольше, чем следовало, задержались рядом с моими висками. - Пойдем. Тебе стоит надеть амулет, прежде чем я представлю свою супругу остальным родственникам.

Вот так, одной фразой, он напомнил мне, что я здесь всего лишь тень. Память тут же услужливо напомнила имя той, которую мне нужно заменить, - Лорелея. И во рту тут же появился вяжущий, неприятный вкус. Вот ни разу за всю мою лицедейскую деятельность такого не случалось,чтобы имя вызывало подобную реакцию. Наверное, во всем виноват чад факелов. Да, определенно чад.

Но рефлексировать было некогда: пришлось вновь спешить за лисом.

Мы добрались до комнаты, которая располагалась на верхнем этаже замка. Это была спальня Дрока. И, главное, она лучше и честнее самого хозяина говорила о его характере: сдержанная, лаконичная, практичная. Ни одной лишней детали. На первый взгляд простая, но хранящая множество секретов и опасных тайн.

Последнее подтвердилось, едва мы вошли. Дрок защелкнул дверной замок, а затем подошел к столу, нажал скрытую пружину,и из-под крышки выехал секретный ящик. Краем глаза мне удалось заметить,что там в идеальном порядке лежали амулеты. И какие. На некоторые экземпляры наверняка и светлоимперская разведка позарилась бы.

Вот тот маленький изящный флакон,испещренный рунами, мог закупорить в себе архидемона. А невзрачный кулон в виде пентаграммы был не чем иным, как одноразовым телепортом. Правда, вероятность выхода из такого живым и целым, а не с отлетевшей за грань душой и по частям, была

пятьдесят на пятьдесят: либо выйдешь, либо нет… Хотя , если точнее,то зануды-магстатисты утверждали: выживаемость составляет при экстренном переносе не более пятнадцати процентов. Но даже такой рисковый образец был весьма редким и ценным.

Лис же уверенно взял круглую подвеску в виде серебряной восьмилучевой звезды, заключенной в круг.

– Вот и он. – С этими словами Дрок сжал амулет, напитывая его не только силой, но и образом, который запечатлела его память. - Этого тебе хватит на седмицу. Но я вернусь раньше.

– Когда? - я постаралась, чтобы мой вопрос звучал по–деловому. Никаких эмоций. Это просто роль, за которую мне заплатили.

– Думаю, успею обернуться за пару дней. Нужно лишь предоставить отчет властителю, что переговоры прошли успешно.

Дрок повернулся к окну, за которым алели в последних лучах заката шапки ледников. Стало понятно, что на этом наш короткий разговор будет закончен. Я надену маскирующий амулет и перестану быть Ди. В глазах Дрока – перестану.

Он будет смотреть на меня, а видеть свою Лорелею. И пусть умом будет понимать, что я – не она. Но все же… Захотелось еще немножко, хотя бы пару ударов сердца, но остаться собой, настоящей. Со светлыми волосами, чуть вздернутым носом, выдающим мой независимый нрав, с маленьким шрамиком за ухом – его я получила ещё в детстве. Побыть собой. Да, не идеальной одухотворенно-хрупкой красоткой, которую порою лэриссы возводят в абсолют, а просто Ди.

Наверное, поэтому я и задала следующий вопрос:

– А о чем вы договаривались с Аврингросом? - и только произнеся, поняла, что вряд ли получу ответ: все же дело государственной важности.

Об этих переговорах в столице ходило множество слухов и домыслов – от сватовства темной княжны за наследника первой ветви алмазных драконов до снижения пошлин на брюкву. И если романтичные эльфийки надеялись на первое,то практичные гномы ратовали за второе. В общем, правду среди этих сплетен спрятать было проще простого.

– Ты точно хочешь об этом узнать?

– Да. Только сама не пойму, зачем мне это… – Я развела руками, пытаясь обратить неурочный вопрос в шутку.

– Ну что же, - усмехнулся Дрок, - секрета никакого нет.

– Зато есть столько домыслов, что из них можно сложить ещё один отрог Серебряного хребта.

– С Авигроссом мы подписали договор о совместных действиях против корсаров островов Шум-Вуй. Они грабят как наши корабли,так и светлых. Вот так. Просто политика. Никаких договорных браков и тайных беременностей. - Он развел руки в стороны в жесте «извини, что разочаровал».

Я, не выдержав, фыркнула и непроизвольно пожала плечами. От этого движения ремень сумки начал сползать,и я машинально его поправила. Жест не ускользнул от внимания темного.

– Можно ответную честность? Меня уже вторые сутки мучит вопрос : что за книгу ты купила в той лавке и так упорно таскаешь с собой?

И тут для меня настал «упс». Мудрые люди говорят, что правда любит быть нагой и не терпит лишних одежд. Но я-то была стыдливой девушкой! Скромной… Почти скромной. И мне сделалось за эту самую правду очень стыдно. Настолько, что захотелось прикрыть ее хотя бы маленькой ложью.

Видимо, небольшая заминка насторожила Дрока, потому как он вкрадчиво, выразительно так протянул:

– Ди-и-и?!

– Знаешь, это очень личная для меня книга, – начала я издалека. - Я когда ее читала, у меня аж слеза наворачивалась. Будто с меня писали весь этот потрясающий сюжет справочника по душевным болезням.

У темного дрогнула жилка на виске.

– Ди,ты издеваешься?

Вот почему он произнес мое имя, а ощущение, что витиевато выругался?

– Даже не начинала. Просто подумала: зачем сходить с ума, если можно сходить за книгой в лавку? А потом уже, вооружившись знаниями клинической картины шизофрении, подыграть Эйте. А то ведь она наверняка будет стараться, чтобы свести меня с ума… Ну или хотя бы в могилу. И второе – наверняка, если первое у нее не выгорит.

– Ди, заигрывание с Эйтой – смертельно опасно, – отрезал лис.

– А я и не буду заигрывать. Я собираюсь заставить ее играть по моим правилам.

Я с вызовом вздернула подбородок : да, хотя темный и обещал мою безопасность, но, как говорится, против упыря на чары надейся, а осиновый кол все равно припаси. Вот и я решила подстраховаться. Но, судя по тому, как сузились глаза Дрока, мой план его не вдохновлял.

Он посмотрел на меня так, что я поняла: муженек вернется в замок как можно скорее, не задерживаясь у всяких там Лорелей. И даже не потому, что будет беспокоиться за мою жизнь и здоровье. Нет. Просто чтобы лично убедиться: я цела и невредима и он может с чувством глубокого удовлетворения лично меня придушить.

– Отдай книгу. - Дрок протянул руку.

Но я, вместо того чтобы вручить ему фолиант, в ответ выставила вперед свою раскрытую ладонь со словами:

– Амулет личины.

– Светлая. Да как ты не понимаешь,что для тебя любая встреча с Эйтой может стать последней!

– Нет, это ты не понимаешь, – запальчиво начала я,и моя ладонь превратилась в указующий перст, нацеленный в грудь темного, - ты нанял меня для того, чтобы я выжила здесь.

– Не нанял, а женился! – прорычал темный.

– В нашем случае это одно и то же! – разозлилась я.

– Нет! Я обещал тебя оберегать. Но как это сделать, если ты сама будешь искать встречи со своей убийцей!

– Не искать, а лишь подыгрывать, – стояла я на своем.

– Как только Эйта поймет, что ты сходишь с ума, она начнет появляться чаще, – Дрок, этот холодный и расчетливый темный, начал закипать.

Казалось, воздух сейчас заискрит. Все в спальне враз оказалось пропитано высоким напряжением – осязаемым, мерцающим, возникшим между нами.

Мне было что возразить, лису – что ответить. И хотя женаты мы были фиктивно, но спор выходил в лучших традициях настоящих супругов.

– Дрок, ты…

Стук в дверь оборвал меня на полуслове. Молотили в дверь не иначе как таранным бревном. Причем так активно, что я подумала : в спальню ломится орда горных троллей. И абсолютно в диссонансе с этой тяжелой атакой пехоты прозвучал голос. Причем он был столь бодрым и сладким, что я поняла : в ближайшие пару дней я буду пить чай без сахара. И от десертов, пожалуй, тоже откажусь.

– Дрок, милый, это Бетси. Слуги сказали, что ты прибыл в замок! С невестой. Это правда?

– Это ещё одна твоя аманта? - одними губами, не зная почему придерживаясь конспирации, вопросила я Дрока.

Ну правда. У темного могла быть и не одна любовница. А, так сказать, основная, запасная, случайная и нечаянно получившаяся. Причем случиться они все могли разом за одну ночь. И даже, если верить Бо, в одной постели.

– Хуже, - мрачно отозвался Дрок, в отличие от меня не таясь. - Это моя сводная сестра. Младшая. И она ненавидит меня.

– Судя по ее голосу – скорее наоборот, – усомнилась я.

– Она знает, что меня этот тон бесит. Потому изъясняется исключительно им. А еще Бетси пыталась отравить меня больше семи раз. Но потом убедилась,что это бессмысленно. И сейчас поднажала на занятия по стрельбе и боевым заклинаниям. Видимо, планирует совершить покушение.

– Братик, я знаю, что ты здесь. Если вы с невестой целуетесь или решили продлить род – ничего страшного. Вы меня не смутите. Только дай разрешение провалиться на тридцатый уровень Мрака,и я исчезну, - вновь вмешался в наш с лисом диалог голос ну очень настойчивой сестрички.

– А это, собственно, и причина ненависти, – пояснил Дрок. – Она в Бездне повстречала демона, которому понравилась ее душа. А Бетси – его шкура.

– И в чем же проблема? - не поняла я. – Ты не даешь им быть вместе?

– Да, но не в том романтическом варианте, который воображаете вы, светлые. Если демону приглянулась не вся ведьма целиком, а только ее душа,то он будет стремиться сожрать ее тело и заполучить исключительно дух. Видишь ли, эфемерная суть мага – очень ценный в Бездне товар.

– А зачем же тогда ей в этот Мрак стремиться? - удивленно отозвалась я.

– Я же говорю: ей понравилась его шкура. И Бетси захотелось до святых в глазах себе архидемона в услужение. Она задалась целью во что бы то ни стало его поймать. И сестричке даже собственная смерть в этой ловле кажется сущей мелочью. Вот я, после нескольких ее вылазок, и принудил мелкую к кровной клятве, которая действовала бы до ее совершеннолетия. Зарок теперь не позволяет ей провалиться во Мрак ниже определенного уровня. – И уже громче крикнул : – Только через твой труп!

– Гад! – грохнуло из-за двери безо всякой слащавости, и послышались злые удаляющиеся шаги.

– Вот и поговорили… Лучше бы она требовала приданого и выдать ее замуж, – с какой-то усталостью произнес Дрок.

– Скажу, как дочь отца, у которого шесть девиц на выданье : ты не знаешь, о чем мечтаешь. Демон в этом плане – меньшее из зол, - со знанием дела заверила я.

– Я предпочел бы спалить этого рогатого так, чтобы золы и вовсе не осталось, - сыронизировал Дрок.

– У тебя есть знакомый дракон? – уточнила я, уводя разговор от темы «Вынеси мозги Эйте по всем правилам шизофрении». В моем шуточном вопросе была лишь доля шутки, ведь только ящеры были способны испепелить демонов.

– Лучше! У меня есть его долговая расписка. Причем новенькая, полученная буквально на днях.

Я поразилась : и когда только этот темный все успел. И договор заключил,и жену купил, и, как выясняется, ещё и должниками обзавелся. А может – и шпионами.

– Значит, я буду Лорелеей? – вопросила я, вновь протягивая руку за амулетом личины. - Кто она? Ведьма? Чернокнижница? Темный алхимик? Знатная? Ее кто-то из твоих родных встречал раньше?

Мне нужно было знать о той, чью роль я буду играть.

Мне показалось,что Дрок на мгновение замер. И словно нехотя вложил амулет в мою ладонь.

– Нет, ее никто в замке не знает. Она дочь первого советника Императора. Чистокровная ведьма из древнего рода. В этом вы с ней похожи.

Последняя фраза прозвучала как-то странно, зацепив слух.

Все. Ди исчезла. В замке появилась истинная темная, супруга, достойная Хозяина Бурь. Лорелея Стоун.

ГЛАВА 7

Представление меня родственникам состоялось практически сразу же. Но даже я, закаленная собственной сумасшедшей семьей, чувствовала себя не в своей тарелке под перекрестьем взглядов. Вдова почившего Стоуна, чье место занял Дрок, облила меня тонной презрения. Ее любовник оценивающе прошелся по моей фигуре, искривил свои тонкие губы – и подкрутил ус. Старуха, дымившая в кресле трубкой, оказалась бабкой Дрока. Она глянула, как мерку на домовину сняла,и ехидно каркнула :

– Живая?

– А вы? – ответила я в исконно гномьей манере.

Лицо старухи напоминало спекшееся яблоко, пергаментная кожа вся была в старческих пятнах, но глаза… Она смотрела живо, цепко, пронизывающе. Немощное тело и сильный дух.

– А твоя жена – нахалка, – ухмыльнулась карга.

– Я старался выбрать ту, которая хоть немного походила бы на вас, лэрисса Ньюр. – Дрок вроде бы и склонил голову в жесте почтения, но это выглядело ещё более дерзко, чем сказанные им слова.

Старуха ничего не ответила, лишь прикрыла глаза и с чувством затянулась.

Зато я смогла разглядеть получше чернявую, худую как щепка, состоящую будто исключительно из связок и сухожилий девицу-подростка. Судя по всему, это и была та самая Бетси. И ее насыщенная шевелюра резко контрастировала с волосами парня, что стоял с ней рядом, почти касаясь брюнетки плечом. Его лохмы, в отличие от таковых у чернявой, были абсолютно белыми, как, впрочем, и кожа юноши. Единственное, что выделялось на его лице, - это глаза. Пронзительно-алые.

Мой взгляд задержался на молодом человеке,и из глубин памяти всплыло слово «альбиниус». Кажется, именно так называли магов, у которых при выгорании терялся не только дар, но и значительная часть ауры. У выживших после подобного (а их в мире были единицы) менялся и облик.

Чуть позже я узнала, что это Олафир – еще один сын покойного Стоуна. Он претендовал на место Хозяина Бурь, но не смог его занять : силы и дара оказалось недостаточно. Он выгорел, но сумел выжить.

Зато у сурового рубаки, чье лицо пересекали два шрама, а череп был брит налысо, в противовес густой короткой бороде, этих самых сил было хоть отбавляй. Побратим отца Дрока, он был уже не молод, но опытен и опасен.

– А где Борнир? - оглядывая собравшихся, задал вопрос Дрок.

– Не вернулся ещё с облета, - процедила Бетси.

– Ну что же, у меня нет времени дожидаться его. – Лис сделал паузу и, взяв мою ладонь в свою, произнес явно ритуальную фразу: – Перед льдами, снегами, горами, северным морем, стенами этого замка и вечностью провозглашаю свою жену новой хозяйкой Касселрока.

И от стен полетело тихое эхо: «Рока-рока-рока…»

Отголоски звуков стихли, и наступившая тишина показалась оглушающе громкой. Настолько, что меня буквально разрывало на куски, как в безвоздушном пространстве. Шесть взглядов, полных ненависти. Вот только обращены они были не на меня, а на Дрока.

– Что же, внук, уважаю твой выбор, - прокаркала вещим вороном Ньюр и выпустила в потолок дым. Тот мгновенно из бесформенного облака принял очертания вздыбленного кота, висящего вниз головой на люстре.

Я лишь мысленно поморщилась: давно обратила внимание, что за веским «уважаю твой выбор» чаще всего маскируется либо презрение к этому самому выбору, либо абсолютная уверенность в том, что худший вариант было бы трудно предположить…

Но, видимо, так подумала не я одна.

– Вы хотели сказать : «Я бескрайне уважаю твой ужасный выбор»? – Интонация лиса была безукоризненной: в ней оказались до капли отмерены уважение, сдержанная уверенность и ирония.

Старуха, отняв трубку ото рта, недовольно поджала губы.

– Иногда мне кажется, что ты не экзорцист, а телепат, - фыркнула она, признавая правоту слов лиса.

– Просто вы, лэрисса Ньюр, очень выразительно думаете, - усмехнулся Дрок. - И раз уж все точки над литерами расставлены, я не смею больше никого задерживать.

Засим мы покинули зал. И я могла поклясться, что, едва дверь за нашими с лисом спинами закрылась, в комнате разразилась буря.

Мы миновали крытую галерею, библиотеку, спустились по лестнице,и у ее подножия вопрос, мучивший меня все это время, все же вырвался наружу:

– За что они тебя так ненавидят?

Я была готова к какому угодно ответу, но не к тому, что прозвучало:

– Я бастард. – Холодные карие глаза не выражали никаких чувств, хотя голос звенел яростью отточенного клинка. Это был истинный Дрок. Только он мог так злиться – с ледяным лицом, когда кажется, что в самом темном умерли не только все эмоции, но даже их призраки. - И первый смесок, ставший Хозяином Бурь. Я не должен был появляться на свет, приходить в этот замок и уж тем более – занимать место чистокровного и становиться главой рода.

Правда. Короткая и пронзительная. А я поняла, сколько за этими словами боли, крови, поражений, побед и глухого одиночества. Передо мной стоял воин. Сильный, опасный, умеющий добиваться своей цели. Всегда. Любым способом.

– Но стал. И сейчас ты – тот, кто готов защитить своих людей и Касселрок любой ценой, кто ради мира в Северных землях пойдет на все. – Моя рука, неожиданно для меня самой, коснулась его щеки. Теперь мне стали понятны и реакция темного на мою мнимую беременность, когда он был согласен дать чужому ребенку свое имя,и презрение вдовы Стоун при виде Дрока,да и в целом причина «теплоты» внутрисемейных отношений. Да, у темных легче признавали нагулянных на стороне детей. Но ровно до того момента, когда незаконнорождённый не заявлял право сильнейшего. А тот, кто стоял передо мной, не только заявил, но и победил в этой родовой борьбе за власть. – И я считаю, что это важнее любого самого благородного происхождения. Дрок,для меня не имеет значения, что ты бастард. Для меня ты – это просто ты. Человек. Супруг. Пусть и номинальный. Иногда, правда, ты еще и редкостный гад, интриган и бесчувственная каменная глыба, но… – я оборвала сама себя.

М-да, окончание речи мне явно не удалось. Я разошлась. Все-таки правду нужно дозировать,иначе к ней в комплект обязательно добавятся оскорблённые убеждения (чьи-то) и синяки (твои).

– Можешь не продолжать, я тебя понял. - Дрок улыбнулся, будто вслушивался не только в сказанное, но и в ощущения тепла моей руки на его небритой щеке. А потом произнес фразу, в которой главными являлись не слова. Они там вообще были совершенно лишними. Куда важнее оказалась тишина между ними. - Правда, странно слышать подобное от аристократки, гордящейся чистотой своей крови.

Скажи он это другим тоном – было бы оскорблением. Но впервые лис говорил с такой теплотой и даже… нежностью. Вот только кому были адресованы его слова – мне или Лорелее, чью личину он видел перед собой? Его пальцы коснулись моей скулы, очерчивая абрис.

– Горжусь ли? – Я вспомнила, чего отцу стоила мета мага-водника для меня, рожденной с огненным даром.

– При нашей первой встрече я был в этом абсолютно уверен. А сейчас… уже нет.

Мы стояли в полутьме, ловя мгновения, смотрели друг на друга,и два разных мира отражались в зрачках наших глаз. Лис и я – непохожие во всем. Но оба – заложники собственного происхождения.

Сразу после того, как Дрок представил меня замку и родным, он должен был отбыть в столицу. И от входных дверей его отделяла всего лишь зала.

– Ди, как бы мои кровники ко мне ни относились,тебе здесь не причинят вреда. Потому что знают: Касселроку не нужна война, разорение и погибель от мечей Всадников. А мои родственнички не хотят умирать. И единственная для тебя опасность здесь – это Эйта. Поэтому пообещай мне, что, пока я не вернусь, ты не натворишь глупостей.

От этой просьбы я чуть не взвыла. Ну нельзя же так. Требовать от девушки невозможного. Тем более если она на эти самые «глупости» уже нацелилась.

Того, что произошло дальше,темный явно не ожидал. Не ожидал, но, паразит такой, не растерялся и быстро сориентировался. В итоге мой мимолетный поцелуй превратился в полноценный.

Губы трогали губы. Сильно. Горячо. Грешно. Дико. Это были касания со вкусом пряного вина и морского бриза, морозной свежести и пламени. Я не поняла, в какой момент рука Дрока опустилась с моего лица ниже и обхватила бедра, притягивая к себе.

Мы оба почти задыхались от того, во что перерос наш поцелуй. Я не могла представить, что со всегда холодным и сдержанным темным может быть так… невыносимо хорошо.

Не знаю, кто из нас нашел силы, чтобы прервать это безумие. Я лишь услышала над ухом тяжелое дыхание темного и его хриплый шепот.

– Ди, ты все же ведьма. Светлая, но ведьма.

Я чуть отстранилась, тряхнув головой. Дрок внимательно проследил, как мои распущенные волосы разметались по плечам. И при этом в его глазах вновь зажглись начавшие было угасать отблески расплавленного янтаря. А меня пронзило острое удовольствие от понимания того, что я ему нравлюсь.

Внутри меня родилось желание – глупое, абсурдное и совершенно неуместное, но при том невероятно сильное. Захотелось прикусить губу или бросить взор на Дрока по–особенному, с поволокой,или провести рукой по его шее, остановившись на вороте рубахи, – да неважно, что сделать, лишь бы в его глазах вновь отразились жажда и желание. Дикое. Хищное. Мужское желание.

Я закусила, правда, не губу, а щеку,изнутри, пытаясь отрезвить себя. Какая же я идиотка. Сейчас перед ним не я, а Лорелея. И кого он целовал – ещё большой вопрос.

– Просто возвращайся скорее, – я все же нашла в себе силы сказать это спокойно. Почти спокойно.

– А ты будешь меня ждать?

– Ты же сам сказал, что я ведьма, – усмехнулась и сделала шаг назад. – Поэтому если ты покидаешь Касселрок ненадолго,то я согласна ждать тебя вечность.

Дрок на это лишь усмехнулся и, развернувшись, пошел через зал к входу. И, стоя у массивных створок, он обернулся:

– Если тебе что-то потребуется, просто попроси это у замка.

Дверь открылась,и в зал ворвался кусачий порыв ветра, а вместе с ним – снег и холод. Дрок ушел в ночь. А я осталась. Меня мучили вопросы. Много вопросов. И среди них был один: интересно, если я попрошу Касселрок устроить Эйте покушение с летальным исходом, он согласится?

Подумала, с чего бы начать устранение моей рыжей неприятности, и, оглядевшись по сторонам, поняла: ничто так не отвлекает от глобальных задач, как решение мелких бытовых проблем. Вот мне, например,для начала не мешало бы сейчас привести себя в порядок. А я даже понятия не имела, где моя комната. Посему громко,так, чтобы замок точно услышал, произнесла:

– Касселрок, покажи мне мою комнату.

Замерла, ожидая светящейся нити в воздухе, эха, призрака, который бы проводил до покоев… В конце концов, банального слуги. Ну хотя бы умертвия… Скелета… Скелета крысы… Увы. Я была согласна на любого проводника. Но ответом новой хозяйке замка была тишина.

– Не хочешь по–хорошему… – многообещающе протянула я, засучивая рукава.

В своей жизни я воспитывала много кого. И старших сестер (хотя тут вопрос – кто кого). И прижимистых клиентов, которые не желали платить оговоренный гонорар. И даже вымуштровала гибискуса-алкоголика в папином кабинете: отец как-то вылил в его горшок во время «исключительно мужского разговора» отвратный бренди. На следующий день растение расцвело. Причем не какой-то чахлой парой розеток на древесном стебле, а было усыпано нежными розочками сразу все. Папа, не иначе как почувствовав в себе тягу к садоводческим экспериментам, начал периодически подливать бокал вина этому зеленому пьянчуге и тем споил бедное растение на корню. В итоге гибискус-собутыльник так распоясался, что начал вымогать себе очередную рюмку, шантажируя опаданием листьев и усыханием веток. Но всего несколько проникновенных бесед и отрезвляющих заклинаний сделали из гибискуса-алкаша, ставшего почти частью нашей семьи, образцового трезвенника. Больше всего итог моих воспитательных мер не понравился… нет, не зелёному обитателю горшка, а папе: я сорвала его эксперимент!

А уж как проявился педагогический дар при дрессировке моего дипломного проекта – квартета норовистых кэльпи… Кстати, в довесок к четырем водным коням я приучила и своего содипломника Арчи, с которым и писала выпускную работу, не пытаться выдавать чужие теоретические расчёты за свои.

Но вот воспитывать вредные замки мне не приходилось. Ну что же… все случается в первый раз. А если после этого останутся выжившие, то можно будет и повторить.

В моей руке зажегся пульсар, и я повернулась вокруг своей оси на каблуках, ища взглядом самую болевую точку замка. Нашла симпатичный гобеленчик. Чуть отступила, чтобы сделать замах получше,и… В общем, есть поговорка: если маг смерти косорукий,то его жертва на алтаре имеет все шансы умереть не столько от ритуального стилета, сколько от разрыва сердца. Вот примерно это же случилось и у меня.

Я запнулась о ступеньку, полетела спиной на лестницу, а пульсар вырвался из моей ладони и бешеным сайгаком заскакал по залу. Сначала он пронесся между стен. Потом арбалетным болтом под немыслимым углом отрикошетил в массивную подвесную люстру, которая несла на себе несколько дюжин свечей.

Кованая цепь, что держала эту бронзовую орясину,треснула. Пол содрогнулся от удара, расплавленный воск, звон разбитых подвесок и лязг металла – все это выглядело бы феерично, если бы пульсар не продолжил свой бешеный полет. Но нет. Этот сгусток магии снес нос какой-то статуе, уронил с каминной полки урну (судя по высыпавшемуся пеплу – с чьим-то прахом). Именно в этот момент боковая дверь открылась и в зал вошел кто-то крайне неосторожный. Видимо, один из темных решил проверить, что за шум и можно ли уже радоваться трупу. Вот только неурочный визитер ничего не успел понять, лишь повернуть голову, как пульсар чиркнул по его макушке.

В итоге у сурового мужика, вошедшего в зал, волосы на макушке спалило напрочь. Как бритвой срезало ото лба до затылка. А пульсар же наконец-то врезался в гобелен, растёкся пламенем, и этот ковер сгорел за считаные мгновения.

И я бы с радостью полюбовалась на огонь (попала в цель все-таки, хотя и весьма оригинальным способом!), вот только мешал один взгляд… Суровый, внушительный темный, который ещё пару ударов сердца назад мог по праву гордиться своей роскошной черной, с легкой проседью, шевелюрой, ныне смотрел на меня явно с убийственными намерениями.

– Что. Здесь. Загрыз раздери, происходит?! – рявкнул незнакомец, проведя ладонью по своей голове и оценив ущерб.

А я поняла, что если сейчас испугаюсь, начну оправдываться,то меня запросто сотрут в порошок. Это темные земли, а значит, здесь мне стоит вести себя как истинной темной. вдбваиб

Я, ничего не говоря, встала и отряхнула платье. Гобелен превращался в золу и пепел, а в зале с каждым мгновением все сильнее пахло гарью, отчего нестерпимо хотелось прокашляться. Но я себе подобного сейчас не могла позволить. Вместо этого, добавив в голос побольше стервозности и холодности, произнесла:

– Здесь происходит воспитательный процесс.

– Воспитательный? - прорычал темный, зверея.

– Да, я воспитываю СВОЙ замок. И попросила бы мне не мешать!

– Свой? – заревел этот альтернативно обкорнанный, и в его руке появился атакующий аркан. Таким было легко в один удар из одной Ди сделать сразу двух, но половинчатых. - Да кто ты, сопля зеленая, вообще такая?

– Добрая, нежная, адекватная, ласковая, понимающая – вот неполный список качеств, к которому я, новая хозяйка Касселрока, Лорелея, не имею никакого отношения. А вот кто вы такой – большой вопрос, - мой голос не дрогнул. Не от страха за свою жизнь, но от душившей гари.

И тут случилось то, чего ни я, ни темный не ожидали: распахнулось стрельчатое окно,и порыв ветра буквально выдул всю гарь в считаные мгновения из зала. Дышать стало легче. Легкие уже не раздирал кашель, который я старательно в себе душила.

А потом рядом со мной раздался звук, словно кто-то шагнул на ступеньку. Я опустила взгляд и увидела отчетливый отпечаток сапога. Внушительного такого сапога явно гренадерского размера. Провожатый… Касселрок соизволил показать мне дорогу к покоям.

За появлением следов неотрывно следил и темный. И лишь когда шаги стихли, он перевел взгляд на меня. Пристальный. Изучающий. Впрочем, аркан не убрал.

– Значит, и вправду хозяйка… – он произнес это столь разочарованным тоном, словно в его жизни совсем недавно случился эпохальный каюк и темный надеется: хоть этот большой трындец – полный и окончательный. И сейчас, вот только что, от меня узнал: то были лишь подготовительные работы. И огорчился. Очень.

– Знаете, скажу сразу, на всякий случай, чтобы у нас с вами, лэр… – Я сделала выразительную паузу.

Темный сквозь зубы представился:

– Борнир.

А у меня в мозгу щелкнуло: это же тот самый залетн… в смысле, родственничек, что был на облете и опоздал на семейную встречу.

– Так вот, лэр Борнир, чтоб у нас с вами не было разногласий, предупрежу: за некоторые черты моего характера многим хотелось бы меня убить. Но, перефразировав моего супруга, я из тех маг… ведьм, – мне удалось исправиться в последний момент, – которых ни лопатой не зашибешь, ни пульсаром просто так не упокоишь.

А что? Я ни словом не соврала. Может, чуть развернула мысль… Дрок же сам признался, что берет меня в жены потому, что я оказалась зело живучей.

– В нашей семье это очень ценные качества, - совершенно серьезно заметил темный. - Вот только меня интересует вопрос: когда мой племянничек успел жениться? Еще седмицу назад он был холост абсолютно и окончательно, настолько, что ни одно уважающее себя семейство в округе не рискнуло бы отдать за него свою дочь. Слишком уж высокий уровень смертности у невест Дроккрина.

– Мы прогулялись до алтаря пару дней назад… – сухо ответила я, не собираясь вдаваться в подробности, как пыталась удрать от Дрока в окно и почему этот позор закончился свадьбой. В памяти не к месту всплыли события минувших дней,и я невольно усмехнулась: говорят, что порядочный темный, проведя ночь с лэриссой, обязан выдать ее замуж. За другого. Нагло врут. Или просто мне попался какой-то бракованный сын Мрака. Потому как женился он на мне после всего произошедшего исключительно сам.

Борнир скривился с явным намерением что-то сказать. Но я решила опередить его и поступить как всякий мудрый человек, который не хочет ввязываться в долгий нудный спор, – заявить, что я права, и быстро уйти.

– Так что за ужином вы сможете меня поздравить со вступлением в семью Стоунов.

И, развернувшись, пошла по лестнице. В меру неторопливо, но держа спину идеально прямой. Ждала ли я удара? Да. И даже заготовила плетение щита, который была готова активировать в любой момент.

Борнир ударил. Но не арканом, а словом, когда я уже стояла на верхней ступени:

– Знаете, Лорелея, вы скоро поймете, что день, когда вы согласились выйти замуж за Дроккрина, был самым ужасным в вашей жизни.

Я медленно повернулась и, смерив тёмного взглядом, произнесла:

– День, когда я проснулась и легла спать сама, а не была поднята и упокоена некромантом, по определению не может быть самым ужасным в жизни.

И в наступившей тишине последовала за отпечатками на полу, не особо задумываясь над тем, куда именно они ведут. Все мои мысли были о только что произошедшем.

Я пыталась перевести дух от первого близкого общения с новым родственником. Знакомство у нас с этим Борниром вышло, мягко говоря, не очень. Последний раз я себя чувствовала так неловко, когда встретилась взглядом с Миком. Он тогда еще был моим однокурсником. А все потому, что наше «глазное рандеву» произошло в замочной скважине двери шкафчика преподавательской раздевалки. К слову, Мик тогда тоже смутился.

Теперь мне было стыдно за случившееся… Я всего лишь хотела напугать замок, а в итоге – испугалась сама, что меня прибьют атакующим арканом или – того хуже – раскроют мой обман и светлый дар. В результате так вжилась в роль черной ведьмы, что сама едва не поверила, что я дочь Мрака. Но Диксари, демоны меня раздери, Флейм же светлая добрая чародейка. И если творю зло,то не нарочно. Правда, часто тотально и не на безвозмездной основе. Но это уже детали.

Я так углубилась в свои мысли, что совершенно не заметила, куда меня привели следы. А зря. У Касселрока оказалось специфическое чувство юмора. Он привел меня не куда-нибудь, а в покои Дрока.

– Спасибочки! – поджав губы, обратилась я к стенам. Ни тебе отдельных покоев, ни собственной кровати. - А свободные комнаты что, все закончились?

Ответом мне была выразительно захлопнувшаяся дверь. Дескать, если назвалась хозяйкой,то, значит, нет. Заявилась бы гостьей, может нашлась бы отдельная спальня.

– Эй… а как же личное пространство?

Мой вопрос ушел в тишину.

– Хотя бы сумку тогда верни! – Я воззрилась в потолок.

Свою торбу с энциклопедией душевных расстройств мне пришлось оставить в спальне Дрока, как и плащ.

Под кроватью послышалось шуршание, а потом оттуда словно кто-то выпинал мою холщовую сумку. Я обрадовалась ей, как гном – золотой жиле. Мне нужно было прочесть ее как можно быстрее. Это занятия в академии магии начинаются всегда строго по расписанию. А Эйта внезапна, как инквизитор, читающий проповедь посреди шабаша. Посему мне нужно быть готовой. Всегда. В любой момент.

Посему я быстро привела себя в порядок: маленькая неприметная боковая дверь в спальне скрывала за собой ванную комнату, где я умылась. Там же заклинанием очистила и разгладила платье, заплела волосы в косу. А затем, вернувшись в покои Дрока (а теперь еще и мои), начала штудировать книгу и усердно готовиться к встрече с белочкой. И ровно до седьмого удара колокола просидела за чтением.

Я бы и за полночь обнималась с книгой, если бы не робкий стук в дверь. Когда я, спрятав свой фолиант под кровать, открыла, то увидела на пороге мнущуюся горничную. Она уточнила, спустится ли хозяйка к ужину, или еду подать в комнату.

Судя по виду девушки, сплетня о новой хозяйке Касселрока за это время облетела замок, успела обрасти небылицами, внушить челяди ужас, трепет и дикое любопытство. Могу поспорить на свой фолиант по душевным расстройствам: слуги кидали жребий – кого не жалко отправить к новой хозяйке Касселрока на съедение… ну и за ещё одной порцией сплетен.

– Я спущусь на ужин, - с каменной миной произнесла я и захлопнула дверь. Шпионки мне пока были не нужны.

Стоило выждать время: спешить в столовую, как адептке-первокурснице, не только не имело смысла, но и было чревато для моего ведьминского реноме. Мне нужно вести себя как хозяйке. Иначе с Лорелеей Стоун не будут считаться. Это я печенкой чуяла. Бытовая магия давалась мне. Пусть нелегко, но давалась. Потому я рискнула сделать прическу посложнее косы. Сменного платья же у меня не было. Сделала себя пометку: надо озадачить моими нарядами прислугу. В конце концов, я хозяйка Касселрока или пуговичка от подштанников?

Судя по тому, как задрожали оконные створки, последнее я произнесла вслух и замок-паскудник над моими словами немедленно не то что засмеялся – заржал. Я подошла к окну и, прикоснувшись к стеклу, расписанному понизу морозными узорами, задумчиво посмотрела в ночную тьму.

– Интересно, он любит Лорелею? - задала я риторический вопрос в пустоту.

– Терпеть не может, – отозвалась с подоконника пустота голосом Эйты.

Это было так неожиданно, что у меня вырвался вопрос:

– Тогда почему он хочет взять ее в жены?

– Ага, я так и знала, что ты меня видишь! – возликовала рыжая,довольно потерев лапы.

Я лишь досадливо закусила щеку изнутри. Подловила, рыжая паразитка!

– Слегка… Ты вся такая в дымке, словно с матовым покрытием… – из вредности нарочито серьезно солгала я, решив, что досадовать на свой прокол, как и сходить с ума в одиночку, – как минимум скучно. Лучше это делать в компании. В общем, стоит огорчить рыжую… ну или выбесить. Уж как получится.

Эйта и взбеленилась.

– Слегка? Это у великого и могучего единого имперского языка слегка матовое покрытие. А я тебе вижусь ярко и четко!

– Ты хотела сказать матерное? – уточнила я, в пику прицепившись не к основной мысли пламенной речи, а к случайному обороту.

– Какая догадливая… – цыкнула на меня зубом Эйта. - Не уводи от темы и не пытайся запудрить мне мозги! Я тебе должна видеться ясно, без всяких дымок! Столько сил на четкое и эффектное появление угрохала… А она – ишь ты! – в дымке! – воскликнула белочка. А после прибавила еще насколько слов. Ну из тех, матовых…

В общем, Эйта доказала, как велик и могуч единый язык. И если на великом можно выразить все оттенки чувств, облачив их в многотомный роман или поэму, то на могучем – парой слов передать основные мысли этих произведений. Ну… вот Эйта и передала. И мысли,и настроения.

Наступила тишина. Из тех, когда мгновения растягиваются по крайней мере втрое. Я, выждав пару ударов сердца, сдобрила голос смущением и произнесла:

– А ты можешь повторить? Особенно второе сравнение. Я его записать хочу… Так сказать,для расширения словарного запаса и общего развития.

– Да ты издеваешься! – взревела Эйта. Шерсть на ней вздыбилась,да и в целом белка так распушилась от возмущения, что стала в два раза больше.

– И в мыслях не было… Оно как-то само получается, - призналась я, планируя сменить тему беседы. Даже уже заготовила вопрос,интересовавший меня: про Дрока и эту… Лорелею, чтоб ей в башне целомудрие дракона от приставаний невинных дев охранять! Но именно в этот момент в животе у белки заурчало. Громко так. Выразительно. И я не удержалась, участливо спросив: – Ты голодная?

– А ты как думаешь? – едко отозвалась она, маскируя за язвительностью… смущение? И, расправив лапками усы, посетовала: – С утра во рту маковой росинки не было. Кручусь, как архимаг Бэнвуд в гробу, когда адепты дружно, группой, его проклятие подчинения перевирают. Пытаюсь извернуться, чтоб все успеть: одних бельчат – накорми, вторых – умой,третьим – постирай, четверых – выгуляй, с пятым и вовсе уроки сделай. Его в академии, вишь ли, на удаленное обучение перевели…

– Как перевели? Заболел чем-то серьезным, что изолировали? - опешила я.

– Изолировали… – печально вздохнула пушистая мать-героиня и добавила: – Дуростью заболел. Взорвал один из учебных корпусов. А ума замести следы, чтобы не попасться, не хватило. Ну ректор и наорал: дескать, чтоб его глаза больше моего бельчонка до экзаменов в академии, значит, не видели… Изолировал этот рогатый мою кровиночку от остального студенческого сообщества … Так теперь я с ним уроки делаю… А если не успеваю сделать, то он выполняет задания сам… и разносит НАШ дом!

Белка пригорюнилась. Видимо, вспомнила масштаб разрушений.

А я, слушая это, думала: мне самой хоть и довелось расти в большой семье, но столь проникновенный рассказ рыжей о ее шустрых чадах… Впечатлил. Да что там впечатлил. Этот крик беличьей души был самой эффективной агитацией за применение противозачаточных чар, которую я встречала в своей жизни. Мне стало жаль пушистую. Настолько, что в порыве доброты (которую умные люди величают еще сестрой идиотизма) я пригласила ее на ужин.

– Ты серьезно? - вскинув острую мордочку, не поверила она. - Я же на тебя покушалась, с ума свести хочу… А ты меня – кормить? И даже не ядом?

– Ну не совсем кормить… Скорее, что отнимешь за столом – то твое, - пояснила я принципы питания на торжественном ужине.

– Все равно спасибо. – Белка так расчувствовалась, что аж смахнула набежавшую слезу хвостом. – Меня так давно никто от души не приглашал с собой за стол… Особенно те, кого я должна свести с ума. Вот отравить, убить, проклясть – регулярно. Один извращенец как-то даже соблазнить пытался! Но относиться по-доброму – почти никто! За это я обещаю даже попытаться тебя не убивать, а всего лишь быстро и безболезненно отнять разум. Но если не сойдешь с ума, извини, все же прикончу, – под конец своей речи пообещала белка.

– Отнимешь-отнимешь этот свой разум, - покладисто согласилась я. – Только давай сначала поедим…

– Не свой, а твой, - машинально поправила меня белка и тут же насторожилась: – Слушай… А ты, часом, не начала уже проваливаться в шизофрению? Делать что-то хорошее своему врагу – это

ненормально! Как минимум свидетельствует о напрочь отбитом инстинкте самосохранения…

– Тебе видней. - Я пожала плечами и развернулась к выходу. Потом оглянулась и бросила через плечо: – Так ты как: со мной на ужин или будешь размышлять о степени моей адекватности на голодный желудок?

Вместо ответа Эйта напружинила ноги. Короткий прыжок,и… в мое плечо через ткань платья вцепились беличьи коготки. Квинтэссенция безумия оказалась весьма увесистой и шебутной. Сидеть тихо, прикидываясь горжеткой, она не желала. Ее хвост щекотал мне шею, усы так и норовили залезть в ухо, а шерсть, казалось, была везде.

Но я старалась не подавать виду. В конце концов, кто еще мог похвастаться тем, что носил на плече вселяющую страх и ужас госпожу Безумия, владычицу Лабиринтов, сводящих с ума?

Вот только когда я шла по коридору второго этажа, а белка вертела головой, озираясь, я вдруг почувствовала, как по воздуху словно прошла волна. Она была словно рябь на воде. Но это легкое дрожание родило во мне тревогу.

Я остановилась, оглядываясь по сторонам. Ковровая дорожка под моими ногами вдруг пришла в движение. По ней прошла волна. Стены вдруг начали сближаться, а потолок – опускаться.

– Эйта, это у меня безумие так проявляется? – на всякий случай уточнила я.

– Это покушение так проявляется! – возопила пушистая.

Что же, рыжей было виднее. Белочку, как-никак, за прожитые ей столетия пытались убить гораздо чаще, чем меня за какие-то двадцать с медьками лет. Посему, не дожидаясь ее истошного беличьего «Беги!» – я рванула стрелой вперед.

Вот только каменные стены с боков смыкались, норовя зажать нас с Эйтой. Поворот, ведущий на лестницу, куда-то вдруг исчез, как и все боковые двери. На стенах остались лишь гобелены, картины в старинных позолоченных рамах и…

– Зеркало! – наш с белкой крик был синхронным.

А моя рука сама сложилась щепотью. Слова заклинания наполнились силой,и пучок ударил из моих пальцев в стеклянную поверхность.

Я оттолкнулась от пола и прыгнула в зазеркалье, которое было само по себе той еще ловушкой для магов.

В студенческую бытность за использование подобного заклинания на другом адепте можно было нарваться на серьезное взыскание. В особо тяжких случаях – и вовсе вылететь из академии.

И дело даже не в том, что в этой реальности все окружающие предметы были отраженными. Самым отвратным в искажённом мире являлась противоестественность всех процессов. Чтобы кислород наполнил легкие, тут нужно было делать выдохи, а не вдохи. Хочешь бежать вперед – делай шаги назад.

Мир отражений – в нем все было аномальным. И если ты не приспособишься к происходящему здесь в первые мгновения,то до последующих просто не доживешь.

Вот и я, прокатившись по полу отраженного коридора, почувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Мой рот беззвучно открывался и закрывался, пока мозг пытался приказать телу делать то, что в нормальных условиях убило бы его.

Браслет на руке раскалился: активировалась защитная магия. Но она не находила внешнего источника опасности, потому бесновалась, чем еще больше отвлекала. А я и так была весьма занята – заново училась дышать.

И все-таки я справилась. Голова кружилась, руки дрожали. Потому встать сразу на ноги я не рискнула, лишь на четвереньки. Зато, если что, падать не так высоко.

Помотала головой. Прическа растрепалась,и волосы свисали, мешая обзору.

– Алакрез уживанен! – прокашлявшись, проворчала белка. Потом прихватила лапой челюсть, словно вправляя ее,и повторила: – Ненавижу зеркала!

Я лишь согласно кивнула, сосредоточившись на дыхании.

Вообще-то, как утверждали ученые мужи-теоретики, зазеркалье являлось особым, лишенным первоначальной жизни миром, в котором было даже относительно безопасно. Пока попавший сюда

оставался одинок – так точно безопасно.

Но если пробыть здесь долго, то можно натолкнуться и на местных обитателей, пусть и пришедших когда-то извне, - фантомов прошлого и будущего или заточенных среди граней отражений духов, да и просто на полуразумные сгустки энергий. И свидания эти вполне могли закончиться летальным исходом

– Ну, чего разотдыхалась?! Давай поскорее выбираться! Это, конечно, не мрак, но ловушек тут тоже хватает. – Эйта быстро приноровилась к особенностям «местного диалекта».

Я вновь ничего не ответила, лишь аккуратно, по стеночке, встала. Шагнула назад, приноравливаясь к новой действительности,и…

– Ж юовт! – позабыв об «акценте», воскликнула белка. Хотя, в принципе, ее крик в переводе и не нуждался. Достаточно было интонаций, чтобы понять смысл.

Я услышала позади треск стекла. Обернулась, и… реальность за спиной рушилась. Разбивалась тысячами осколков. Судя по всему, кто-то очень не хотел, чтобы я отсюда выбралась. Даже ради этого разбил зеркало вдребезги.

Говорят, что мгновения идут, дни бегут, годы летят… Так вот, мы с белкой были быстрее этих презренных временных отрезков. Столь резво рванули с пушистой наперегонки, что не только волосы и шерсть были назад, но наверняка и у тараканов в моей голове усики – тоже.

Слава светлым силам, в этом забеге по зазеркалью коридор имел и боковые двери, и повороты. В один из них мы и свернули. Как раз вовремя. Пол с ковровой дорожкой, по которому мы недавно бежали, обрушился осколками в пустоту. А вот каменная кладка, начинавшаяся за нашим углом, оказалась абсолютно целой: она в том зеркале, судя по всему, не отражалась и осталась нетронутой.

– Как? - выдохнула я свой вопрос, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Ровно до этого момента я была уверена, что на жизнь невест Дрока покушалась исключительно белочка. Но судя по последним событиям – не она одна.

Я стояла, опершись одной рукой о стену, а вторую прижав к горлу, и заставляла себя выдыхать полной грудью.

Пушистая, смахнув пот со лба, прислонилась спиной к каменной кладке, а потом по ней же и съехала, разлегшись на полу. Зыркнула на меня сердито и проворчала:

– Как? - ехидно переспросила белка. – Это я у тебя должна спрашивать: «Как?» Кто из нас хозяйка замка? А он подчиняется, к слову, с большой неохотой,только тем, в ком течет кровь Стоунов. Ну и тебе, как жене Дроккрина.

М-да уж… Вот тебе, Ди,и информация к размышлению.

– Значит… – спустя несколько мгновений начала я, мысленно переворачивая каждое слово. Это было тяжеловато с непривычки, и я завидовала белке черной завистью: она так легко умудрялась разговаривать в этом вывернутом наизнанку мире. - …Заставить замок исказить пространство мог только кровник?

Белка угукнула и начала подниматься. Потом охнула, положив лапу на поясницу. Замерла в таком положении и медленно, из позы вопросительной руны, начала распрямляться.

– Ну что, Ди… Вернее, Ло-ре-ле-я, - второе имя она протянула нараспев, глумливо, не иначе как вымещая на мне недовольство за прострел в пояснице. – Разреши тебя поздравить: похоже, когда Стоуны перемывали тебе кости, кому-то ты встала поперек горла. Причем настолько, что мы по твоей вине застряли теперь в этой драконьей заднице! – Она выразительно развела лапы в стороны.

– В зазеркальной, - поправила я. - И почему это по моей?!

– Кого убить хотели?! Тебя! Значит,и вина – твоя. – Логику белки можно было использовать вместо дубины. Или даже осадного бревна. Оглушала она здорово. И знатно разбивала стереотипы о причине и следствии. – И меня заодно с тобой хотели прикончить. А мне умирать, а тем более застревать тут – нельзя. Яжмать! У меня дети! И муж. И все не кормленные ужином еще! И Касселрок ещё для них не отвоеван! А бельчатам новый дом нужен… – засуетилась пушистая.

– Так тебе замок для детей нужен? - старательно переверчивая слова, произнесла я.

– А для чего же еще! – возмутилась Эйта. - Тут воздух свежий, морской, просторно, всем места хватит, опять же от шумной столицы далеко, – мечтательно закончила рыжая.

Я посмотрела на беличью мордочку. Пушистую даже не хотелось огорчать, но это был

единственный способ поднять мое вконец испорченное настроение.

– Ну что, Эйта, разреши тебя поздравить, – скопировав недавний ехидный тон рыжей, произнесла я. - Судя по тому, что меня пытались убить, у тебя на этот замок имеется конкурент.

– Что?! Ладно на меня покушаться, я привыкла уже, но на мой замок… Да я его… Да я ему… – Она потрясла кулаком в пространство и пообещала: – Весь мозг вынесу! Молотком! С одного удара!

– Или ей, – меланхолично добавила я, нисколько не сомневаясь, что даже если под лапой белки не окажется этого самого молотка, то она и без него все вынесет из черепной коробки несчастного убийцы. Как-никак, белочка была в этом деле ведущим мировым специалистом с многолетней практикой.

Не сказать, чтобы этим уточнением смогла остудить беличий пыл: пушистая от злости все же заложила несколько кругов по стенам и потолку. Но потом все же вернулась. Ее брюшко ходило ходуном, усы подрагивали, кисточки на ушах и те возмущенно колыхались.

– Предлагаю заключить временное перемирие, - выдала я.

Ответом мне стал подозрительный блеск беличьих черных глаз-бусин. И под заинтересованное молчание пушистой я предложила:

– На период поиска того, кто хотел нас только что прикончить. Как-никак, не только у тебя к этому типу претензии. У меня к нему тоже есть пара вопросов… – Я выразительно размяла руки. А что? Я не кровожадная. Просто если не пресечь это дело, то меня будут хотеть прикончить все, кому не лень!

– Хо-ро-шо! – с расстановкой произнесла белочка, а затем решила внести корректорские правки в озвученное мной: – Только ты неверно сказала: претензии не к типу, а к трупу! Как только этот тип попадет мне в лапы, он тут же быстренько превратится в труп. Так что давай! Я согласна на перемирие! Замочим его вместе, как тряпочку в туалете! – решительно махнула лапой Эйта.

Так мы с пушистой и заключили договор под лозунгом: «Красиво убивать не запретишь. Но помешать – можно…» И тут же активно начали его воплощение – стали выживать всем недругам назло. Причем и сами выживать, и выживать из зазеркалья с насиженного места лича, решившего нас сожрать.

Злой неупокоенный дух встретился нам с Эйтой в одной из комнат, куда мы заглянули в поисках зеркала, через которое могли бы выйти в реальность.

Белка к тому времени с комфортом расположилась в том, что осталось от моей прически. Так и заявила: ей тут очень удобно, комфортно и вообще она пригрелась. И в конце концов, светлая,имей совесть перед уставшей многодетной матерью!

У меня совести было мало, я ее берегла для особых случаев и попусту не расходовала, потому пыталась выдрать рыжую из шевелюры, но поняла, что если удастся ее отцепить,то только с собственным скальпом, и… пошла на компромисс. Без особой надежды вернуться из него обратно. Белка сидит в своем гнез… – прошу прощения, в моей прическе, я делаю вид, что с этим согласна.

В итоге знакомство с местным обитателем вышло фееричным. Я открыла дверь, замерев на пороге с белкой на всклокоченной голове. Внутри комнаты над полом парил лич. Он растёкся в воздухе черным маревом, сбегавшим книзу обрывками, напоминавшими истлевшую ткань. Они колыхались, словно уродливые щупальца в морской толще.

– Здрасти… – выдохнула я от неожиданности.

Ответом стал громогласный рев, от ударной волны которого меня бы вымело в коридор, если бы я не успела вцепиться руками в косяк. Юбка платья хлопнула парусом, волосы откинуло назад. Белка, схватившаяся за мои пряди, изображала наездника, пытающегося оседлать ветер. У меня же были ощущения, что Эйта – никакая не маленькая белочка, а как минимум откормленная рысь. К тому же решившая оторвать мне голову весьма оригинальным способом.

И ладно бы только это: помимо всего прочего, в меня вместе с рыком полетели ещё и ошметки эктоплазмы, которую я стерла с лица, как только рев прекратился. Мотнула рукой в попытке стряхнуть налипшую на ладонь гадость, когда услышала:

– Надо валить!

Крик Эйты совпал со вторым воплем лича.

– Еда-а-а! – возликовал монстр, двинувшись на нас. Причем я заметила, как при его приближении

полуистлевшие щупальца пожирают все вокруг: кресло при соприкосновении с призраком обуглилось, ковер под ним начал превращаться в пепел.

Сделала шаг назад, собираясь по всем правилам тактики, стратегии, логики и здравого смысла после такого обмена приветствиями с личем извиниться за беспокойство и захлопнуть дверь. А потом – задать стрекача.

Но где здравый смысл и Эйта?! Правильно: они идейные враги!

– Куда?! – возопила пушистая. – Стоять. Призрака валить надо, призрака! А не в коридор! У него в комнате есть зеркало!

Ну я больше и не разменивалась на раздумья, а шваркнула в лича потоком чистой силы: путь в реальность был всего в каких-то семи шагах,и мне не хотелось бы, чтобы он пролегал через желудок кляксообразной твари.

Причем целила я привычной водной стихией, но из руки вырвался чистый огонь… От рева монстра содрогнулись, кажется, даже стены. Но только не решимость белочки. Она и сама добавила призраку магическим хуком со словами:

– Я даже демону рога обломать могу. А тебя, образина вопящая, сейчас вообще на мелкие клочки порву!

Вот только, на нашу с Эйтой девичью печаль, лич оказался не только огнеупорным, но и хуконевосприимчивым. Плюха белочки прошла сквозь этого гада, как через кисель,и разбила зеркало позади монстра. На пол со звоном упали вперемешку осколки стекла и наших надежд на возвращение в реальность.

Тело же призрака, охваченное моим огнем, полыхнуло для порядка, да и осталось целехоньким.

Монстр продолжал надвигаться, и тут-то я поняла, что в битве главное не победа. Главное – в ней вообще не участвовать.

– Ну, какие будут идеи?! – деловито поинтересовалась Эйта.

– Мудрые! – рявкнула я. Ведь именно они обычно приходят в голову после глупых поступков.

Хотя тут я себе явно польстила: обычно если даже умные мысли с какого-то перепугу и начинали преследовать меня, то я однозначно быстрее. Вот и сейчас… Я не представляла, что делать с личем из зазеркалья. Про него и в обычном-то мире преподаватель по атакующим чарам после долгой лекции, полной зубодробительных формул, выдал сакраментальную фразу в духе: «А лучше всего с этим архипризраком не связываться вовсе». Теперь я даже поняла почему.

Я сделала шаг назад. Тварь посчитала это попыткой побега и рванула на нас. Мы – от нее.

– Давай сюда. Направо! В другое направо! – верещала белка, устроившаяся во время удирания на моей макушке на манер всадника. Вместо удил она держала в лапах пряди моих волос. - Светлая,тебя разве не учили, что куда показывают, туда и право, даже если это лево! – возмущалась Эйта, попутно обрушая за моей спиной статуи, вазы, шкафы и немножко стены. Эти баррикады хоть и ненадолго, но задерживали монстра.

В итоге нашего забега были обрушены лестница, несколько потолочных балок, пара перекрытий, созданы завалы в коридорах, огненная стена в зале, превратившая оный в пепелище эпохи Опустошающих Битв. Белка так увлеклась, что размозжила даже одну из несущих стен. И теперь в замке появилась альтернативная входная дверь. Правда, на втором этаже. Но кого волнуют такие мелочи? К слову, в кладке несущей стены обнаружилась ниша с вмурованным скелетом. Оный,испугавшись того, что его застали в неглиже, завизжал и развалился на отдельные кости. Не иначе как от избытка чувств.

– Какой он несобранный, – лишь прокомментировала Эйта и добавила: – Ди, нас догоняют, наддай.

– Я… лэрисса…. А… не… скаковая…. лошадь! – возмутилась и добавила, признаваясь: – Но… щас… скопычусь!

– Точно умрешь? - подозрительно вопросила белка.

– Угу, – это единственное, что я смогла выдать: легкие разрывало от нехватки кислорода

– Ладно,тогда давай меняемся,теперь я повезу! – С этими словами белка сиганула с головы прямо мне под ноги и, сделав несколько прыжков вперед, начала резко увеличиваться в размерах. - Прыгай!

Ее недовольный окрик подстегнул меня,и я сама не поняла, как очутилась у Эйты на закорках.

– Если расскажешь кому-то, что я дала тебе сесть на мою шею, - убью лично! – пообещала Эйта.

А я, вцепившись в рыжую шерсть, не знала, чего во мне больше: радости, что теперь бегу не я,или желания придушить пушистую – почему сразу нельзя так было?

– Теперь твоя очередь колдовать! – крикнула хвостатая.

Я обернулась, узрела слегка запыленного, кое-где дырявого лича и от души вдарила по нему сырой силой.

В центре твари появилась сквозная дыра, которая начала тут же затягиваться. Гадство!

– Держись крепче! – Крик Эйты заставил меня не раздумывая вцепиться в пушистую шерсть и только потом посмотреть вперед.

А там ждала засада: рыжая выбежала на верхний, антресольный полуэтаж. С одной его стороны была глухая стена, с другой – резные перила, отчего создавалось ощущение, что мы попали на длинный балкон,идущий внутри замка. Сзади маячил лич, а впереди – лестница, которую мы уже до этого умудрились обрушить.

Успела подумать: если Эйта решит сигануть через перила – свернем шеи. Я – так точно.

Белка прыгнула. Только не вниз, на пол холла, а прицельно на люстру. Ту самую, от которой в реальном мире ещё не так давно отрикошетил мой пульсар.

Миг невесомости – и мы оказались на латунном колесе, меж свечей.

Монстр завис у перил. Правда, ненадолго. Словно раздумывая, стоит ли ему плыть к нам или нет, он двинулся по воздуху. И, судя по тому, как резко замедлился, все же в паре ладоней над полом передвигаться ему было гораздо комфортнее, чем на высоте в две дюжины локтей. Видимо, с местной силой гравитации он все же не так ладил, как в обычном мире. А может, просто взятки ей недодал…

– Ди, думай, как нам от него избавиться, – фыркнула белка, которая уже успела стать своих привычных размеров.

– А ты?

– Я тоже думаю! И даже головой! – окрысилась раздраженная рыжая.

Лич медленно и неотвратимо плыл к нам. Я лихорадочно соображала и…

– Мне нужна вода! Бочка или ванна! – выдала я.

– Ты же водница, наколдуй! – потребовала белка.

Но я более не разменивалась на слова. Прикрыла глаза, потянулась к влаге, которая была вокруг… Призыв вышел слегка не таким, как я рассчитывала. Обычно вода собиралась в шар, а не лихо пробивала чугунной ванной стену,тараня собой заодно и лича.

– Я думала, когда ты выражалась про тару, это было образно… Так сказать, чтоб объем уточнить.

– Я тоже, - ошарашенно отозвалась я.

Впрочем, удивление длилось недолго, а потом я окатила лича водой и…. Перевёрнутое заклинание заморозки сработало. И даже для разнообразия не шиворот-навыворот, а как надо. Монстра целиком вморозило в глыбу льда. А заодно в каток превратился и пол в холле под нами, куда ушли ополоски из ванны.

Сейчас же на заледеневшем паркете весьма органично смотрелся застывший призрак, чью статую я аккуратно опустила магией.

А вот как мы с Эйтой слезали с люстры – отдельная история. Полная позора и страданий. Причем не только моральных.

Но вот когда мы подошли к нашему противнику, меня кольнула…. Нет, не тревога, а ощущение, что все идет хорошо, но противоположенным от меня маршрутом.

Белка же уважительно обошла нашего отмороженн… – прощу прощения, охлаждённого лича по кругу и присвистнула:

– Ди, кажется, мы поймали не просто архимага… – пушистая внимательнее пригляделась к заточенному, – а первого темного пожирателя – Эола Кровавого. Его при жизни даже Высшие демоны боялись… Враги никак упокоить не могли… А ты его… чугунной ванной и как воблу об лед… в смысле, в лед.

– Я нечаянно, – развела руками, пытаясь оправдаться.

Судя по тому, как из морозного плена сверкнул на нас провалами тьмы вместо глаз призрак, он не поверил. Совершенно.

– И как мы теперь будем выбираться? - Я посмотрела вокруг. За все время погони (а оббежали мы почти весь замок) больше зеркал нам так и не встретилось. И тут бронзовая урна, начищенная до блеска, которая до моих слов стояла на каминной полке и не шаталась, вдруг закачалась, упала и покатилась к моим ногам.

– Ди, знаешь, кажется, что отраженная реальность намекает, что не прочь бы от нас избав…

Эйта не успела договорить, как меня, увидевшую свое отражение на бронзовом боку урны, безо всяких чар начало затягивать. М-да… такого пинка от отраженной реальности я не ожидала.

А вот вывалилась я в облаке пепла ровно пред камином в столовой, где чинно ужинало ни больше ни меньше все семейство Стоунов.

Когда прах из урны осел, а темные смогли протереть глаза и откашляться, я уже стояла на ногах. Белочка же сидела на моем плече и порывалась подняться выше, в облюбованное ею место, но я была начеку и схватила ее за тельце, не дав угнездиться на макушке.

– А я вот поужинать к вам спустилась… – бесхитростно сообщила я, глядя на родственников.

Те смотрели на меня исключительно мрачно и одинаково. Поэтому, кому именно я сорвала программу собственного упокоения, было понять невозможно. Если исходить из выражений их лиц – то убить меня хотели все. Причем скопом и не по разу.

– Лэрисса Лорелея, - наконец процедила вдова Стоун. - На будущее: в замке для перемещения лучше пользоваться коридорами, а не каминными трубами… А то по дороге вы слегка запылились, - произнесла она,и тут взгляд брюнетки упал на бронзовую урну, лежавшую на полу. - Борнир, я же говорила, что притащить бабку Хённ в столовую было плохой идеей!

– Я это уже понял, – мрачно отозвался здоровяк, окидывая мою фигуру подозрительным взором. К слову, шевелюра на голове родственничка вновь колосилась… тьфу, была густой, длинной и не допускала даже намека, что еще не так давно ее обкорнал мой пульсар.

Мне же неумолимо хотелось чихнуть, почесаться и вообще – встряхнуться. В общем, чувствовала я себя на редкость глупо. Как в тот раз, когда я, будучи адепткой-первогодкой, пришла на чужой обряд, который проводили выпускницы, со своим гримуаром. К слову, старшекурсницы пригласили меня к ним присоединиться и поучаствовать в их ритуале. Правда, в качестве жертвы откупа.

Так вот, это был для меня первый раз, когда я очутилась на алтаре. А для оного – последний в его ритуальной практике. Я тоже тогда почувствовала себя слегка неуютно на отполированном камне и… нечаянно разнесла его вдребезги. Потом, правда, выяснилось, что невинной жертвенной крови нужно было – плюнь да разотри. Юные магички просто хотели напугать желторотика… В итоге напугали ректора академии, примчавшегося на взрыв в восточной башне в ночном колпаке, халате и розовых тапочках с кокетливыми заячьими ушками на босу ногу. Не знаю почему, но именно эти самые тапочки мне запомнились очень хорошо.

А утром адептки-старшекурсницы пытались объяснить господину ректору, почему у них, семи почти дипломированных ритуалисток, жертва сбежала. Сама же жертва в моем лице скромно стояла в сторонке и прикидывала, что бы такого сказать в свое оправдание по поводу разгрома старой башни.

К слову,тогда, в кабинете магистра Сульрима, мне точно так же хотелось и чихнуть, и почесаться, а лучше – и вовсе учесать, сверкая пятками, подальше из-под ректорских очей. Но, во-первых, я же благородная лэрисса! А во-вторых, безрогого демона ректор мне бы позволил оттуда удрать! Или хотя бы просто уйти. От ответа.

Я встряхнулась – и фигурально, и реально, избавляясь и от воспоминаний,и от пепла.

– Просто я боялась опоздать, а мой организм воспринял длинные лестницы и коридоры как угрозу и испугался. Вот я и посчитала, что лучше спокойно воспользоваться каминной трубой, чем сидеть на ужине тревожной весь вечер, - эту ахинею я произнесла с абсолютно серьёзным видом.

Белочка на моем плече даже уважительно присвистнула со словами:

– Ди, вот сейчас я тебя зауважала ещё сильнее: сказать чистую правду так, чтобы в нее никто не поверил, - это талант.

Вот только на эту фразу рыжей, на удивление, встрепенулась старуха. Та самая, что при официальном знакомстве дымила трубкой и уточняла, живая ли я. Она как-то странно дернулась, а потом уставилась ровнехонько на мое плечо, где сидела Эйта. Впрочем, вслух ничего не сказала. Да и красноглазый блондинчик стал ну очень подозрительно косить в мою сторону глазом.

Но в чем были едины все Стоуны – так это в удивлении. Словно они разом потеряли дар речи. Он выскользнул из их губ, сгреб в свой мешок все слова, закинул на закорки и умчался прочь из столовой, гнусно подхихикивая.

Я же не стала дожидаться, пока их состояние полного охурмения перейдет в «хурма рот вяжет, но говорить уже могу», и в немом молчании проследовала к столу, попутно воспользовавшись очищающим заклинанием.

На свое место я села уже почти в приличном виде. Ну, не считая прически. Она у меня была из серии: ведьму пытались утопить, повесить, а потом сжечь, но в итоге скончался инквизитор.

Я расправляла на коленях салфетку, когда Эйта, соскочив с моего плеча на стол, уже расправилась с первым бокалом вина и потянулась ко второму. К слову, оный стоял перед Борниром. Темный, узрев, что из его посуды резко убывает вино, возмутился и отмер.

– Еще при нашей первой встрече я понял, что мой племянничек выбрал себе… необычную на всю голову супругу. Но сейчас я в этом окончательно убедился, - произнес он, накрывая бокал рукой.

Эйту, которая уже была слегка навеселе от хмельного, этот жест темного не сильно огорчил. Она со словами: «О, какая аппетитная цыпочка!» – протянула лапы к главному блюду ужина, воздевшему свои окорочка к потолку.

Она ничтоже сумняшеся подошла к тарелке, что стояла по центру стола, схватилась за ее край, подняла, накренив, и… запечённые овощи и вся огромная курица исчезли в белке.

Я представила, как это выглядит со стороны… Блюдо немного пролевитировало над столом и благополучно избавилось от своего содержимого, которое бесследно исчезло.

М-да, когда я позвала Эйту на ужин,то думала, что она будет есть не столь… вызывающе заметно. А сядет с краешка стола. Просчиталась. Или, может, у белки был нервный срыв и она решила закусить его запечённой ароматной, с пряностями птичкой. Пушистое пузо Эйты раздулось, словно она резко стала глубоко беременной. Даже по виду белка ощутимо поправилась.

– Уф! – Она обняла свое брюшко лапами, словно пытаясь оценить прибавившиеся фунты,и обреченно, словно на нее повесили претящие ей обязательства, произнесла: – Ну все, я набрала вес. Теперь придется беситься с жиру…

И… потянулась к тарелке с пирожками. Но едва она взяла в лапы первый, как в то место, где она стояла, врезались пара пульсаров, два кинжала и один острый каблук. Туфля, вонзившаяся в белую накрахмаленную скатерть, особенно меня впечатлила.

Вот только рыжая за миг до того, как на нее обрушится кара Стоунов, исчезла. Вместе с пирожком. А я осталась с ямой неловкой паузы, которую нужно было срочно засыпать любыми приличествующими случаю словами. Вот только из слов, положенных произносить лэриссе, у меня были только знаки препинания. Но и те порою оказывались бранными. Вот ведь… Эйта!

Нет, определенно,истина, которую я поняла на третьи сутки замужества, - нельзя жить в браке и ни разу хотя бы мысленно грязно не выругаться или чисто проматериться. Ну я и подумала… раскидисто так, проникновенно. Полегчало. Настолько, что я даже смогла найти почти адекватное объяснение произошедшему, которого родственнички, собравшиеся за столом, от меня с нетерпением ждали не хуже, чем инквизиторы – ведьминого раскаяния.

– Прошу прощения. Это было мое приданое. Не нужно так остро на него реагировать. - Я, глянув на воткнутый в скатерть нож, нашла в себе силы непринужденно улыбнуться.

Первой отреагировала возмущенная Бетси:

– Обычно приданое хранится в сундуках, а не жрё… поглощает, - в последний момент альбинус Олафир толкнул ее локтем, и она исправилась, – главное праздничное блюдо.

– Дорожные сундуки прибудут позже, – пояснила я, искренне надеясь, что они, отправленные из

моего родного дома, все же доберутся в это холодное, снежное, непрекрасное далеко. И сделают это раньше, чем я успею развестись. Впрочем, вслух я тоном «с кем не бывает?» произнесла другое: – А пока же со мной прибыло мое малое приданое – фамильный полтергейст.

– Полтергейст? В семью экзорцистов?! Ему что, посмертие до развоплощения надоело? – дымя трубкой, саркастически вопросила бабка Ньюр и предвкушающе сощурилась, отчего ее лицо,и так похожее на запечённое яблоко, стало, казалось, состоять из одних только морщин и блаженной улыбки.

И по этой самой улыбке я поняла: только что семейству потомственных темных экзорцистов был брошен вызов. Моя догадка подтвердилась, когда вдова Стоун поднялась и поманила пальцем свою туфлю. Острый каблук под действием чар зашатался, как метательный нож, вогнанный до половины в мишень,и спустя несколько мгновений с характерным звуком покинул столешницу.

Едва обувь оказалась в руке хозяйки, как та прокрутила туфлю в ладони на манер стилета, проверяя его балансировку, и лишь потом надела на ногу.

– Даже не надейся, Мрот, я первой поймаю это… приданое, – хмыкнула старуха и с небывалой для ее возраста резвостью вскочила со стула.

– Ну это мы ещё посмотрим, любимая свекровь, - вспылила вдова и, больше не говоря ни слова, поспешила к выходу.

– Так, мне срочно нужен арбалет и ловушка для личей. – Младшая Стоун, тряхнув косами, так же решительно отодвинула стул. – Если уж архидемона мне братец ловить запрещает, то уж шанс заполучить личного полтергейста я никому не уступлю!

С этими словами она поспешила вслед за бабкой и матерью.

– Вообще-то это мой полтергейст, – напомнила я.

– Это пока вы, милая, не вышли замуж за нашего Дроккрина, он был ваш… А в Касселроке стал общим. Пока его не поймает и не поработит кто-то из нас. У вас, ведьмы, как я понимаю, с его усмирением были проблемы? – подал голос лощёный тип – любовник вдовы Мрот. – Интересно будет понаблюдать за семейной охотой. Все же на моей памяти она первая…

Впрочем, вопреки своим словам любовник остался сидеть за столом.

– На твоей памяти… – пренебрежительно буркнул молчавший до этого усач. - Когда еще был жив мой кровный побратим, отец Дрока, он рассказывал, что охоты на полтергейста уже три сотни лет как не было. Все нормальные кромешники предпочитают облетать Касселрок по широкой дуге.

– И я, кажется,теперь их понимаю… – вырвалось у меня в ответ.

– Так зачем тогда привезла с собой семейного полтергейста? Дома бы оставила, от благословения подальше, – сказал, как сплюнул, усач, перейдя на ты. – Теперь они же не успокоятся, пока его не поймают. – Он кивком показал на опустевшие места.

– Все сразу? – уточнила я, прикидывая, чем это может обернуться. Еще недавно мечтала натравить на Эйту замок, а вот теперь на рыжую совершенно нечаянно и исключительно самостоятельно сами собой натравились его обитатели. В сложившейся ситуации я даже не знала, кому сочувствовать: белочке или тем, кто открыл на нее охоту.

– Ну… не все, - оглаживая свои усы, произнес здоровяк. - Я не экзорцист, а всего лишь пожиратель душ. Шон тоже, думаю, постоит в стороне. – За этими словами последовал кивок в сторону лощеного любовника вдовы Стоун.

Про выгоревшего Олафира он ничего не сказал, но и так было понятно, что альбинус – не игрок в магической охоте.

Остался последний «кандидат в охотники на полтергейста» – Борнир. Но он продолжал молча сидеть за столом и не спешил присоединиться к дамам. Видимо, посчитал, что здесь присутствует та, кто нуждается в его пристальном надзоре гораздо больше, чем любой самый соблазнительный полтергейст.

– А ты что же, Борн? - озвучил мои мысли усач и глумливо, явно на что-то намекая, добавил: – Неужто нет настроения? Так поешь тогда чеснока – сразу воспрянешь духом.

– Ты мне долго будешь вспоминать того упыря, который покусал меня? – хлопнул кулаком по скатерти Борнир.

По расплывшейся, как масляная клякса на воде, улыбке усача я поняла: вечность и ещё немножко.

– Все-таки когда-нибудь я оборву твои усы… - зловеще пообещал Борнир.

– Ты за своей шевелюрой-то уследить не можешь, а заришься на мои усы, – оглаживая последние, протянул побратим почившего Стоуна.

Борнир поджал губы и процедил:

– Трол, знаешь, бывают редкие дни, когда мне кажется, что я хочу тебя убить. Но гораздо чаще я в этом желании абсолютно уверен. – С этими словами Борнир покинул столовую.

Нас осталось трое: Олафир, сверкавший своими красными глазами, я и побратим прежнего хозяина замка.

Меня так и подмывало спросить, не было ли троллей в родословной усача: так изощренно издеваться над собеседником способен только языкатый потомок этой расы, - но я решила промолчать. А чтобы молчалось лучше и продуктивнее – заесть это дело чем-нибудь.

– Ну… приятного не отравиться, – прозвучало традиционное пожелание хорошего аппетита, распространённое среди темных, когда я потянулась к блюду. Оное было с теми самыми пирожками, которые облюбовала Эйта.

Подспудно я, конечно, ожидала, что выпечка вполне может быть начинена белладонной или ягодами вороньего глаза, но нет… Запястье под брачным браслетом не кольнуло. Впрочем,и мясной рулет оказался без ядов,и салатик,и даже вино. Как-то уж совсем подозрительно не по-темному.

Впрочем, ни Олафир, ни усач Тролл держать пост тоже не собирались. Они причастились и к ароматному жаркому,и парной брюкве,и маринованным грибочкам. Ужин прошел вполне мирно и сытно. Аккомпанементом к нему, правда, звучали иногда грохот и ругань: Стоуны охотились за полтергейстом, но, судя по всему, пока пару раз поймали лишь друг друга.

Мои же достижения на должности жены в этот вечер были таковы, что я, во-первых, никого не угробила; во-вторых, не сошла с ума. Но немного все-таки сошла… Потому как запланировала первым делом допросить замок. А уж потом – и семерых подозреваемых.

Но для начала стоило привести себя в порядок. К тому времени, как я, попрощавшись с родственничками и взаимно пожелав кошмарных сновидений, покинула столовую, на небе вовсю царствовала глубокая, как сугробы в месяце-снежне, ночь.

Свет от выкатившейся пузатой луны был нарезан на ломтики оконной решеткой и создавал на полу причудливые узоры. Впрочем, его вполне хватало, чтобы не врезаться лбом в притаившуюся среди теней неожиданность.

Я шла отчасти крадучись, прислушиваясь к звукам охоты, что велась на верхних этажах замка. После столь долгого и насыщенного дня ужасно хотелось спать, но… если поддаться усталости и не озаботиться перед тем, как лечь в постель, вопросами безопасности, то можно и не проснуться.

Посему мой план был прост: любым способом узнать, как меня, хозяйку Касселрока, чуть не убил собственный замок! Но для начала – умыться. Как бы ни были хороши очищающие заклинания, но я все еще чувствовала единство с каминной сажей.

А вот в моей, в смысле нашей с Дроком, спальне ждал сюрприз. На этот раз, не иначе как в качестве исключения, приятный. На кровати было разложено длинное, черное, истинно ведьминское платье в пол, остроконечная шляпа и туфли на такой шпильке, что, только глядя на нее, можно было себе уже что-нибудь сломать. Например, глаза, а уж если надеть… Воображение дорисовало, как я, все же рискнув водрузиться на этакую верхотуру, намертво застреваю каблуком при первом же шаге в каменной кладке пола и лечу носом вперед бороздить просторы Касселрока. Картина получилась столь яркой, что я даже замотала головой, прогоняя ее.

И устремила взгляд в потолок:

– Конечно, это мило… – начала я свое обращение к замку. Ведь ему единственному я посетовала на полное отсутствие гардероба. Служанок озадачить своими нарядами я ещё не успела. А значит, и платье, полагаю, от него. – Особенно в свете того, что ты же меня сам несколько ударов колокола назад пытался и убить…

По стеклу тут же пошла рябь возмущения в духе: я не я, и попытка покушения – не моя. Но я была непреклонна.

– Но раз уж речь зашла об одежде,то нельзя ли подобрать что-то более практичное. Например, то, в чем меня будет не так просто догнать и поймать. - Я выразительно посмотрела на туфли.

Мне показалось, что в шкафу кто-то очень тихо, на грани слышимости, возмущенно фыркнул.

– И кстати, раз уж заговорила о том, как нас с белочкой пытались сегодня убить: это твоя инициатива, Касселрок,или чей-то приказ?

Ответом мне была тишина. Кладбищенская. Такая, про которую невольно думаешь: это разновидность кромешной тьмы.

М-да… Вот и поговорили… Я чувствовала себя на редкость по-идиотски. Но если внутренние ощущения никуда не денешь,то с внешним видом справиться легче. Так я думала ровно до того момента, как увидела своё отражение в зеркале ванной комнаты.

Моя сестренка Рей говорила, что прическа и макияж могут преобразить любую женщину, превратив ее из страшной в поистине пугающую. И на меня смотрела девица не то что пугающего – ужасающего вида. Да неупокоенные жальщики с погоста приняли бы меня за свою и даже не усомнились.

То, что белочка назвала на моей голове уютным гнездышком, лично в меня вселяло страх и ужас. Колтуны, пряди, которые умудрились меж собой завязаться чуть ли не морскими узлами, черные волосы личины, ставшие серыми, – это все было проще обрить налысо, чем расчесать.

Рука сама потянулась к гребню. Я решительно дернула и тут же взвыла: новая прическа стояла насмерть. Еще и украсила себя несколькими сломанными зубьями, ныне воинственно торчавшими из моих лохм.

Но я была упорной, терпеливой и злой. Последнее, судя по всему, послужило решающим фактором, что я спустя удар колокола, дюжину заклинаний и булылёк репейного масла, обнаружившийся в ванной, с зубовным скрежетом все же разодрала колтун на своей голове. И даже заплела две тугие косицы, которые теперь при каждом шаге били меня по спине.

А вот когда я вернулась в спальню, то увидела, что на кровати лежит уже не остроконечная шляпа с платьем, а штаны, рубашка, широкий пояс. Но главное – это стоявшие на полу сапоги. Замшевые, с невысоким устойчивым каблуком. В таких и догонять, и удирать – одно удовольствие. Но догонять – все же чуточку радостнее.

Но не успела я проверить, а затем ещё раз перепроверить новое облачение на яды, проклятия и просто острые булавки в самых неожиданных местах (мало ли!) и надеть его, как в окно постучал клювом ворон.

Да что же это такое! Честной девушке уже и прилечь нельзя! Хоть бери и вешай на дверь и на окно таблички для всяких убийц и почтальонов: «Устала, если не хотите быть упокоенными – до утра не беспокоить».

Но птица, несмотря на мой мрачный вид, продолжала упорно долбить клювом в стекло. Настырная! Пришлось впустить и ее, и морозный ветер, залетевший в спальню вместе с посыльным.

Ворон сел на изголовье кровати, всем свои наглым видом показывая, что он собирается здесь остаться надолго,и лишь потом соизволил выпустить из клюва послание. О том, что оно было не от моих родных, говорил минимум внешний вид вестника. Ну и еще куча темных печатей, как сургучных, с оттиском черного пламени,так и магических.

Вот только когда я его распечатала,то увидела перед собой почти пустой лист, на котором было написано всего несколько строк.

«Моя супруга, дела в столице задержат меня еще на один день. Прикладываю к письму свои руку и магию, ваш супруг Дроккриан Стоун».

Послание меня, мягко говоря, озадачило. Словно это было предупреждение. Но какое? Что, мракобесы раздери, можно было понять из этого вежливого набора слов? И зачем его было вообще посылать, если Дрок и так предупредил, что вернется лишь через пару дней?

Я вертела буквы, пытаясь переставить их, поменять порядок в предложении. Но ничего не выходило. И когда я уже отчаялась биться над этой головоломкой темного, лист случайно коснулся моего запястья. Того, на котором красовался брачный браслет. И тут же бумага вспыхнула, словно начала напитываться огнем. И стали прорастать строки, написанные симпатическими чернилами. А это уже само по себе настораживало. Значит, Дрок опасался, что письмо могут перехватить.

На этот раз почерк был не размашистым, а лаконичным и острым.

«Ди, прошу тебя, будь предельно осторожна. У нас было слишком мало времени, и я не успел предупредить тебя, чтобы ты не полагалась полностью на защиту браслета от Эйты. Он

может упредить лишь явную угрозу, которая грозит оборвать твою жизнь: яд в сосуде, острие в темноте, прямой магический удар... Но браслет бессилен, если госпожа Безумия захочет навести на тебя морок...»

Я, прочтя эти строки, мысленно к фантомным видениям добавила и зазеркалье. Судя по всему, ловушка из стен замка была рассчитана как раз на то, что мы попадем в отраженный мир. Он ведь не смертелен для мага. Неприятен до печеночных колик, но не смертелен.

Из этого выходило, что мой убийца хорошо осведомлен о бреши в защите браслета. Что ещё раз подтверждало: это кто-то из Стоунов. Навряд ли слуги знали такие тонкости о родовых украшениях.

А браслет на моем запястье был именно таким. От него буквально веяло древностью и силой.

Я вернулась к огненным строкам.

«…На этом я должен был бы закончить свое письмо, но воспоминания о том, как мы расстались, не дают мне этого сделать. Ди, я думаю о тебе. Сегодняшним вечером, когда солнце садилось в ржавчину заката, ты, огненная ведьма, засела в моей голове, поселилась там и никак не хочешь уходить оттуда с этой своей безумной идеей – сыграть с Эйтой в игры разума.

Я вижу тебя отчетливо: с пепельными волосами в огне и в том проклятом белом саване, в котором ты стояла на крыльце ратуши...»

Я читала и невольно улыбалась. Глупо, по–идиотски. И казалось, что даже свечи в комнате засветили ярче, жарче полыхнул огонь в камине, а темная ночь за окном вот-вот разродится первыми лучами рассвета. А все оттого, что Дрок вспоминал мои волосы. Мои. Светлые. Меня. Не личину волоокой брюнетки Лорелеи. И выходило, что целовал он тогда в холле тоже меня.

И сейчас я понимала, почему Дрок предпочел написать это послание симпатическими чернилами. Оно было очень личным. И обращенным именно ко мне. Не к жене Хозяина Бурь, а к светлой чародейке.

«Ди, я – темный. По рождению, велению души и образу мыслей. А мы,темные, смотрим на мир широко открытыми глазами, живем жадно, словно через дюжину ударов сердца умрем. Стараемся увидеть весь мир, провалиться на самые глубины Бездны. Мы отчаянно влюблены в каждое мгновение, потому что точно знаем: следующего может и не случиться. Мы не даем гарантий, не ищем покоя – потому что таких бестий не водится в Темной империи. Мы верим только себе и только в себя. Мы сильны, пока равнодушны.

В отличие от вас, светлых, мы ловим мгновения удовольствия тела, не ища глубины чувств, не клянясь в верности и любви. Мы слишком разные во всем, Ди. Поэтому я не хочу тебя ранить. Ранить небрежной нежностью на ходу. Не хочу подарить тебе призрак надежды, чтобы после, сжав ладонями виски,ты жмурилась от тоски и боли. Я хочу, чтобы ты просто была счастлива. Была живой, непредсказуемая огненная ведьма…

Дрок

P.S. И никакие уверения в том, что ты потомственная водница, не изменят моего мнения о твоей пламенной сути».

Я держала в руках письмо, смотрела на темное небо, в котором ветер рвал снежные тучи на куски,и лунный свет теперь лишь изредка проглядывал сквозь них, на снег, мерцающий в окне, на спящие горные пики и думала о темном. Лис, дипломат, стратег… истинный темный. А темные, как говорила Бо, никогда не признаются в любви.

– Кар, - напомнил о себе ворон. И ненавязчиво так перепорхнул на подоконник. Дескать, дело сделано, послание вручено, прочтено и я могу быть свободен.

– Не так быстро. - С этими словами я оторвала клочок бумаги от листа, лежавшего на секретере, и вывела обычными чернилами всего одну фразу: «Это не Эйта». Свернула в трубочку и передала ворону. Тот недовольно зажал весточку. – А на словах передай, что я тоже по нему скучаю.

Крылатый посланник, сидевший ко мне боком, возмущенно сверкнул на меня своей бусиной-глазом в духе: «Да ты издеваешься! Как я устно передам?» – захлопал крыльями и вылетел окно, едва я успела распахнуть створки. Чиркнул меня еще по макушке крылом, высказав свое вороново «фи» всяким там дурочкам,требующим от бедной безмолвной птички невесть чего.

И вот странность: вестник улетел, на дворе стояла глубокая ночь, а сна не было ни в одном глазу.

ГЛАВА 8

– Итак, на чем мы остановились? – четко, с интонацией дознавателя, произнесла я, обращаясь к стенам.

Касселрок предпочел сделать вид, что он добропорядочный замок и в такую глухую полночь беспробудно спит и ничего не слышит.

Ну, значит, отправлюсь на поиски истины самостоятельно. Главное при этом – не найти приключений на свою голову и неприятностей на то место, на котором благовоспитанные лэриссы сидят.

Коридор за дверью спальни утопал во мраке и тишине. Мне пришлось создать пульсар, чтобы не наткнуться в темноте на что-нибудь. Например, на летящий арбалетный болт. С учетом охоты на полтергейста, это было актуально. Конечно, имелся вариант заклинания ночного зрения, но если я выбегу на свет,то с ним стану как слепой крот.

Я шла крадучись, прислушиваясь к шорохам и отголоскам. Замок спал, но неспокойным,тревожным сном. Я прошла по антресоли второго этажа. В этой реальности она была целой. И, надеюсь, такой и останется.

Заглянула в несколько залов. Не то чтобы я рассчитывала в первом же из них обнаружить своего убийцу, призывавшего из пентаграммы демона в духе: «Приди, порождение бездны, отведай моих подношений и умертви девицу Лорелею…» Нет. На такую картину я не рассчитывала хотя бы потому, что обычно темные сами проваливались во Мрак, а не тягали оттуда того, кто не успел спрятаться в глубинах Бездны.

Мне бы подошел и шепоток, отголоски обряда… Но, как назло, в доме темных магов, на удивление, даже захардяшной отработкой ритуала не пахло. Жаль.

Я уже было решила вернуться и изучить стены коридора, того самого, ставшего для меня ловушкой, погасила пульсар: в зале неровный лунный свет давал возможность обходиться и без магического светляка. И тут мой взгляд скользнул по высокому стрельчатому окну.

Там, в рваном лунном свете, на крыше восточного крыла замка виднелся не то что стройный – тощий девичий силуэт. Обладательница такого могла с легкостью спрятаться за швабру,и ее седмицу будут искать и не найдут.

– Бетси! – выдохнула я ошарашенно. Что эта полоумная забыла на обледенелой крыше?

Или это Эйта постаралась? Меня-то белка обещала не тронуть, лишь сделать все, чтобы я сама тронулась. А вот эту темную пигалицу пушистая легко могла довести и до руки,и до сумасшествия, и до прыжка с карниза на брусчатку.

Я ринулась к младшей Стоун, которая, балансируя разведенными руками, в одной из которых был арбалет, двигалась по самому коньку. Убьётся ведь, паршивка! И никакое заклинание левитации не успеет произнести.

Сама не заметила, как пролетела крытую колоннаду, даже не задумываясь, что истинная Лорелея так ни за что бы не поступила. Это не в ведьминой натуре – помогать ближнему. Дальнему, впрочем, тоже. Но то – темная. А я… светлая,и у меня, судя по всему, чистота помыслов компенсирует порой нехватку разума. Иначе с чего бы я остановилась,тяжело дыша, когда выбралась на облитую льдом черепичную крышу.

На ней, обняв каминную трубу, стояла Бетси, стуча зубами.

– Только не прыгай! – выдохнула я, пытаясь остановить эту сумасшедшую. Вместе со словами из моего рта вылетело облачко пара.

– Я и не думала! – окрысилась девица. Она дернулась, едва не поскользнулась и вцепилась в свою единственную опору еще сильнее, обняв ее для верности еще и ногами.

– Да, конечно! А трубу ты просто так обнимаешь,из чисто эстетических чувств, - возразила я.

– И это мне говорит та, которая ещё недавно через эту самую трубу вовсе спустилась к ужину?!

Мне хотелось возразить, что не через нее. Хотелось, но не моглось. Иначе пришлось бы объяснять про отраженный мир.

– Я хотя бы смогла сделать это, не свернув шею! – решила я поддержать легенду о своем эффектом появлении.

– Кому? - въедливо уточнила пигалица.

– Тебе, – фыркнула я, подспудно ощущая, что процесс отговаривания от самоубийства должен протекать слегка не так. - Так сказать, оставила эту почетную обязанность хозяйке. И вижу, ты в этом сейчас преуспеешь.

– Да что б ты понимала, ведьма! – взъярилась девица. - У меня был приступ.

– Идиотизма? – я не смогла удержаться.

– Лунатизма, дура! – огрызнулась пигалица.

– От умной слышу. - Мне захотелось подойти к девице и помочь. Упасть. Но я все же переборола это недостойное светлой чародейки чувство. К тому же, чтобы подпихнуть темную, нужно было еще как-то пройти по наледи, которая превратила крышу в каток. Да и держится Бетси крепко. Еще с первого раза не столкнешь… – Так тебя надо спасать или сама убьёшься? - уточнила я.

– Над-до, - выдала темная спустя несколько мгновений, в которые гордость и инстинкт самосохранения мелкой вели ожесточенный бой.

И я уже было приготовилась кинуть ей аркан, как поняла… упс! Мое плетение было исключительно светлым! Это бытовые чары универсальны. А вот плетение аркана – как клеймо мастера. Сразу выдает своего владельца без слов. С таким же успехом я могла представиться: «Здрасти, я светлая чародейка…».

– Мне долго еще ждать? – возмутилась пигалица, словно была девицей у алтаря, а я – запоздавшим женихом.

– Ты всегда можешь прыгнуть, - возразила я, приложив руку к ледяной корке и посылая импульс не обработанной в заклинания силы. Замерзшая вода под рукой пошла рябью. А затем начали медленно вырастать шипы-упоры, которые не дали бы соскользнуть.

– Отцепляйся и двигайся ко мне, - скомандовала я.

– А кинуть мне аркан было бы не проще? – привередливо уточнила темная.

– Слушай, я как умею, так и спасаю! – возмутилась я. - И вообще, может, у меня опыта в добрых делах нет вовсе. К тому же с арканом неинтересно…

Я отчетливо услышала скрип зубов. Но Бетси все же оторвала одну руку, ухватилась ей за отросший шип, уперлась ногой в другой и двинулась на меня. Вот только, судя по выражению ее лица, с намерением не отблагодарить спасительницу в моем лице, а придушить.

Глядя на темную, я поняла две вещи: во-первых,творя добро, продумывай пути экстренного отступления; и во-вторых, как тяжело, оказывается, ползти, если пытаешься при этом гордо держать голову.

И Бетси ползла. Величественно и независимо. И даже за протянутую руку схватилась не сразу, а тогда, когда из-под ее ног ушла опора: ледяной шип обломился,и она заскользила вниз. Ухватилась за мою пятерню в последний момент. Причем рьяно так. Чуть меня не выдернула из чердачного окна, как морковку из грядки.

Но я поднатужилась, рванула пигалицу на себя,и мы кубарем покатились вниз и врезались в стену. Я больно ударилась плечом и в сердцах высказала все, что думаю о спасении, милосердии и полуночных променадах по крыше. В ответ услышала «Спасибо!» с интонацией «тебя не сильно-то и просили лезть».

Ну что же. Я сама виновата. Как говорится: любишь помогать – люби и откат получать.

– И часто ты так… прогуливаешься? - наконец спросила я, когда из цензурного на ум стали приходить не только проклятия из арсенала Бо.

– А тебе-то какое дело? - буркнула девица, потирая бедро.

– Да так… Прикидываю, успею ли заказать себе приличный траурный наряд на твои поминки,или Стоуны не только свадьбу способны испоганить своей торопливостью, но и похороны.

– Значит, и тебе мой сводный братец успел насолить? – Любопытство все же пересилило неприязнь Бетси ко мне. Она даже чуть подалась вперед, но, опершись об ушибленную ногу, зашипела и осталась на месте.

– Да, - мрачно согласилась я, не вдаваясь в подробности.

Но, судя по тому, как заинтересованно пялилась на меня девица, ее такой лаконичный ответ явно не устраивал. Посему я поспешила сменить тему:

– А ты-то как на крыше оказалась? Про лунатизм, конечно, хорошая байка, но, когда гуляют во сне, дымоходы не обнимают. Что случилось? - произнеси я это другим тоном, это прозвучало бы как обвинение.

Но вот чего я не ожидала, так это реакции пигалицы. Ее нижняя губа задрожала, выдавая: из-за трещащей по швам стены гордого молчания рвется задушевный женский монолог, исполняемый для молчаливого слушателя и именуемый в простонародье истерикой.

Она всхлипнула. Раз, ещё один. Шмыгнула носом, и из ее глаз полились слезы. Крупные. Частые. Они были из тех, которые нужно обязательно выплакать. Не держать в себе, а выжать свое сердце досуха и излить. Все. До капли. Не оглядываясь на окружение и время суток. Чтобы все внутри перегорело.

Она тряслась, как в лихорадке, прислонив ладони к глазам, словно пытаясь затолкать эту соленую влагу обратно.

– Ну, Бэт,ты чего? - Я обняла ее. Эту тощую пигалицу, только-только перешагнувшую рубеж совершеннолетия, которая спустя совсем немного времени превратится в настоящую красавицу и истинную черную ведьму. И она-то уж никогда не заплачет. Ибо не по статусу. Но пока…

– Знаешь… Ты первая, кто спросил, что со мной. - Она наконец отняла ладони от глаз. – Вот так, просто. Спросила. И спасла. Хотя я, может, уже думала, что мне суждено. И, может, это и к лучшему. Зато я перестану чувствовать себя идиоткой. Только жаль, что Тронку, сволочи, отомстить не успею. А тут – ты! Я тебя ненавижу! – Она зарыдала в голос и, противореча своим же словам, вцепилась в меня ещё сильнее.

Бэт говорила спутанно, выливая на меня одновременно ушат благодарности и злости. В ней бушевали чувства. Причем настолько сильно, что вокруг фигуры заклубились черные вихри. Еще немного – и темный дар выйдет из-под контроля.

– Бет, если твои слезы не от счастья, то немедленно прекрати! – выдала я наконец фразу, приличествующую темной, а не светлой чародейке. – А если уж хочешь поплакать вдосталь,то давай это делать с комфортом. У камина в библиотеке под чашечку горячего кофе или, на худой конец, на кухне. Там хотя бы есть чем перекусить.

Мои слова подействовали на пигалицу не хуже дубины. Ведь известно, что хороший дрын, приложенный со всего замаху аккуратно по темечку, может остановить на скорости не только лихого летуна на метле, но и просто остановить. В развитии. Вот и истерика Бэтси замерла.

– Ну так как? Пойдем вниз и продолжим? - уточнила я.

Ответ на, в общем-то, простой вопрос меня озадачил:

– А ты точно темная? - шмыгнула распухшим носом девица.

– Усомниться в масти моего дара? Да ты бессмертная, как погляжу, - изогнув бровь, вопросила я. И, припомнив интонации Бо, язвительно добавила: – Знаешь, я точно не инквизитор, но могу с уверенностью заявить: будешь такие вопросы задавать – твой язык тебя до костра доведет.

Открыто лгать не стала. А то мало ли: вдруг у этой паршивки какой артефакт истины припрятан? И полетят в меня после этого ещё вопросы, а то и пульсары.

Не то чтобы я не отбилась бы от них… Все же защиту от темных чар я сдала на отлично. Но, во-первых, разнесем ведь все к ядреному драконьему пламени. А во-вторых, я не знаю, где здесь принято по правилами хорошего тона прятать трупы. Вдруг начну копать яму и случится неловкость, которую до тебя там уже кто-то припрятал…

– Извини… – Мелкая стушевалась. – Просто я не ожидала, что меня ринется кто-то спасать. Тем более ты,только что прибывшая.

– Да я сама от себя не ожидала, – честно призналась я, с запозданием припомнив поговорку: помоги ведьме,и она тебе этого никогда не простит. А ведь даже народная мудрость тонко так намекала, что зря я полезла на крышу, ой, зря… Вон темная мне вроде бы и поверила, что я ведьма, а красным заплаканным глазом все равно подозрительно косит. Я сделала вид, что этого не заметила, и произнесла: – Ну что, спускаемся?

Юная магичка кивнула, но как-то погруженно в свои мысли. Словно этот вопрос остался на краю ее сознания. По лестнице мы шли, шатаясь, как два гнома, перебравших первача. Только песен не

горланили. Бэт, как выяснилось, ушибла бедро и потянула лодыжку, я ссадила плечо. И обе мы основательно промерзли.

Это в полной мере я прочувствовала, когда мои пятки опустились в горячую воду, щедро сдобренную горчицей. Рядом, укуклившись в шерстяной плед, сидела Бэт, стуча зубами. Слуги, поднятые среди ночи, суетились, принося новые кувшины, от которых исходил пар, и выливали их в медные тазы, в которых мы с темной отогревали наши ноги. Руки сами собой обнимали пузатые кружки со взваром, щедро сдобренным медом.

Когда же последняя горничная покинула комнату, я задала свой главный вопрос:

– Кто такой Тронок и почему ты хотела ему отомстить?

– И до сих пор хочу! Сволочь! – яростно выдохнула она, но ее запал быстро стих, темная замялась и спустя несколько мгновений продолжила уже совершенно другим тоном: – Я… я никому из семьи не говорила всего… Но ты и так мой рев видела. Тебе можно…

И она рассказала. Слова лились из нее, как ударом колокола ранее слезы. Бэт говорила о том, как встретила во Мраке Тронка и влюбилась. Впервые. Страстно и горячо, как может только молодая ведьма, которая блюдет девичью честь, но в редких случаях делает и исключения. И Тронк тоже потерял от Бэт и голову,и рога с хвостом. Причем настолько, что был готов бескорыстно (это демон-то!) прийти ей на выручку, даже когда выручать Бэт было не нужно, а то и вредно. У этих двоих случился роман. Но демоны – раса горячая. Тронк, не любя, по зову плоти, умудрился изменить Бэт с демоницей. И темная об этом узнала.

– Так, значит,ты стремишься в глубины Мрака из-за мести? - догадалась я.

– Да. Я поклялась, что убью этого архидемона. Сдохну, но убью. А Дрок меня не пускает! Тоже мне, глава рода! – Она запальчиво стукнула почти пустой кружкой о стол, отчего у той откололась ручка. - Не был бы им, плевать бы я хотела на его запреты.

Меня так и подмывало спросить пигалицу: а не она ли тогда устроила покушения на его невест? Ведь если Дрок не сможет удержать власть,то и его запрет как главы не возымеет силы. И путь для вендетты будет открыт.

Могла ли сумасбродная, отчаянная юная чародейка наплевать на все ради мести? Вполне. Бэт была в том прекрасном возрасте, когда чувства сильнее разума. А личное – единственно важно.

Кстати, надо бы узнать, что точно случилось с предыдущими невестами Дрока. Нет, я не сомневалась, что лис провел свое расследование. Но сдается мне, он не там искал…

Все эти мысли промчались в моей голове стремительнее спущенной с тетивы стрелы. И я едва удержалась от вопроса, задавать который было еще рано. Даже пришлось язык прикусить.

– А почему ты никому не сказала о Тронке? – я постаралась, чтоб голос звучал спокойно, не выдав моих мыслей и чувств.

– Пробовала. Бабке Ньюр. Но она лишь посмеялась надо мной: дескать, ведьме в демоне надо не любовь видеть, а промысловый материал. – Бэт фыркнула. – А потом Тронк мне изменил. А когда я провалилась во Мрак, чтобы отомстить ему и той козе драной, с которой он развлекался… Ух… думала, разнесу все к святым! Правда, меня и саму потрепало так, что я уже думала: сдохну. Но Дрок каким-то немыслимым образом меня нашел. И уже дома задал трепку: какого рожна я полезла в схватку. Ну я и ляпнула, что хочу себе подчиненного демона. Ведь это… – она замолчала, подбирая слова.

– Так по-темному правильно, – закончила я за нее. И удивительно, но я понимала эту ложь. Потому что в ней было столько… светлого. Нежелание показывать свою слабость и промахи другим. Ревность. Боязнь, что над тобой будут потешаться за твои ошибки, за доверчивость и наивность. Последние ведь вообще для ведьмы едва ли не смертельный грех.

– Да! – Она вскинулась. - Дрок на меня тогда наорал. Но мать и остальные гордились. И зато никто, никто не смеялся! – закончила пигалица с вызовом.

Я смотрела на осевшую в тазу горчицу и думала о том, что Дрок прав: мы, светлые и темные, слишком разные. Для нас нормально желание отомстить за предательство. Для них естественно стремление заполучить архидемона.

– Но мне-то ты рассказала. И, как видишь, я над тобой не смеюсь.

– И все равно я об этом уже жалею, – серьезно ответила Бэт.

– А вот и зря. Тебе разве не говорили, что месть – это дело не личное, а семейное.

– Ни разу о таком не слышала, - растерялась темная.

– Это просто у тебя не было шести сестер. Кстати, а зачем тебе нужен был полтергейст? – задала я вопрос, уводя от щекотливой темы.

– Как зачем? Если мне нельзя проваливаться во мрак,то кромешнику-то для этого и пентаграммы не нужно. Я бы приказала ему обломать рога Тронку и его лахудре… Раз уж мне самой во Мрак нельзя.

Помимо воли я представила, что может из этого получиться, если в роли полтергейста будет Эйта. Да, архидемону однозначно была бы большая и основательная крышка. Гроба.

И вот не зря я подумала о рыжей, потому как темная продолжила:

– Ты спрашивала, как я оказалась на крыше? – Стоун сделала паузу, но не для эффекта интриги. От ее громогласного «апчхи» зазвенели даже стекла в окнах. Она шмыгнула носом и продолжила: – Пресветлые, будь они неладны! Опять простудилась! Ненавижу!.. Так о чем я? - перебила Бэт сама себя.

– Ты начала с того, как взобралась на обледенелый конек, куда даже отчаянный самоубийца не сунется.

На мое примечание девица скривилась.

– Нет, я не собиралась осчастливливать этот мир своей смертью. Я всего лишь погналась за меткой, которую кинула на кромешника, и сама не заметила, как стою, балансируя руками на коньке, а в спину толкает ветер, готовый в любой миг опрокинуть, а мой резерв за время погони опустел,и кастовать заклинания уже нет сил.

Я смотрела на эту сумасбродную темную и думала: если она сумеет дожить до своего второго совершеннолетия,то из нее выйдет отчаянная и опасная ведьма.

Расстались мы с Бэт уже на рассвете. А на постель я упала уже с первыми лучами солнца. Да… семейная жизнь, особенно ночная, у меня активная. Так сестрам и напишу – это была последняя мысль перед тем, как я задремала.

Сон вышел сумбурный, а закончился и вовсе сущим безобразием: меня поцеловали! Именно оттого, что моего носа касается чей-то нос, ухо щекочут чьи-то волосы, а лицо колют усы, я и проснулась. А ещё не открыв глаз, услышала раскатистое:

– Хр-р-р.

Храп разнесся под сводами спальни.

Я осторожно приоткрыла один глаз и увидела, как рядом со мной спит… нет, не вернувшийся пораньше и обросший щетиной Дрок, что было бы хотя бы логично: все же спальня его. И кровать в ней – тоже. Нет. Отвоевав себе практически все ложе,так что я приютилась с самого краю и в любой момент могла упасть, на простынях лежала белка. Видимо, ей снилось что-то очень приятное, раз она лезла ко мне целоваться. А как она при этом подёргивала хвостом…

Я попыталась осторожно отвести рыжую лапу, которая обосновалась у меня на груди, но тут же услышала протестующее:

– Дорогой, сегодня твоя очередь выгуливать детей. – Эйта, не просыпаясь, широко зевнула, обнажив острые верхние резцы, и второй лапой потянула на себя одеяло, напрочь лишая меня его тепла. Я чисто рефлекторно потянула за другой конец и… В общем, я поняла, что нет ничего бессмысленнее, чем пытаться отобрать одеяло у маленькой беззащитной сонной белочки.

Но я, съехав вниз и отчасти свесившись над краем, из принципа уперлась пяткой в изножье кровати.

– Мне холодно, – так же, не открывая глаз, капризно протянула белочка.

– У тебя шуба, зачем тебе ещё и укрываться?! – пропыхтела я.

– А ты демон, ты вообще не мерзнешь! – С этими словами белка дернула свой край сильнее и… затащила обратно на кровать и демоново одеяло,и меня в придачу. Причем я оказалась с пушистой, обернувшейся в свою пуховую добычу, как в кокон, нос к носу.

И именно в этот момент она сонно открыла глаза.

– А! Извращенка! – возопила рыжая, словно это я полезла к ней с нежностями.

– Моя постель, я в ней кого хочу, того и обнимаю: хоть подушку, хоть одеяло! – возразила я, выразительно дернув последнее на себя. - А вот к тому, как ты тут оказалась, у меня вопросы.

– Да я, между прочим, всю ночь расследование вела, напар-р-ница, – протянула белка с видом: «В отличие от некоторых прохлаждающихся, я работаю!» – И лишь под утро прилегла вздремнуть вполглазика.

– Да? Я никогда не встречала, чтобы спящий вполглаза храпел.

– Это был не храп, а древнейший и самый надежный ритуал, чтобы отогнать злых духов бессонницы! – тут же возразила белочка.

– А, ну раз ритуал… – протянула я, садясь на кровати и прикидывая, достаточно ли во мне мужества пройти по холодному полу босиком,или стоит малодушно поискать сапоги под кроватью.

Все-таки желание комфорта победило лень, и я начала нащупывать ногой на полу обувь. И даже нашла. Только не сапог, а тапочку.

Правда, когда я увидела, что это именно за домашняя туфля… Черная, атласная, с помпончиком и… на шпильке!

Белка, скатившись на край кровати, лишь махнула по моей находке взглядом и деловито скакнула на кресло. Взяла в руки какую-то черную маленькую тряпочку и развела лапы в стороны со словами:

– Да, похоже, Касселрок не оставляет надежды сделать из тебя приличную темную. Хотя бы внешне.

Я, глядя на то, что держала Эйта, мрачно прокомментировала:

– Именно поэтому он предложил мне столь неприличный пеньюар?

То, чем трясла пушистая, было именно им. Правда, такого короткого и прозрачно-кружевного я еще не встречала. Да в нем дырок было больше, чем ткани! А что не изрешечено,то из настолько тонкого шелка, что просвечивало!

– Это на твой взгляд халатик неприличный. А вот мужчины наверняка оценят.

– Мужчина должен ценить в женщине душу, ум… – возразила я.

– Вот он и оценит,и признает,и одобрит… – хмыкнула белка. – Особенно два твоих высших образования.

– У меня одно, - возразила я. – Диплом академии имени Кейгу Золотое крыло. С отличием.

– Кхм… – кашлянула белка. - Ди, кажется, мы говорим о разном. Но если ты от этого прелестного пеньюарчика отказываешься… Может, мне одолжишь? – Эйта вскинула заинтересованную мордочку.

– Зачем? – удивилась я.

– Вот сразу видно, что ты новобранец в семейной жизни. - Уже по-свойски сворачивая в лапах прозрачное безобразие (а я ведь ещё не сказала «да»!), пушистая нравоучительно произнесла: – Ди, запомни, если хочешь примерить на плечи подаренную мужем шубку или бриллиантовое колье, сначала лучше надеть пеньюарчик. Потом подойти к супругу, наклониться повыразительнее, обнять…

– Поцеловать… – понимая, к чему клонит белка, добавила я.

– Тю! Можно и не целовать! Главное, найти у него на плече женский волос и устроить скандал. А там уже и требовать компенсацию за свои моральные страдания.

– А если волос мой же?

– Тут неважно, чей он. Главное – красиво сыграть на нервах. Чтобы муж в тонусе и заверениях-извинениях-оправданиях, ты – в расстроенных чувствах и распахнутом обмундировании для нападения. – Она подняла свернутый пеньюар и потрясла им в лапах. - А потом ночь, полная страсти,и утром – колье! – выдала инструкцию Эйта.

Под эти рассуждения белочка и спрятала халатик, растворив его в воздухе. И рядом с ней тут же

материализовался махровый халат. Даже на вид длинный, объемный и ни разу не годящийся для соблазнения. Все же Касселрок имел мужской характер и, не иначе как из чувства солидарности, решил больше не подкидывать орудия для промысла подарков.

– Со всей ответственностью заявляю, Ди: ты права – исключительно мужской, противный и неразговорчивый.

Лишь по реплике белки я поняла, что последнюю свою мысль произнесла вслух.

– А ты-то откуда знаешь? - вырвалось у меня.

– Так я же тебе говорю: расследование проводила! Устроила допрос замку.

– И? – Я в нетерпении подалась вперед.

– Ничего он толком не знает! Его, духа, видишь ли, усыпили и одурманили, подчинив чужой воле!

– Но как это возможно?

– Через кровь. Связь Касселрока и тех, в ком течет кровь Стоунов, велика. И на короткое время можно воспользоваться этим. Перехватить контроль над замком. Правда, подобные фокусы просто так не проходят. Откат тоже будет неслабый.

– Значит, достаточно просто узнать, кто сейчас с нулевым резервом? - обрадовалась я.

– Ха! Это у вас, светлых, все ограничивается резервом. А тут – темная магия! – Белка назидательно подняла палец. - Могли и годами жизни расплатиться, причем не своими,и жертву принести…

– Умеешь ты радовать, – мрачно прокомментировала я.

– Стараюсь, - возгордилась белочка, словно я сделала ей комплемент. - Кстати, о стараниях. Ди, дорогая. А скажи-ка мне, почему меня сегодня ночью пытались подстрелить из арбалета, поймать в аркан, загнать в пентаграмму и не отставали, даже когда я выскочила на крышу?

– Эйта… знаешь, тут такое дело… – начала я, прикидывая, как сообщить рыжей, что она теперь главный охотничий трофей Стоунов. - Когда ты исчезла, мне пришлось соврать, что ты полтергейст из моего приданого. Я подумала, что это самое логичное объяснение сожранной тобой курице…

– Ди! Ну как ты могла подумать, не посоветовавшись! – возмутилась белка. - Да я вчера только из хвоста два болта выцепила. Пристали хуже репьев!

– Извини, я не нарочно.

– Верю. Потому что нарочно такого даже я не придумаю… – фыркнула Эйта. А потом, плюхнувшись на хвост, вздохнула и примирительно махнула лапой: – Да ладно, бывает. Зато я себе такую старушку приглядела… Да и белобрысик красноглазый ничего так… для безумия как раз! С девчонкой той тощей, конечно, подольше повозиться придётся… А вот та стерва, которая в меня каблуком запустила, вне очереди получит!

– А когда ты замок-то успела допросить со столь насыщенной охотой?

– В полночь. Но потом меня слегка отвлекли, пытаясь убить.

А я, прикинув время, кажется, поняла, почему Касселрок отказался со мной говорить: он беседовал с Эйтой. И, судя по всему, на этот разговор ушли все его силы…

– Значит,теперь у нас семеро подозреваемых, – возвращаясь к теме «кто же хочет меня убить?», подытожила я.

– Угу. И ни одного внятного мотива, – поддакнула белка.

– Ну у одной причины жаждать меня устранить вообще-то есть… – начала я. И поведала Эйте о юной Стоун.

– Хитра ведьмочка, ой хитра… Сама устранить напрямую брата не может, так через Всадников…

– Я смотрю, на этих самых Всадников не только у тебя большие планы, - уела пушистую я.

– У меня они хотя бы продуманные! – возразила Эйта. – А вот о том, что со смертью Дрока и этой тощей придет конец, она не подумала.

– Думаешь, это Бетси?

– Ну у нее были и возможность,и мотив, - согласилась со мной Эйта и кровожадно добавила: – Однако стоит проверить и остальных. Не хотелось бы кого-нибудь обделить местью.

Я была с ней полностью согласна, и с удар колокола мы с пушистой обсуждали подозреваемых. Список получился таков:

Вдова Стоун, она же лэрисса Мрот, – дама опасная во всех отношениях. Первое впечатление о ней было: далеко не дура. Да и близко тоже отнюдь не глупа. Опасна. Навряд ли ей по нраву, что место главы рода занял не родной сын, а бастард. Достаточный ли это повод, чтобы пытаться убрать Дрока, прикончив меня? Над этим вопросом мы с Эйтой призадумались. Крепко. И оставили пока под вопросом.

Бабка Ньюр – ей не было особого резона мешать внуку. Но вдруг она повернута, как некоторые, на чистоте крови? Поэтому в мотивах «хотела – не хотела» еще стоило разобраться. Но то, что она могла подчинить себе дух Касселрока, - это однозначно.

Про Бетси уже было все известно.

А вот про альбинуса Олафа – увы. На первый взгляд он был моим ровесником, немногим моложе Дрока. Но выгорание наложило на него след не только внешне. Он стал, как горный пик, спокойным, белым и отморожен… невозмутимым. Но кто знает, какие бурные течения могут быть скрыты под этой коркой льда?

Любовника госпожи Мрот мы, посовещавшись, вычеркнули: все же в нем не текло крови Стоунов.

А вот в Троле – побратиме покойного хозяина сверенных земель – пусть чисто номинально, но плескалось. Все же кровное братание и клятвы – не пустой звук. Только на кой ему устранять Дрока – неясно.

Последним в списке шел Борнир. С ним у нас при первой встрече возникло недопонимание, если можно так сказать о напрочь сожженной шевелюре на макушке. Этот мог мстить уже лично мне. Ну или совместить полезное с полезным и насолить ещё и племяннику.

– Шестеро, - подвела итог белка. – С кого начнем?

– С перекуса, - решила я, ибо солнце уже миновало зенит, а я ещё даже не завтракала.

– На обед мы опоздали, - погрустнела Эйта.

Я же была этому обстоятельству рада. Второй семейной трапезы вместе с Эйтой наша столовая могла и не пережить.

Посему, приведя себя в порядок, я с Эйтой на плече спустилась на кухню. Наверное, вкатись туда шаровая молния, это произвело бы на слуг меньший эффект. Хотя, может, причина в том, что я появилась ровно тогда, когда кучерявая служаночка, встав рядом с разделочным столом, вещала:

– А хозяйка-то новая, вернувшаяся из-за грани покойница Хённ Кровавая, говорю вам! – Для пущего эффекта она развела руки в стороны. – Кто еще из ее праха восстать может? А она – восстамши. Я своими глазами видела. Сбоку у входа в столовую стояла, знака от госпожи Мрот ждала. И вот что скажу: не из камина новая хозяйка на ужин явилась, как все подумали из-за облака сажи, что она подняла. А прямиком из урны с пеплом…

Кучерявая служаночка, стоявшая к входу спиной, не успела договорить, как слушатели слаженно ахнули.

На пороге, прерывая поток сплетен о себе любимой, появилась я.

– Ну вот, - укоризненно протянула Эйта. - О тебе легенда только-только зарождаться начала, а ты…

Впрочем, пушистую, как и меня, больше интересовала еда, а не касселрокский народный фольклор,только что обогатившийся еще одной байкой. Но тут белка затопталась на моем плече, недовольно фыркнула и со словами: «Кажется, мне срочно нужно к деткам, но порцию на меня все равно возьми», – исчезла.

– Я желаю пообедать, – обозначила я причину своего появления, чувствуя себя на редкость по-идиотски.

– А ч-ч-то же в-вы, госпожа Л-лорелея, не приказали вам в комнаты под-дать или в столовой накрыть…. – растерянно с перепугу ляпнула служаночка, позабыв, что у господ обычно о таком не спрашивают.

– Не хотелось ждать, – я сочла за лучшее ответить. И стребовала себе бутерброд с колбасой.

Мстительно – с кровяной. Хотя бы так буду оправдывать репутацию этой… как ее, Хённ Кровавой.

Кухарка моментально соорудила мне и чай, и бутерброд. Последний, правда, больше напоминал взятку в особо вкусном размере. Я даже задумалась на миг: брать ли мне оную или оставить шанс фигуре. Но решила, что я сегодня дюже люблю мзду. Причем в двойном размере: аналогичный бутерброд для Эйты я попросила завернуть с собой. А если учесть, что и первый-то был совсем немаленький… в общем, если с прозвищем Кровавая у меня все же не сложится, то Пожирающая будет мне гарантированно.

Трапеза моя проходила в гробовом молчании. Слуги и кухарки притворялись мебелью и трупами. Некоторые – весьма удачно. Один поваренок и вовсе, накрывшись полотенцем, медленно-медленно и абсолютно бесшумно, по-пластунски полз к выходу. И, судя по взглядам оставшихся, ему многие завидовали.

Под конец перекуса так и хотелось встать и сказать: «Когда я отсюда выйду, можете ликовать, но негромко», - но я промолчала. Тишина оказалась эффектнее любых слов.

Когда я выходила, за спиной что-то упало. Было любопытно: сломалась ли полка или все же чья-то психика, но я решила соответствовать роли настоящей черной ведьмы. А они, как известно, уходя, ни на взрывы до неба, ни на извержения вулканов, ни на рухнувшие за спиной замки не оборачиваются. Не то что на локальные шумы вроде служанки, провалившейся в обморок. А может – и в подпол.

Выйдя из кухни, я была полна сил и желания общаться с новыми родственничками на отвлеченные темы. Например, кто из них хочет меня прикончить. С Бэт было все понятно. Остались вдова Мрот, снежный Олафир, Борнир с новой прической, ехидна Трол и любящая попыхтеть трубкой Ньюр. И я решила поискать кого-нибудь из этой великолепной пятерки. И спустя удар колокола, когда я облазила весь Касселрок вдоль и поперек, обнаружила много интересного, но совершенно бесполезного, распугала слуг, но не нашла никого из Стоунов. Ни-ко-го.

– Да куда все подевались?! – возмутилась я, обращаясь к стенам. Эхо прокатилось по залу, отразившись от стен, зазвенев в цветных стеклах витража. – Вот хочешь с кем-то задушевно поговорить, а собеседников хоть из-под земли доставай.

– Так и подняла бы мертвяка из могилы, делов-то. И беседуй сколько демонам угодно, – посоветовал скрипучий голос.

Запах крепкого табака я уловила немногим позже. Обернулась. В дверях стояла старуха Ньюр, дымя трубкой. Северная ведьма была стройна, как карагач, молода, как трехсотлетняя мумия, но резва не по годам (одно то, как она шустро вчера умчалась на охоту за полтергейстом, чего стоит!), а уж ехидства могла дать взаймы, оптом и под солидные проценты.

– Или тебе собеседник нужен не для задушевной беседы, а чтоб придушить? – Она наклонила голову набок, словно мудрая ворона.

– А я смотрю, вы знаете толк в разговорах, – оценила я черный юмор.

– Еще как, - ухмыльнулась Ньюр, подходя ближе. Она двигалась плавно и гибко, словно и не было у нее взрослых внуков. Скорее можно было поверить, что Ньюр – вчерашняя выпускница магической академии. - Когда мой сын привел в Касселрок Мрот, у нас с ней состоялась задуше-е-евная беседа… – Она улыбнулась, прищурившись, словно окунувшись в приятные воспоминания.

– Вы друг друга прокляли? – догадалась я.

– О, да! – подтвердила Ньюр и добавила: – Вот я и думаю, что стоит поддержать традицию. – И с этими словами в меня полетело отменное черное проклятие.

Увы, злословие не воробей: вылетит – не увернешься. А вот поймать – можно и попробовать. Не знаю, чего именно мне пожелала родственница, насморка или сломать шею, – я не разбиралась. Только подставила брачный браслет. Он тут же раскалился, впитав угрозу. Я даже зашипела от боли.

Ньюр ехидно поглядывала на меня и ждала ответа, ощерившись веером щитов. Не было сомнений, что она-то с достоинством отразит любое проклятье. Вот только я-то была светлой. И творить злословия и не хотела,и не умела. А вот пожелать чистого, светлого, нефильтрованного, крепкого, прямо как пиво в гномьей таверне, счастья могла. Ну и пожелала. От души. Избавления от вредной привычки. В общем, благословила от всей своей светлой души и по полной.

Доброcловие прошило арбалетным болтом все щиты, как кленовые листья, и достигло цели. Ньюр в очередной раз затянулась из трубки и закашлялась. Не понимая, она похлопала себя по груди. На ее лице отразились гнев, непонимание и наконец страх: она, матерая черная магесса, не смогла

распознать проклятия.

– Что ты со мной сделала, ведьма? - хрипло спросила она. И куда только исчезла ее ехидная улыбка?

– Всего лишь избавила вас от вредной привычки. - Я была сама невинность.

– Ты! – взревела раненым буйволом старуха. – Да эта самая привычка, может, была моей главной отрадой, смыслом жизни….

– Зато теперь вы и нашу с вами первую личную встречу никогда не забудете. И будете ее бережно хранить в вашей памяти, как и знакомство с невесткой.

– Будь уверена, я не только эту встречу, я тебя, мерзавка, всю целиком никогда не забуду.

– Никогда не думала, что обещание в духе «я буду тебя помнить» может звучать столь… неромантично. Зато весьма зловеще, - я не удержалась от комментария.

– Это я тебя ещё из-под земли достать не грозилась, – недовольно отозвалась Ньюр.

Но вот мне почему-то показалось, что больше в меня проклятий не прилетит. Во всяком случае сейчас. Старуха, судя по ее виду, решила: новой хозяйке Касселрока, то есть мне, нужно готовить гадости спланированно.

– Вы не похожи на ту, кто грозится. Разве что предупреждение полетит в противника вместе с метательным топором.

– Это тебе Дрок про топор рассказал? - подозрительно уточнила Ньюр, и я поняла: мне удалось попасть в цель, даже не замахнувшись пульсаром.

– Нет. Так что у вас есть уникальная возможность поведать мне эту историю первой.

– Нагла. Умна. Изворотлива… – протянула Ньюр, окидывая меня взглядом. – Настоящая черная ведьма, хотя по виду ни разу и не скажешь … – последние слова она произнесла задумчиво, а затем решительно добавила: – Попьем чаю, Лорелея.

Она не спрашивала – утверждала. Но больше этого царапнул даже не тон, а имя. Кажется, я его начинала ненавидеть.

Ньюр потянулась к колокольчику, обнаружившемуся на столике рядом с камином. Магически усиленный звон разнесся по дому,и уже через несколько ударов сердца в зале появился слуга.

– Нам чаю, – Стоун произнесла простую, в общем-то, фразу особым тоном. Таким, по которому нетрудно догадаться: вместе с чаем нам принесут неприятности.

Пока же мы расположились в креслах, подозрительно глядя друг на друга. Ну прямо как два противника в шахматной партии.

– Значит,ты с юга, - Ньюр сделала первый «ход».

– Отчего вы так решили? – несмотря на то, что мне усиленно «тыкали», у меня язык не поворачивался ответить панибратством. «Вы» вырывалось помимо воли.

– Ты смугла, чернява,тянешь гласные, - начала она перечислять неприязненно. - А еще, может быть, только до юга еще не дошла слава Всадников дикой Охоты, что сеют смерть и разрушение. Другого объяснения, почему ты по доброй воле, в здравом уме и твёрдой памяти согласилась выйти замуж за моего незаконнорожденного внука, у меня нет. - Она помолчала и спустя несколько ударов сердца добавила: – Или тебе жизнь не мила?

– Предыдущие невесты Дрока, я так понимаю,тоже были с юга?

– Догадливая… – протянула Ньюр. Ее взгляд скользнул по курительной трубке, сиротливо лежавшей на столике, и она, скривившись, добавила: – Паразитка.

Лишь улыбнулась в ответ, без слов подтверждая: «Да, я такая». А потом с запозданием оценила, КАК ИМЕННО она говорила о южанах. Со скрываемой ненавистью. И по-новому взглянула на эту северянку. А Ньюр меж тем продолжала:

– Да, Дрок искал себе жену среди южных ведьм. Наши соседи отказались выдавать за него своих дочерей, потому что знали: близится срок Дикой Охоты. И сумеют ли договориться Всадники с новым Хозяином Бурь – большой вопрос. Если нет,то голова их дочери, как и голова самого Дрока, украсят пики кочевников.

– Значит, выбор внука вас не устроил? - Я изогнула бровь.

– Совершенно. – Старуха поджала губы, выразив тем самым, что она думает обо мне.

В зал вошел слуга, неся поднос с чаем. Расставлял он чашки и разливал ароматный напиток в полнейшей тишине. Даже когда он удалился, Ньюр не проронила ни звука. Я, впрочем,тоже. Бо как-то говорила, что Тьма молчалива, потому все самое главное этом мире тоже наполнено беззвучием.

Не знаю, о чем думала моя собеседница, но вот я прикидывала: могла ли ненависть исконной северянки к южанам заставить Ньюр попытаться убить меня? А моих предшественниц? Старуха была весьма расчётливой и практичной особой. И без запасного плана устранять неугодных кандидаток в родственницы не стала бы. Только если… у нее на примете не было замены.

И я решила сделать ход драконом:

– Полагаю, у вас была на примете и подходящая невеста для внука. Наверняка настоящая северянка. А не такая, как я, состоящая из сплошных недостатков, – сыронизировала я.

– Да. Была. Я хотела предложить ее Дроку, как он вернется из посольства, - Ньюр была оглушающе честна. Я чувствовала нутром: сейчас она говорит правду. - Мне удалось договориться с ее матерью. Клан Сумеречных ведьм был готов дать согласие на этот брак.

Я подозревала, каких трудов это стоило старухе. И цена за согласие была немалой. Интересно, что она пообещала этому самому клану Сумеречных? Сдается, много. Очень много. Столько, сколько сам Дрок отдавать не хотел.

– И чего вам это стоило? - вырвалось у меня. Пояснять не пришлось. Собеседница все правильно поняла.

– Духа Касселрока, – просто ответила та и пояснила: – Милочка, я не помешана на чистоте крови. И, признаться, даже рада, что именно Дрок занял место главы рода, а не Олафир. Сын Мрот хоть и законнорожденный, но он был слабосилком. Даже если бы на обряде посвящения он каким-то чудом удержал ярость Бури, со временем она бы сломала ему хребет. Он бы надорвался под ее тяжестью. А Дрок… он сдюжит, - последние слова она произнесла с гордостью. Замолчала на пару мгновений. Взяла чашку, отхлебнула, словно этим жестом давала себя время на раздумья,и добавила: – А северный удел – это не Касселрок, не земли, заметенные снегом. Это люди.

Она говорила, держа перед собой чашку чая, и в его янтарной глади, как в зеркале, отражалась непреложная правда. Север – это люди, которые тут живут. Именно ради этих людей Дрок был готов на все. И Ньюр, как выяснилось,тоже.

– Ты, Лорелея, должна понять, почему моему внуку важная жена-северянка. Он сам – пришлый. До тринадцати лет жил в рыбацкой деревушке на Пижанском побережье. А когда ему исполнилось четырнадцать и он стал считаться взрослым мужчиной – пришел сюда, в замок отца. Заявить свое право, как обещал покойной матери. Касселрок тогда принял его неприветливо. А отец… Мой сын не принял его вообще. Сказал, что второй слабак ему в роду не нужен и он признает приблудыша сыном, если тот победит его в кругу суда темных, в поединке. Дрок проиграл. И ушел, чтобы вернуться сюда уже воином.

Дальше объяснять было не нужно. Если Дрок стал Хозяином Бурь, значит, во второй раз он победил. И отец его признал. Но лис в глазах местных был пришлым. И поэтому ему было важно взять в жены северянку. Ту, которую сочтут за свою. Ту, у которой вьюга – в крови.

Могла ли в таком случае Ньюр попытаться устранить меня? Что же, для этого у нее был весьма серьезный мотив: благополучие северных земель и укрепление положения внука. Могла ли она организовать на меня покушение – да легко.

– А что же ты чай не пьешь? Да и не угощаешься ничем? - Старуха кивнула на вазочку с вареньем и тарелку с печеньем. - Останешься голодной – смертельно оскорбишь меня.

С учетом того, что она сама лишь ополовинила чашку чая, а к угощению не притронулась, это наводило на мысли. Я как бы невзначай протянула руку к вазочке. Браслет нагрелся. Так и есть: яд. Но расстраивать бабушку тем, что не возьму в рот ни крошки…

– Лэрисса Ньюр, вы уж извините, я на диете, поэтому со своим.

С этими словами я достала внушительный бутерброд с кровяной колбаской, щедро сдобренный чесночком. Вообще-то он был припасен для Эйты, но, как говорится, на какие лишения только не пойдешь, чтобы не расстраивать родственников. Не то что своим бутербродом пожертвуешь, даже мертвой притворишься. На время.

Во вторую руку я взяла чашку с чаем, который цедила старуха. М-да. Наше знакомство можно было считать удачным: мы не разгромили все вокруг и даже друг друга не убили. Для встречи двух ведьм результат отличный. И неважно, что одна из них – ведьма фиктивная.

Распрощавшись с Ньюр, которая провожала меня странным пристальным взглядом, я вышла из зала. Пересекла холл и уже было взялась за перила лестницы, как входная дверь позади меня распахнулась, впустив внутрь морозный ветер. Обернулась. Думала, вернулся кто-то из неуловимых Стоунов. И не ошиблась в догадках. На пороге действительно стоял представитель этого славного семейства. Единственный, кого я была рада видеть. Дрок. Мой северный лис. Мой?

Я осознала, как мысленно только что назвала его, и до боли сжала кулаки. Сильно. Так, что ногти впились в кожу ладоней. Наверняка на ней после останутся полумесяцы багровых следов. Вот только это ерунда по сравнению с тем, что я забыла о договоре. По нему Диксари Флейм здесь всего лишь на время. И вскоре уступит место настоящей черной ведьме,той, кого выбрал себе в спутницы жизни темный.

А Дрок стоял, замерев и неотрывно глядя на меня. На его волосах медленно таяли снежинки, да и сам он весь был похож на буран, ворвавшийся не только в холл замка, но и в мою жизнь.

Он не говорил, лишь касался взглядом. Лба, скул, шеи, губ. Торопливо, заполошно, словно стремясь убедиться: со мной все в порядке. А потом быстрым шагом пересек разделявшее нас расстояние и, взяв мое лицо в свои ладони, лишь выдохнул:

– Ди!

А я смотрела на осунувшегося темного, на провалы глаз и заострившиеся скулы,и у меня невольно вырвался вопрос:

– Ты вообще когда в последний раз спал?

– Двое суток назад. С тобой. На постоялом дворе, - был убийственно честный ответ.

– Неужели в столице тебе негде было переночевать?

Вот почему я это спросила? Прямо как настоящая жена, которая заботится о самочувствии мужа.

– Было… – Дрок сделал паузу, не договорив. Но по его тону я поняла: да, было и где,и с кем. И это открытие неприятно царапнуло. Очень неприятно. - Но мне не хотелось. К тому же твое письмо оказалось для меня стимулом закончить дела как можно раньше и вернуться в замок.

– Так там была всего одна строчка! – возразила я и начала пятиться. Слишком уж мне не понравился тяжелый взгляд темного. Так на меня однажды смотрел папа после того, как я нечаянно (абсолютно и совершенно случайно, честное чародейское!) взломала его сейф, когда мне было пять лет.

Так вот, после этого самого взгляда мне пообещали ремня. Правда, я тогда вовремя удрала. Хотя… если бы отец сильно захотел – то догнал бы.

Вот и сейчас я буквально всей кожей ощутила, что стремительное отступление – самая лучшая тактика.

– Да! Всего одна. Но зато какая! – начал наступать на меня Дрок. - Я, когда прочитал ту записку, чуть с ума не сошел. Мгновения до приема у Владыки считал, а как только отчитался по дипломатической миссии, сорвался сюда. И, как видно, не зря. Ди! Ты обещала мне не связываться с Эйтой! – последние слова он буквально прорычал.

– Так я с ней и не связывалась. Я с ней заключила союз… Пакт о ненападении… Перемирие… Договор… – я лихорадочно подбирала слова, чтобы их смысл наконец-то дошел до все стремительнее мрачнеющего Дрока.

– Какой, ко всем святым, договор! – не выдержал он.

– Да уж не брачный! – прошипела я в ответ. Страх начал уступать место злости. Да что, в конце концов, этот тёмный себе позволяет! Я тут для его блага выживаю, как могу, убийцу ищу, а он… он на меня за это еще и рычит!

– А какой? - Нехорошо прищурился темный.

– Деловой! – фыркнула я и решила чуть приукрасить: – Мы с ней даже об акте приема-передачи трупа договорились!

– Какого трупа? - Дрок даже смигнул, не веря моей наглости.

– Такого, который пока еще живехоньким ходит по Касселроку, называется твоим родственничком и не оставляет своих попыток меня убить. Например, когда загнал нас с Эйтой в зазеркалье и натравил лича!

– Та-а-а-к, а с этого момента поподробнее, - голос Дрока не предвещал ничего хорошего.

– А может, ты сначала поешь, отдохнешь?.. А потом уже придумаешь, как убить меня за самоуправство наиболее эффективным способом.

– Нет! – отрезал темный, а потом, выдохнув, признался: – Ди! Ты меня с ума сведёшь…

– Врет и не заикается даже, - услышала я знакомый ворчливый голос рыжей. - Какое с ума сходить? Я ему даже не мерещусь. Здоровехонька его психика. Как у племенного быка. И кстати, когда ты говорила о том, чтобы твой темный поел… Я надеюсь, ты не мой бутерброд имела в виду?!

– Знаешь, Дрок… Тут только что твое утверждение о том, что я могу довести тебя до помешательства, опровергли.

– Эйта здесь? – понял Дрок.

– Угу. И такая же злая и голодная, как и ты.

Темный заозирался и притянул меня ближе. Словно пытался неосознанно защитить. Наши тела соприкоснулись, и я через одежду почувствовала, какой он напряженный. Весь словно натянутая тетива, с которой в любой момент может сорваться стрела.

А потом его взгляд замер. Дрок уставился на каминную полку. Именно туда, где, недовольно скрестив лапы на груди, сидела Эйта.

– Я думал, что она побольше… – Мне показалось, что в голосе темного скользнуло… удивление. Не испуг, что он увидел госпожу безумия, а значит, его рассудок в опасности, не настороженность, а… удивление.

Белка настороженно дернула ухом.

– Хм… надо же! И вправду начал видеть! А ведь еще седмицу назад и не замечал в упор. Кто бы мог подумать, что непрошибаемого Хозяина Бурь можно вывести из равновесия! Ди, ты чудо!

– Скорее чудовище, – уточнил ни разу не дипломатично Дрок. – Маленькое светлое чудовище.

Он сказал это с какой-то невероятной, запредельной нежностью и коснулся моей макушки. А я – полностью развернулась к нему и прижалась к его груди, в которой бешено, в каком-то сумасшедшем ритме, билось его сердце.

И мне вдруг захотелось, чтобы это мгновение не кончалось. Чтобы мы вот так просто стояли, обнимались. Не касаясь лиц, не заглядывая в глаза, не пытаясь поцеловаться. Чтобы я просто обвивала его руками, он крепко держал меня за талию и прижимал к себе. И я знала: пока Дрок рядом, ничего плохого не случится. Ну… разве что Эйта.

– Хм… А может, мне и не мудрить со всеми этими провокациями-всадниками? Они ведь как придут, как навоюют, как наследят! Замок опять же разрушить могут… Может, я просто тебя обезумлю,темный? А?

– А чего раньше не пробовала? – иронично уточнил он, чуть отстраняясь от меня.

– Как это не пробовала? – возмутилась белка. – Первым делом! Но ты же непрошибаемый. Был. Вот и решила действовать… опосредованно. Так сказать, если не удается расшатать психику – расшатаем трон. Или на чем там сидит глава рода?

– Вообще-то главе рода сидеть, особенно сложа руки, не положено, – усмехнулся Дрок. И по его тону я поняла: даже если он и начал видеть белочку, его сознание Эйте не заполучить. Кажется, она это тоже уловила, но не стала сильно расстраиваться. – И раз уж я теперь вижу вас обеих… Что там случилось с зазеркальем?

– Покушение! – Белка возмущенно дернула хвостом. - Меня, Хранительницу лабиринтов безумия, попытались убить, как какую-то вшивую смертную!

– А это было возможно? - тут же проявил живейший интерес Дрок.

– Наглец! – фыркнула рыжая. – Конечно, нет!

«Угу, поэтому мы так шустро удирали от того архипризрака», – про себя подумала я.

– Жаль, - ничтоже сумняшеся выдал темный и добавил: – Впрочем, предлагаю нашу во всех смыслах интересную беседу продолжить у меня кабинете.

И он первым начал подниматься по лестнице. Мы же с Эйтой, которая шустро спрыгнула с каминной полки и, почему-то озираясь, словно опасалась выстрела в хвост, перебежала холл, поспешили следом.

А спустя удар колокола я узнала, что Дрок в свое время тоже подозревал родственников, но… единственным, кто по объективным причинам мог устранить лиса и занять его место, был Борнир. Дядя Дрока являлся магом, которому под силу было удержать натиск стихий и стать новым Хозяином Бурь. Но при исчезновении первой невесты у него было абсолютное алиби: он тогда лежал полуживой после встречи с драконом.

– Знаешь, у Борнира ко мне могли быть и личные претензии… – смущенно пояснила я, почему тот мог решить прибить новую невестку.

– Ди? – Темный изогнул бровь.

Ну я и рассказала, как подстригла здоровяка и случайно рассыпала прах из урны.

– Бабку Ньюр? – уточнил Дрок.

– Да… – растерялась я.

Лис устало выдохнул. И, судя по этому вздоху, я поняла: видимо, бабушка была очень дорога дяде Дрока. Настолько, что за нее здоровяк мог и отомстить.

– А вдова Стоун? Она могла устранить твоих прежних невест, – я решила зайти с другой стороны.

– Лэрисса Мрот хоть и ненавидит меня всей душой, ведь в ее глазах я живое постоянное напоминание об измене, не смогла бы стать главой рода. Ей для этого не хватает дара, – пояснил Дрок.

– А если она и не хотела бы становиться Хозяйкой бурь? Если ей достаточно отомстить?

– Хм… – задумался Дрок. – Все же маловероятно. С моей смертью Касселрок окажется разрушен. А ей самой будет грозить опасность.

– Зато она будет чувствовать себя отомщенной, - лузгая орешки, вклинилась в разговор белка.

Вообще, как только мы оказались в кабинете, я приказала слугам подать сюда еды. О том, как тяжело оказалось впихнуть в Дрока жаркое, можно было сложить легенду. Никогда не думала, что мужчина может быть настолько упрям.

К еде я приказала подать еще и орешков. Для Эйты. Их-то белочка сейчас и уминала за обе щеки.

– Ух! Какие вкусные! – Она отбросила пустую скорлупку и потянулась за второй. - Солененькие, как я люблю! К ним бы ещё сливок взбитых. И копченой уклейки… – мечтательно протянула она.

– Какие у тебя, однако,интересные предпочтения, – не удержалась я.

На это обычное, в общем-то, замечание Эйта вскинулась. Потом схватилась лапами за живот, словно в нем был разрывной пульсар. Замерла. Дернула усом и…

– Нет, вы на этого гада только посмотрите! «Доверься мне!», «я все держу под контролем», «больше ни одного», - явно кого-то цитируя, передразнила белка. – Вот так доверилась… а теперь… – Ее взгляд наконец сфокусировался на нас с темным. - Так. Никуда не уходите. Я сейчас одному демону второй рог обломаю и вернусь!

С этими словами белка исчезала. А мы вновь остались с темным наедине.

– Как ты думаешь, беременность ее остановит? - задала я самый насущный вопрос.

– Уверен, что даже не сильно задержит. – Усмешка исказила губы темного. Демонски привлекательные губы, от которых я почему-то не могла оторвать взгляд.

Изнутри прикусила щеку, пытаясь себя отрезвить. Я думаю не о том. Совершенно. У меня тут из шести подозреваемых у четверых были и возможности,и мотив,и… в общем, все было! И неизвестно, какие тайны хранят ещё двое: побратим покойного Стоуна и выгоревший Олафир.

А я вместо того, чтобы думать о том, как найти врага, смотрю на Дрока и… Глазом не успела моргнуть, как темный, вот только-только сидевший за столом, оказался рядом.

– Кажется, одна белка прервала нас. Так на чем мы остановились?

– Ты думал, как меня лучше прибить за то, что я все же связалась с Эйтой. Но сначала поесть и отдохнуть, – напомнила я, сглотнув.

Демоны! Зачем я это сказала? Мне надо было что-то соврать. Посмотреть надменно. Да, в конце концов, сделать что-нибудь, чтобы остановить Дрока. Потому что каждое его прикосновение, его близость заставляли меня влюбиться в этого северного лиса ещё больше, еще сильнее. А мне нельзя! Я же здесь лишь временно. На замену. И мне нужно помнить об этом.

Но я не думала о том, что будет.

И темный, кажется, тоже. Он просто прижал меня к себе. А я возьми и растай.

– Знаешь, когда я летел в замок, то мог думать только о тебе, – невпопад ответил темный. Его голос был хриплым, надтреснутым. – Ты поселилась в моей голове, в снах, проникла под кожу… И я мчался сюда как сумасшедший, боясь опоздать. Мысль, что ты могла за то время, что меня не было в замке, умереть…

– Но ты же выбрал меня как раз затем, чтобы я смогла выжить, - перебила, не дав договорить.

– И сейчас думаю, что это был одновременно мой самый неправильный и самый верный поступок в жизни.

Я вскинула голову, пытаясь во взгляде Дрока отыскать… сама не знаю что. В глазах Дрока плясала первородная тьма и бесконечность.

– Ди. Ты и вправду сводишь меня с ума. Настолько, что я готов забыть о данном себе же обещании.

– Каком?

Вместо ответа он прижал меня к себе. Его губы впились в мои. Жадно. Неистово. Так, словно темный отпустил вожжи. Его язык прошелся по моей шее, от мочки уха до впадинки меж ключиц. И от этих прикосновений в моем животе разлилось пламя. Я забыла обо всем, кроме одного: Дрока. Моего темного.

Я оказалась на руках у Дрока. Мы продолжали целоваться как безумные и пока он нес меня,и когда усадил на стол, вклиниваясь между ног.

На пол полетели листы, писчие перья, папки с бумагами. Рассыпался по ковру речной песок, которым удаляют избыток чернил с листа. Да и сам бутылек с чернилами звонко ударился об пол. Но нам с Дроком на это было наплевать.

Как там говорят темные: жить одним мгновением, потому что следующего может и не случиться? Так вот, я жила сейчас именно им. Не думала, что будет завтра. Сегодня я хотела лишь одного: чтобы темный был рядом.

На пол полетели мой жилет и широкий пояс, наши рубашки, звякнул о столешницу ремень темного. Дрок на шаг отступил, окинув меня взглядом: полунагую, с зацелованными губами, дрожащую от предвкушения. Желание било по венам, выжигая стыд. А от взгляда темного, которым он целовал меня, жарко и дико,и вовсе разгорался пожар. Я не чувствовала рук, ног, себя. Словно расплавилась в этих мгновениях.

– Ди, я больше не могу и хочу сдерживаться …

Дрок выдохнул это отчаянно, словно признавая поражение перед собой. И сделал шаг вперед. Вжался в меня. Его рука легла на мою поясницу, придвигая ближе. К нему. И к черте, за которой будет разочарование. Обязательно будет. Но завтра. А пока…

Его язык скользнул по моим ключицам. Горячие прикосновения губ вырвали у меня судорожный вздох. Ноги рефлекторно обвили Дрока в попытка прижаться ещё теснее.

В моих жилах текла не кровь – жидкий огонь, разнося по телу жажду. Давать и обладать. Быть рядом. Я зарылась пальцами в светлые волосы. Не отпущу. И тут же почувствовала, как рука Дрока скользит по моему бедру. Выше. К талии. Туда, где заканчивается опушка штанов, где его пальцы расстегивают завязки. А губы в это время целовали мою обнаженную грудь. Темный вобрал в рот сосок, чуть прикусил его, отчего я невольно вскрикнула от удовольствия, и тут же лизнул.

Я подалась навстречу, выгнувшись. Мне хотелось всего Дрока. Без остатка. Чувствовать его кожу своей, ощущать под ладонями литые мышцы, шрамы, его тяжесть. Моя рука соскользнула с затылка лиса ниже. По впадине позвоночника. К пояснице. Мои пальцы ощутили жар, исходивший от тела темного. Дрок был напряжён. И возбужден. Определенно возбужден. Это я чувствовала отчетливо.

Дрок наконец справился с завязками моих штанов. Его рука скользнула под мои ягодицы, чуть приподнимая над столом. Когда я оказалась на весу, прижатая к темному,то невольно поерзала. И тут же услышала протяжное:

– Ди…

– Да? – мой голос охрип.

– Я хочу тебя…

– Скажи… еще… – Мне хотелось слушать его голос. Его признания. Пусть не в любви. Темные не умеют любить. Но хотя бы…

– Ты нужна мне. Сегодня и все…

Казалось, ничего нас не могло остановить. Я ошибалась.

Крик, разнесшийся по коридору, яростный стук в запертую дверь кабинета и голос Борнира:

– Дрок, ты здесь? Слуга сказал, что ты прибыл удар колокола назад. Через три удара колокола Всадники Дикой Охоты будут у ворот Касселрока.

Я не сразу осознала смысл услышанного. Лишь когда темный отстранился. В его глазах плясала в диком танце тьма. Мы оба тяжело дышали, словно только что вынырнули с глубины. И смотрели друг на друга.

– Сейчас спущусь, - отозвался Дрок, не отводя от меня взгляда.

А до меня медленно начало доходить, что чуть не произошло. Я потеряла голову. Совершенно. Абсолютно. Как какая-то… черная ведьма! Где были мои выдержка, воспитание, самоконтроль? Безбожно дрыхли, оглушенные натиском чувств.

Я рефлекторно прикрыла грудь. Вдруг откуда-то появилась неловкость. Я в одних штанах сижу на столе и…

– Сожалеешь? - Дрок замер в ожидании ответа.

А я лишь закусила губу, не зная, что ответить. Я была в раздрае.

– Я подозревал, что со светлыми чародейками никогда не бывает просто. Но не думал, что это будет так тяжело.

С этими словами он подал мне рубашку и помог одеться. И первым вышел за дверь. Мои же мысли метались, как испуганные мыши по амбару. Всадники должны были прибыть только через несколько дней. Что-то случилось? И попытаются ли меня убить в их присутствии? И что будет со мной после их отъезда, если мне удастся выжить? Я отправлюсь обратно домой? И, наконец, Мрак меня раздери, нам хоть раз дадут нормально поцеловаться от начала и до конца, не прерывая в самый неподходящий момент? Правда… если бы сейчас Борнир не замолотил в дверь,то поцелуй спустя девять месяцев мог вполне закончиться так же, как у Эйты, будь она не тем помянута!

ГЛАВА 9

Впрочем, особо размышлять времени не было. Стоило подготовиться. Морально, физически и на всякий случай технически. Хотя бы столовый нож за голенище сапога сунуть. Сильно это, конечно, не поможет, но… хотя бы придаст мне уверенности. Взгляд прошелся по кабинету, и я увидела на полу, рядом с опрокинутой чернильницей, пустую разбитую тарелку… М-да… как-то нехорошо получилось.

Зато рядом с осколками я заметила вилку. Ех… жаль, не нож. Но обтерла ее льняной салфеткой и, не очень понимая зачем, сунула за голенище сапога.

И уже потом, аккуратно заправив рубашку, надев широкий пояс и жилет и приведя в порядок прическу, я выглянула в коридор. А там…

Там была тревога среди слуг. Суета, в которой горничные торопились привести Касселрок в порядок,и страх, отчетливо читавшийся на лицах челяди... Вот что значит надвигающаяся паника: с ума сойти может даже тот, у кого его отродясь не было. «Вот бы Эйта обрадовалась», – мелькнула мысль.

Как ни странно, но сейчас мне ее даже не хватало. Во всяком случае, с белкой было безопаснее. Все же в том, как сохранить шкуру, когда тебя пытаются извести, у нее был колоссальный опыт!

Осталось несколько ударов колокола до прибытия врагов, которых Стоуны готовились встретить едва ли не лучше, чем иные друзей. Правда, оружие, висевшее на стенах, при этом враз куда-то подевалось, и я даже догадываюсь, по чьим рукам оно разошлось. Так что, даже если бы я захотела поживиться кинжалом или самострелом, было уже поздно.

Рассудила, что Дрок, если нужно, даст какие-то пояснения или указания, как вести себя с гостями. Пока же, как подсказывало чутье, лучше убраться подальше. Например, в спальню лиса.

Вот только, идя по галерее, я убедилась: зря подумала, что большие проблемы начнутся только с приходом Всадников. Нет. Они ждать не стали. Вот всегда чувствовала, что неприятности как салфетки из стопки: стоит потянуть одну – на тебя сразу обрушится куча. И сегодня роль этой самой кучи выполнял Олафир.

Он стоял ровно по центру прохода со взведенным самострелом. Причем, гадство, не простым самострелом. А испещренным рунами, которые светились даже сейчас, днем.

Поза Олафира без слов намекала, что он не цветочки тут собрался нюхать.

– Ну вот мы и встретились без свидетелей, ведьма, - последнее слово он произнес с издевкой.

Я замерла. И хотя мое тело было недвижимо, сердце забилось как бешеное, кровь застучала в ушах. А я сама начала лихорадочно просчитывать варианты. Сплести щит или ударить магией сама я не успею. Разве что уклониться. Это при лучшем раскладе.

– Ты так хотел меня увидеть? – Я изогнула бровь, стараясь не подать вида, что испугалась. Хотя в животе был тяжелый ком страха. Я чувствовала, что каждое мое слово – шаг босиком по колкому льду, который мог треснуть в любой момент. И я провалюсь в полынью,из которой уже не выбраться. Браслет не реагировал на прямую угрозу. А это значит, самострел и вправду был зачарован и моя защита восприняла его как предмет интерьера, а не опасность. И выходило, что защиты у меня нет. - Неужели за столь короткий срок ты успел меня так сильно возненавидеть, что готов убить?

При последних моих словах самострел в руке белобрысого дрогнул. Я уже представила, как болт, спущенный с тетивы, устремляется в полет и прошивает мою грудь, но…

– Тебя? Нет. Ты не достойна ненависти. Ненавижу я своего сводного брата. А ты меня просто бесишь.

Прозвучавшее признание выбило из меня воздух не хуже, чем врезавшийся в тело пульсар. Я даже пошатнулась. И, чтобы не упасть, сделала шаг назад. А затем – ещё и в сторону. Высокого стрельчатого окна.

Браслет начал чуть теплеть. Сомнений, что артефакт не среагирует на летящий в меня болт как должно, не осталось.

– Чем же он успел тебе так насолить? – я постаралась, чтобы мой голос звучал мягко. «Не провоцировать. Только не провоцировать», - билась в голове мысль. А тело само сделало еще один шаг. Плавный. Текучий.

– Насолить?! – взвился красноглазый. - Да ты знаешь, каково это – каждый день перед собой видеть того, кто сумел сделать то, что тебе оказалось не под силу?! Братец укротил Бурю. А меня она едва не убила! И, что гораздо хуже, выжгла весь дар.

Дохлая льерна! Как я сама не додумалась до столь очевидного мотива? Банальная зависть. Правда, Олафир ее тщательно скрывал.

Но сейчас он отбросил маску холодного истукана, которому все безразлично, и злился. Словно переживая все сызнова, возвращаясь в тот день. А я… я сделала ещё один шаг.

– Ну хорошо. Пусть Дрок тебя бесит… – Я примирительно выдохнула. – Но меня-то на прицеле держать зачем? Мы с тобой нормально ведь вчера ужинали…

– Тебя зачем?! – жестко усмехнулся красноглазый, почти повторив мои же слова. - Да хотя бы затем, что ты притащила в дом Эйту! А я не желаю проваливаться в лабиринты безумия. Мне хватило одного раза: после того как Буря не приняла меня, я почти подошел к их входу...

Он не успел договорить, я рванула к окну. Пять локтей пролетела в один миг. Вот только и спущенный арбалетный болт не медлил. Доля мига – и я собой вышибла стекло. А короткая стрела, чиркнув меня по плечу, просвистела мимо.

Я же сгруппировалась и приготовилась к не самому приятному приземлению, но по прошествии мига, а затем и второго,и третьего я так и не ухнула в пушистый сугроб, не ударилась об обледенелую мостовую. А все потому, что под окном второго этажа их не было. Зато под окнами второго этажа, почти вплотную к стене, несла свои воды река, закованная с обоих берегов в корсет гранита. Она была быстрая и, как оказалось, шумная. Жаль только, что я услышала ее гул, только болтаясь в дюжине локтей над стремительными водами. Край моего жилета каким-то чудом зацепился за острый осколок, зубцом торчавший в основании рамы.

М-да… кажется, внутри меня спал везунчик… И дрых он уже давно и крепко. Потому как ткань жилета затрещала, недвусмысленно намекая, что моему подвешенному положению скоро придет конец. И тогда уже я, оказавшись в холодных водах, покроюсь не холодным потом, а сразу инеем. Вода, стекавшая с гор, наверняка была ледяная.

Перспективка – так себе. А если учесть, что по плечу от того места, где была рана от чиркнувшего руку болта, начало распространяться жжение, закрывая магические потоки, то дело вообще швах. Даже магией не смогу воспользоваться. Веселенький у меня будет некролог, чую: «Маг воды утонул»!

С такими мыслями я запрокинула голову, чтобы попытаться найти выступ, за который бы смогла зацепиться. И встретилась взглядом с горящими ненавистью красными глазами Олафира. Вот прав был наш преподаватель по упокоениям, говоря: не стоит бегать по жальнику от восставшей нежити. Только умрешь вспотевшим. Поэтому – только сражаться! Или отступать. Но никак не удирать.

Белобрысый живому покойнику ничуть не уступал. Да и его слова будто вторили моим мыслям:

– Допрыгалась? - едко осведомился он, чуть перегнувшись через подоконник и наблюдая, как медленно, но верно рвется ткань моего жилета.

Ему и делать-то ничего не надо. Я прекрасно сейчас убьюсь сама…

Чтобы лучше меня видеть, Олафир свесился наружу почти наполовину. Его рука упиралась в край окна, и… вилка впилась в руку красноглазика.

Крик боли смешался с моим: ткань все же оборвалась.

В реку полетели мы вместе. Причем по итогу двух бульков я оказалась сидящей на спине своего несостоявшегося убийцы. Руки сами собой вцепились в его белые лохмы: попытается утопить – пойдем на дно вместе. Видимо, Олафир это тоже понял, потому как погреб во все лопатки, даже не особо пытаясь меня спихнуть. Так, всего пару раз.

Да уж, как оказалось, пытаться меня убить – тяжкий труд, сопряжённый не только с риском, но и с непредсказуемым финалом. Поэтому быть моим недругом я не пожелала бы и врагу.

– Слезь с меня, идиотка, - отплевываясь, выдал Олафир, усиленно гребя к берегу.

– Сначала спаси, потом слезу, - стуча зубами, выдала я. Хотя, по правде говоря, мои руки так свело судорогой, что я, если бы и захотела, не смогла бы разжать пальцы.

А без плота-альбинуса и вовсе бы уже камнем пошла на дно. А он – плыл. Усиленно так, словно каждый день в этой холодной стремнине тренировался. Вот только нас все равно несло к водопаду.

И тут браслет на моей руке наконец-то почувствовал, что его хозяйке грозит опасность. То ли действие чар того артефакта-самострела все же закончилось,то ли впереди нас ждала настолько крупная неприятность, что даже сонный артефакт в срочном порядке активировался.

– Дрох! – выругался темный и заработал руками и ногами еще быстрее. - Хватит жечь мне шею,идиотка.

Сил отвечать у меня не было. Я лишь увидела впереди обрыв – это был водопад. Тот самый, который в вечер прилета поразил меня своим величием. А сейчас абсолютно не величественно нам грозило в нем утонуть.

Глаза от холода начали закрываться. Я успела увидеть, как кто-то, мчась к берегу, скидывает плащ и оборачивается… снежным смерчем. Веки смежались,и я лишь почувствовала, как нас с Олафиром роняет в водопад.

Миг свободного падения – и ощущение, будто ухнула в пушистый сугроб. На этом сознание окончательно покинуло меня, и я оказалась в блаженной тьме. В ней я плавала, как на волнах. Мягких, убаюкивающих. Интересно, я думала, что за грань уходят, а не вот так, как я… дрейфуют.

– Эй!.. Малахольная! Ты что, помирать надумала? - С этими словами чья-то лапа деловито оттянула мне веко. Свет резанул по глазу, вышибая слезы. Да и в целом ощущения оказались далеки от приятных. Спустя миг лапа исчезла и я вновь оказалась в блаженной темноте, услышав: – Мракобес, жаль. Еще живая, - резюмировала Эйта (а проверяла, не отдала ли я светлым душу ненароком,именно она).

– И я тебе рада! – просипела я, медленно поднимая веки.

– Угу, настолько, что едва не померла от этой радости, – фыркнула белка. - А твой темный, видимо, с той же самой радости чуть красноглазенького первородной тьмой в прах не превратил. Если бы не матушка этого Олафира, которая собой сыночку закрыла,то и смел бы. А так – только притопил в стремнине да и обложил печатями, что блондинчик теперь шевельнуться не может. Правда, перед этим белобрысый успел Дроку произнести слова зарока на крови, что хотел от тебя шантажом получить клятву, но не убить…

– Какую, к снулым троллям, клятву? – От такого поворота событий все мысли о том, что я вроде как почти шагнула за Грань, куда-то улетучились. Зато возникло желание отомстить Олафиру, а уж потом вернуться, с чистой совестью возлечь обратно на эту кроватку и продолжить умирание. И не мигом раньше!

– Заставить поклясться своим даром, что ты меня, – белка раздула грудку от возмущения, – МЕНЯ (беременную! будущую опять мать!) и из замка уберешь!

– Угу, даже подготовил для нашей беседы убедительные аргументы. Например, самострел и парочку болтов. Зачарованных. Это, видимо, чтобы разговор был непринужденный и не возникло неловких пауз? - язвительно уточнила я.

– Ну а что ты хотела от темного? - риторически вопросила Эйта. - Они чаще всего ведут переговоры с мечом в руках. И платят своей жизнью, если что-то пошло не так. Вот белобрысик и поплатился бы… если бы Мрот не помешала.

А затем белка в красках рассказала, как Дрок, вытащив меня из-под ревущего водопада, буквально у самых острых граней скал, окутанных пенной шапкой,и убедившись, что я жива, принялся за сводного братца.

– Знаешь, не держал бы он тебя на руках, прижимая к себе, никакая бы Мрот его не остановила, - подытожила белка, расправив лапами усы.

– А ты где в это время была? - подозрительно уточнила я. - Пока в меня из самострела целились и я в реке заплывы устраивала.

– Я? - Белка слегка растерялась. – Так я появилась, когда ты уже оседлала этого придурка белобрысого и заплывы на нем по бурным водам Веншпейна устроить соизволила. К тому же… если бы ты все же погибла… меня бы это устроило. Или если бы Дрок свихнулся от твоей смерти – тоже ничего расклад. Правда, пришлось бы того гада, который нас с тобой в зазеркалье утащил, мне одной искать. И мстить тоже в одиночку… Но чем не пожертвуешь ради хорошей жилплощади? Даже такой милой компанией, как твоя, Ди.

Вот ведь… Эйта! И даже сил на нее злиться нет.

– Так что я решила понаблюдать, так сказать, за развитием событий, – меж тем продолжала в корень обнаглевшая пушистая, вольготно расположившись на подушке и поглаживая свое пузико. –

Что могу сказать? Было интересно. Я даже пожалела, что каленых орешков с собой не захватила.

– Подожди… – До меня начало доходить… Если на сотую долю мига предположить, что Олафир в галерее нацелил на меня самострел не чтобы убить, а действительно шантажируя… Он ненавидел Дрока. Но и обезуметь тоже опасался… А угрозы и запугивание – вполне в духе сынов Мрака. Хотя… Что ему мешало получить у меня клятву избавить Касселрок от Эйты? А как только белка исчезнет – убить меня?

– Вот именно! – Рыжая воздела коготок к потолку,и я поняла, что последнее сказала вслух. – Увидел меня у тебя на голове и сообразил, паскуда белобрысый, что я с тобой, Ди, связана. А ему самому от меня не избавиться, – самодовольно разглагольствовала Эйта. - Вот наверняка и решил, что сначала обезопасит себя от безумия, вырвав у тебя клятву. А как только ты все исполнишь – и грохнет! – Она азартно ударила в лапы.

– Ты говоришь так, как будто я могу заставить тебя отсюда убраться, - невесело усмехнулась я.

– Не можешь, – охотно согласилась Эйта. – Но белобрысый-то не в курсе…

Хм… если довериться безумной логике белки,то… все сходилось. Олафир мог и вправду поклясться, что не хотел меня убивать. Сегодня. И тогда его зарок на крови даже не убил бы его. Главное – правильно подобрать слова. А вот, допустим, завтра…

Получалось, что у Олафира, как и у Мрот, Хённ, Бетси, были и мотив,и возможность отправить меня в зазеркалье. У Борнира мотив тоже имелся, но что-то там не складывалось с покушением на первую невесту. Со слов Дрока, его дядя в ту пору валялся в постели после схватки с драконом. Но так ли он был болен, что не мог даже встать с ложа? Скидывать со счетов совершенно я бы тоже не стала. К тому же у Борнира ко мне имелась и личная неприязнь.

Демоны! Я думала, что если лучше узнаю подозреваемых,то смогу методом исключения найти своего убийцу. Но нет! Если поначалу у половины из Стоунов хотя бы мотива не было,то сейчас… А ведь ещё языкатого Трола, кровного брата почившего Хозяина Бурь, я не расспросила.

– Демоны… – простонала я. – Как же все сложно!..

– Это ты о чем? - деловито уточнила белочка.

– Скорее о ком.

–А… ты про Дрока! – не так поняла меня белочка. - Так с ним как раз все понятно. Хочет мужик тебя. Это невооруженным глазом видно.

– Меня ли? – вырвалось невольно. И, глядя на озадаченную беличью мордочку, я пояснила: – Эй, я же под личиной. Он же видит не меня, а свою Лорелею…

Едва только сказала – и пожалела. Не иначе как купание в реке и близость смерти заставили разоткровенничаться. Или у меня вообще бред. Да, предсмертный! Я сейчас лежу с воспалением,и это мне все мерещится. Предположение было сколь соблазнительным, столь и абсурдным. А жаль.

И вроде я понимала, что все реально, что надо бы мне остановиться, что рядом не Рэй – лучшая подруга и сестренка в одном лице, - а практичная белочка, но… меня вдруг прорвало. Видимо, дала о себе знать ждавшая своего звездного часа истерика.

– Эйта, понимаешь, я же этого гада темного люблю! – Признание было щедро разбавлено слезами. Я лежала под одеялом, натянутым почти до подбородка. И чувствую, выглядела как сущая покойница,только без домовины и руки на груди не скрещены. И ревела. Без всхлипов. Слезы просто текли по щекам. – А он… Каждый раз, когда целует меня, я думаю: кого Дрок видит пред собой? Диксари? Или Лорелею? Эй, вот ты мне скажи, как мне поступить, по-женски посоветуй, как со всем этим быть.

Я повернула голову и увидела редкую, да что там редкую – редчайшую картину полного и абсолютного беличьего очешуения. Причем это была не просто одиночная картина, а сразу триптих.

Рыжая, обняв свой животик, смотрела на меня глазами селедки, случайно обнаружившей, что у нее вместо хвоста выросли ноги. Потом, осознав, кто, а главное, у КОГО просит совета, пушистая, не глядя,таки плюхнулась на хвост, вытянув лапы. И в довершение ее челюсть совершенно неграциозно отвисла.

– Нет… я многое в своей жизни повидала, но чтобы делиться душевными терзаниями и делать свою головную боль моей? – наконец нашлась она. А потом, вскочив на подушку, уже совершенно по-женски… нет, не дала совета. А психанула: – Я не поняла?! Тут вообще кто кого с ума свести

пытается? Любит он ее, не любит или морковку заворачивает… Тьфу! Лежит тут, ерундой мается! Вот у меня проблемы так проблемы! Ты знаешь, что такое двенадцатая беременность?! Нет! Так я тебе расскажу.

И, не дожидаясь моего согласия, Эйта с жаром продолжила:

– Беременность – это как ремонт: ее не ускоришь ни за какие коврижки! Она как учебный год: длится девять месяцев, а тошнит уже с первой недели! А из всего вкусненького тебе хочется известки. В ожидании ребенка ты, даже если и белка, все равно чувствуешь себя котом: постоянно спишь, жрешь, толстеешь, и все этому только радуются. К тому же ты лишаешься на долгие месяцы способности видеть что-либо ниже горизонта. - Она выразительно провела лапой по середине живота. – А еще…

– Я поняла! – опередила я белку. – Я люблю Дрока. Дрок любит меня, а не Лорелею. И никаких душевных терзаний у меня нет. Только прекрати просвещать меня!

Белка, срезанная моим спичем на середине речи, сбилась. Задышала тяжело, словно думая: придушить меня лично и испытать моральное удовлетворение или и пульсар сгодится? А потом… Махнула лапой, села и выдохнула:

– Ди… И ты извини. У меня это…. Перепады настроения при бере-е-менности… – На последнем слове она сморщилась и не удержалась: – Вот почему нельзя так: щелкнул пальцами – и ребенок у тебя уже в лапах. Желательно – уже взрослый и пристроенный в хороший брак.

Я с сочувствием посмотрела на белочку. Она на меня. А потом примирительно выдала:

– Да не представляет он вместо тебя эту Лорелейку. - Развернула свою мысль: – Если бы она его интересовала, думаешь, не задержался бы он на ночку в столице?

– Да он из-за записки примчался, а не из-за меня. - Я шмыгнула носом.

– Ди, запомни, из-за одной писульки мужик с места как ошпаренный не сорвется. Большое значение имеет, рука какой лэриссы вывела послание.

На этой нравоучительной ноте нас прервали. За окном послышался лязг, ржание, и я как-то разом вспомнила о всадниках.

– Сколько я была без сознания?

– Да совсем ничего. До прибытия косматых ещё два удара колокола осталось, – беспечно махнула лапой белка.

Ну да, ей ерунда. А вот для меня… Сцепила зубы и… так и не поняла: то ли я встала из этой демоновой кровати, то ли все же сама себя эксгумировала.

Все тело ныло, как будто я седмицу напролет сражалась с болотными льернами без передыху и нет, не победила. Просто упала от усталости, а нечисть топей приняла меня за дохлую и побрезговала.

– И куда такая красивая полузомби собралась? – ехидно уточнила белка, глядя на пошатывающуюся меня.

– Совершать полусамоубийство, – в тон ей фыркнула я. Судя по ощущениям собственного тела, мне было проще лечь обратно в кроватку и прикинуться покойницей, чем пытаться изображать из себя живую. Сил не было. Совсем. Ну разве что на сарказм. Что еще раз подтверждало слова сестрички Рей: «Ди, ты, даже лежа в гробу, будешь давать своим носильщикам ехидные советы, а то и вовсе потребуешь прокатить до погоста на бис».

– Это как? – заинтересовалась белка.

– Я буду отчасти вешаться …

– Отчасти?

– Да. Вот сейчас повешу нос и взгрустну, - тоном, полным разочарования, подытожила я.

А печалиться было отчего. Моей одежды в комнате не было. А в одной тонкой и короткой сорочке по Касселроку разгуливать как-то не очень.

– Тьфу на тебя, светлая! – в сердцах плюнула белка. – А если серьезно, куда все же намылилась-то? С меня Дрок шкуру обещал спустить, если за тобой недогляжу.

– Что? - От заявления рыжей уже я оказалась в затруднении.

– А то. Твой муженек оставил меня тебя стеречь. Заявил, что из всех обитателей замка доверяет мне больше остальных. Потому как если бы я тебя хотела убить,то сделала бы это еще в зазеркалье. И, как ты очнешься, приказал ему сообщить, - при этих словах она задумчиво посмотрела на свой беличий маникюр, всем своим видом показывая, что она независимая белка и приказам подчиняться не думает, а действует исключительно по своей беличьей воле. - Он бы и сам остался, но экстренная подготовка к осаде…

– К к-к-какой осаде? – Я, ошарашенная, опустилась обратно на постель. Благо недалеко ушла. - Ты хотела сказать – к приему Всадников?

– Ну… – протянула Эйта… – Это и так можно назвать. Приветственные катапульты. Встреча с солью (правда, без хлеба),и эта самая соль – из селитры…

Эйта вещала, а я все больше убеждалась: стоило мне потерять сознание, и мир сошел с ума. Или Дрок. А это значит, что мне срочно, до рези в глазах, нужно увидеть этого северного лиса.

– Касселрок, мне нужна одежда! – требовательно произнесла я.

Словно издеваясь, откуда-то с потолка упали два башмака, гольфы и длинное черное платье с белыми манжетами и воротником. В другом случае я бы попривередничала, но… была дорога каждая секунда.

Я, насколько быстро могла, оделась и, завязав волосы лентой, пошла к двери. И вот удивительно: куда-то ушли и боль, и усталость.

– Я с тобой, – тут же заявила белка. - Все же интересно узнать, кто же наш убийца-лентяй…

– Почему лентяй? – утонила я, думая совершенно о другом: где найти мужа?

– Потому что труп в твоем лице все ещё жив.

– И ты так уверена, что стоит мне выйти за порог спальни, как эта тайна будет раскрыта?

– Конечно. У него осталось времени – всего несколько ударов колокола. Так что тебя непременно попытаются прикончить совсем скоро. И его можно будет застать за горяченьким.

– А тебя при этом не смущает, что я могу погибнуть.

– Да. Это будет печалька. Лучше бы ты сошла с ума… Мне бы был больший профит, - прагматично заключила белка.

– Знаешь, Эйта, сыщик из тебя так себе.

– Зато я отлично умею хоронить иллюзии. Аж с разрывом шаблонов, мехов гармоники и гульбищем! – нашлась рыжая.

– Даже не сомневаюсь, - мрачно ответила я на эту акцию самовосхваления и обратилась уже к замку: – Касселрок, проводи меня к Дроку.

В воздухе тут же повисла дымчатая нить.

Выпендрежник… А в прошлый раз были просто следы. Я двинулась к двери и, лишь коснувшись латунной ручки, поняла: да меня берегли едва ли не лучше, чем Аврингроса в его императорском дворце. Во всяком случае, столько охранных заклинаний и такой силы я ни разу не встречала. Но радовало то, что все они были для тех, кто попытается проникнуть ко мне снаружи, но никак не изнутри.

Отворив дверь и перешагнув порог, мы с Эйтой устремились по следу, который отчего-то вел в северное крыло. Там я, признаться, была лишь пробегом, когда искала куда-то запропастившихся Стоунов. Оно было нежилым. А следовательно,и не отапливалось. Судя по всему, его закрыли, потому что оно нуждалось в ремонте.

Интересно, что там забыл Дрок? Но я понадеялась на Касселрок. И он привел нас. Вот только не к северному лису. Нить обрывалась, немного не доходя до двери. А вот за неплотными створками я услышала голоса. Вдова что-то зло выговаривала.

– Ты поклялся моему мужу на смертном одре, что станешь новым Хозяином бурь! – почти кричала она. - Ты, а не этот ублюдок!

– Пообещал, а не поклялся, - поправил знакомый голос.

Вот только я не узнала говорившего. Зато Эйта – преотлично

– О, а побратим-то не так прост, - хмыкнула мне прямо в ухо на уровне слышимости рыжая.

– Трол, какая, к дохлому червегрызу, разница! – меж тем ярилась вдова покойного Стоуна. - Ты дал слово. И ты должен его сдержать! Бросить этому грязнокровному выродку вызов. Ты сможешь победить его в кругу силы. У меня есть… – Она замялась, послышалось шуршание ткани.

Мы с Эйтой, прильнувшие к дверной щели, увидели, как Мрот достала пузырек. Эйта уважительно цокнула. Я же замерла соляной статуей. Потому как слышала об этом эликсирчике. Он увеличивал в разы силу мага на пару ударов колокола. Но после… в девяти случаях из десяти чародея ждало выгорание.

– Убери эту дрянь. Я не твой Олафир.

Всего две короткие фразы. Но за ними – целая судьба. Мать, желавшая, чтобы Олафир стал Хозяином Бурь, сделала из собственного сына калеку, лишенного дара. Впрочем, времени предаваться размышлениям не было. Разговор за дверью продолжался. Мрот, не собираясь убирать бутылек, наоборот, подняла его на свет.

– Подумай. Всего пара капель. И ты – владетель Северных земель.

– А ты – вновь Хозяйка Касселрока? - с какой-то странной интонацией произнес Трол.

– И твоя жена, - проворковала Мрот.

Ее голос был таким чарующими, соблазнительным, пьянящим. Его хотелось пить жадными глотками. Вдова провела острым ногтем по скуле Трола, провоцируя.

В глазах кровника застыло странное выражение.

– Как я тебе в роли твоей ведьмы? – Она подалась вперед, бесстыдно прижавшись своими бедрами к паху Трола.

– А твой любовничек не будет против? - иронично отозвался кровник, оставаясь совершенно невидимым.

– Шон? Считай, что его уже нет. – Мрот ластилась кошкой. – Ну, что скажешь?

– Скажу, катись к светлым на костер, стерва.

– Ты еще пожалеешь, – зашипела змеей Мрот, отстраняясь. – Этот ублюдок погубит всех нас. Но ты сдохнешь раньше. Тебя сожрет клятва, которую ты не выполнил.

Звук пощёчины и стук каблуков мы с Эйтой уже слышали, удирая от двери и прячась в темноте одной из ниш.

Мимо нас фурией пролетела вдова, оставив после себя шлейф из приторных духов и ненависти.

– Я за ней прослежу, – цокнула белка. - Ставлю на то, что это она пыталась нас запереть в зазеркалье.

С этими словами Эйта ускакала следом за вдовой.

А я осталась в нише одна.

Вот так… я пошла искать Дрока, а нашла очередные неприятности. У Трола, оказывается, тоже был мотив – данное умирающему другу обещание. И кто сказал, что он не стал его выполнять? Просто кровник мог сделать это не столь очевидным, как у вдовы, методом. Не вызвать на открытый бой более сильного противника, а, скажем, устранить его жену.

Послышались тяжелые шаги: Трол тоже покинул комнату. Когда он поравнялся с нишей, я даже перестала дышать. Томительные мгновения, и… буря миновала. Кровник ушел. Я смогла выдохнуть и, выждав, сделала неосторожный шаг вперед. Половица заскрипела,и буквально тут же раздался хруст. Моя нога по колено провалилась в пол и застряла. А я замерла на миг, прикидывая плетения щитов, а заодно вспоминая самые убойные арканы.

Если вернется кровник, то я для него буду как запечённая утка на праздничном столе – бери и разделывай готовенькую. Миг. Второй. Третий.

Я сглотнула, когда вдали коридора послышались шаги, и приготовилась атаковать, призвав всю свою силу, но…

– Ди?! – окрик Дрока заставил руку дрогнуть. – Что ты здесь делаешь?

– Ищу тебя, – мой голос дрожал, с трудом удалось стянуть плетение обратно.

– В проклятой башне?

– Все вопросы к Касселроку, - недовольно отозвалась я. И почудилось, что замок на это фыркнул. Во всяком случае, эхо под потолком прозвучало очень уж похоже…

– Ди… – голос усталый. Родной. И руки, от прикосновения которых тело словно прошивали разряды молний. Лис помог мне выбраться, и, когда я наконец оказалась твёрдо стоящей на ногах, наши с темным взгляды встретились.

Дрок смотрел на меня. Неотрывно. Словно пытался запомнить облик до мельчайших деталей, черточек, о которых я и сама не подозревала.

– Ди… – Северный лис склонился надо мной. Его ладонь коснулась моей щеки, рождая воспоминания о поцелуях, которые горели на коже. И до безумия хотелось их повторения. – Я не прощу себе, если с тобой еще что-нибудь случится. Привезти тебя сюда… было ошибкой, – последние слова он выдохнул резко, словно шагнул с обрыва.

– Что? – возмутилась я.

– Я, когда держал тебя на руках – холодную, едва дышащую… Понял, что… демоны бездны, как сложно… – перебил он сам себя, выдохнул. В изнеможении потер ладонью лоб, словно мысли в его голове приносили ему физическую боль. И признался. В том, в чем темные не признаются никогда. - Ди, я люблю тебя. Ты – мое наваждение. Светлая. Невыносимая. Доводящая меня порою до бешенства. Я хочу, чтобы ты была жива. Поэтому к Бездне все. Я возвращаю тебе все твои клятвы. Ты свободна.

– А как же всадники? Они не станут…

– Я не приму их в Касселроке. Я вызову верховного на бой.

И по тому, как он это сказал, я вдруг поняла: у Дрока против полубессмертного нет шансов. Выйдя за ворота замка, он не вернется.

– Нет!

– Я попытаюсь выиграть время, передам место главы рода Борниру. И уже он…

– Ты же пытался всеми силами избежать этой войны?!

– Ди. Не надо. Мне и так тяжело дался этот выбор. Я не…

Он не договорил. Я его поцеловала. Сама.

Я не знала, что ждало нас через несколько ударов колокола. Покушение? Война? Встреча Всадников как гостей? Яд в моей чаше? Голова, нанизанная на пику? Дорога домой? Гадать было бесполезно. Да я и не хотела. Кажется, сейчас я не только поняла, но и приняла философию темных: жить одним мигом, потому что следующего может и не случиться.

Сейчас для нас с Дроком был важен лишь этот момент. Реальность осталась где-то позади. Мы чувствовали себя беглецами, правящими этим мгновением,и не думали о том, что будет дальше. От этого захватывало дух. Пламя. Свобода. Горный поток.

Мы целовались. Жадно. До изнеможения. Желание во мраке наших вен растекалось по телу первородным огнем, выжигая изнутри. Сплавляло воедино наши чувства, порывы.

Мне было мало Дрока. А ему – меня. Хотелось еще. Еще прикосновений, губ,тепла, ощущения обнаженной кожи.

Дрок подхватил меня на руки, не разрывая поцелуя. Я не заметила, как мы оказались в старой купальне, своды которой скорее напоминали грот… Демоны. Да это и был грот! А река, та самая, в которой я едва не утонула, как оказалось, протекала не только вокруг, но и часть ее потока – под замком. Поток врывался в природную купель и стремился дальше. А рядом было еще несколько чаш, от которых поднимался пар. Термальные источники? Так вот откуда в замке горячая вода и … Додумать мысль я не успела. Дрок меня снова поцеловал. Так, что я забыла все на свете. Даже собственное имя.

Моя рука потянула край рубашки темного, чтобы задрать ее, ощутить скрытую под тканью кожу,и… Дрок подхватил меня под ягодицы, прижав спиной к стене, буквально усаживая на себя и продолжая целовать. Я чувствовала его дикий голод. Его напряжение.

– Дрок… – выдохнула я, на миг оторвавшись и глядя на темного, моего темного, затуманенным взором. – Я хочу, чтоб ты был моим единственным.

Мое признание в любви заставило темного замереть.

– Ди, я у тебя первый? – не веря, спросил он.

Я нашла в себе силы лишь кивнуть. Если он остановится сейчас, я… я не знаю, что с ним сделаю. Причем несколько раз. А потом придушу его. Тоже несколько раз.

Дрок вскинул голову. Наши взгляды встретились. Его глаза были наполнены тьмой. И мной. И я поняла: он не остановится. Темный так же болен мной, как и я им.

Его губы прикоснулись к моей шее. Так нежно и страстно одновременно, что я всхлипнула и застонала, не вытерпев.

Дрок напрягся. Его мышцы на шее, плечах вздулись, выдавая: он сдерживается, сдерживается ради меня.

– Ди. Я хочу тебя. До боли. Ты мне необходима…

– Пожалуйста, Дрок…

Он был мне нужен. Этот темный не просто пульсировал в моей крови, он и был моей кровью. Моим дыханием. Я лихорадочно расстегивала его одежду. Прикасаясь. Целуя. Жадно. Горячо. Словно если не дотронусь до Дрока,то умру.

Мои ладони лихорадочно блуждали по его плечам, спине, животу, бедрам. И его руки – по моему телу. Эти прикосновения – дикие, порочные – заводили нас обоих еще сильнее. Хотя казалось, что больше уже некуда.

Мы балансировали на грани реальности и безумия. То, что происходило сейчас, было ярче самого смелого сна в том бездонном постоялом дворе на границе империй.

Наши поцелуи – как проклятия… До одержимости, до отметин на коже: мои ногти на спине Дрока, его губы на моей груди… Мы клеймили друг друга и желали еще.

Дрок подхватил меня под бедра, приподнимая, вжимая в себя. Я ухватилась за его плечи руками. Шаг. Второй. Третий. Плеск воды – и тело обдало жаром. Мы оказались в купели, вода в которой была чуть ниже плеч. Она бурлила, щекоча. Пар с характерным запахом подтверждал: Касселрок стоит на природных термальных источниках, в которых нашли выход не только водная, но и магическая жила.

Сила, которая не имела цвета магии, ни темного, ни светлого, была сырой. Она проникала в тело, наполняя его, пьяня. Но я была хмельной и без этой природной силы и не видела почти ничего вокруг. Только Дрока. Только его бездну глаз.

– Моя светлая… – Только после этих слов Дрока я, проведя рукой по своей шее, поняла: вместе с одеждой темный избавил меня и от амулета личины. Он, увидев этот непроизвольный жест, улыбнулся. Порочно. Обещающе. - Ты мне нужна, Ди. Прошу. Отдай. Мне. Себя. И прими меня.

– Да-а-а, – мой сорвавшийся стон, мое признание, прозвучав под сводами грота, отразилось эхом.

Бурлившая в источнике сила подхватила слова … То, что это была клятва, причем ритуальная, я поняла лишь тогда, когда нас окутало сиянием.

Дрок вжался своими бедрами в мои. Я почувствовала спиной камень купели, гладкий и теплый. Сильная мозолистая ладонь накрыла мою грудь, сжав затвердевшую вершинку. А затем темный склонился и втянул ее губами, вырывая мой стон. И Дрок тоже застонал.

Я обвила его руками, ногами, и темный вжал меня в стену купели. Он вошел. И мой крик, в котором были и боль,и наслаждение,и упоение, разнесся под сводами грота. Это было хорошо. Невероятно хорошо. До тьмы в глазах, до серебряных звезд на небе.

Я выгнула спину в попытке стать к Дроку еще ближе и откинула голову, подставляя шею под его поцелуи. Наши намокшие волосы прилипли к шее и лицу. А мои – ещё и словно щупальца медузы – ореолом растеклись по водной глади.

А я сама вцепилась в плечи Дрока. Потому что они были единственной моей опорой. Толчок. Толчок. Толчок. Еще глубже. Еще полнее. Еще сильнее. Я ощущала Дрока и то, как мы становимся единым целым. Как он наполняет меня.

Я уже не стонала. Я кричала в голос. Его имя. И он выдыхал мое.

Вода вокруг нас бурлила, вырываясь под сводами грота вихрями, расплескиваясь во все стороны. Мне слышалось ржание кэльпи, нёсшихся в бурных водах горной реки,и песня вьюги. Плечо ожгло. Но боль быстро ушла, сменившись ещё одним упоительным поцелуем.

Кажется, если бы сейчас грот обвалился, мы бы все равно не смогли остановиться. Мы любили друг друга. Яростно. Не размениваясь на обещания, не оглядываясь на запреты, не страшась грядущего.

Мы вздрогнули одновременно от спазмов наслаждения, пронзивших нас. Дрок навалился на меня, придавив гранитной плитой к стене купели. Так, что я не могла шелохнуться. Да и не хотелось. Я лишь опустила голову ему на плечо, широко улыбаясь.

ГЛАВА 10

Вода термального источника бурлила, согревая, а жила магического родника питала силой, даря покой и умиротворение.

– Что будет дальше? - спросила я и почувствовала, как рука Дрока прикоснулась к моей мокрой макушке и начала медленно гладить.

– А что бы ты хотела? - провокационно спросил северный лис.

И так он задал этот вопрос, что невольно вспомнилась поговорка: из двух зол темный предпочтет то, которое ещё не познал. Но и то только в том случае, если отказаться от выбора совсем нет никакой возможности. А избегать ультиматумов дети мрака умели виртуозно. А еще они были мастерами обмана.

– А какие есть варианты? – вопросом на вопрос, в духе расчетливых гномов, вопросила я и попыталась отстраниться, чтобы посмотреть Дроку в глаза. Но единственное, что получилось, - лишь вскинуть голову. Наши взгляды все же встретились. А я вдруг почувствовала, что в гроте вообще-то зверский холод, который ощутимо покусывал плечи. Так что высовываться из источника не хотелось. Совсем наоборот – погрузиться в теплую воду по подбородок.

– Я могу один выйти за ворота замка. Потому что если я выйду вместе с тобой встречать всадников как гостей, то покушения на тебя продолжатся. И однажды я могу не успеть. Не успеть найти предателя. Не успеть тебя спасти. А тебе в этот же самый раз изменят ловкость и везение…

– Поэтому ты и хотел отправить меня обратно, домой? - Вопрос едва не застрял комом в горле.

– Да. – Признание упало камнем. – Ди, до встречи с тобой я без раздумий был готов пожертвовать любым ради Северных земель. Но сейчас… Ты мое слабое место.

– А у Хозяина Бурь такого быть не должно? - горько усмехнулась я, взглянув с вызовом.

– Ди, при чем здесь это! – вскипел Дрок. - Хозяин Бурь – это не переходящий титул вроде ваших наместников уездов. Хозяин Бурь – это тот, кто сумел укротить стихию. Встал против снежного шторма и победил. Взял его силу и отдал взамен свою.

При этих его словах мета, та самая, на которую я обратила внимание ещё утром в таверне, словно вторя словам темного, пришла в движение.

– Но ты же говорил, что для тебя важен мир. - Я прищурилась. – Ты же только ради этого мира на мне и женился.

– Да. Мне предпочтителен мир. Потому что противостояние опустошительно. Да, я взял тебя в супруги лишь потому, что Всадники не ведут переговоров с тем хёдвигом, у которого нет жены. Да, когда мы сочетались браком,то думал, что это позволит мне заключить с всадниками договор. А потом я найду предателя, возьму ведьму с сильным даром, уже не опасаясь, что ее попытаются уничтожить,и…

– И? - опустошенно прошептала я.

– И встретил тебя, Ди.

Я закусила губу. Дрок давал мне выбор, но выбор в истинно темном духе: жизнь или кошелек? Как будто одно без другого имеет интерес.

Пробыв в замке не столь уж долго, я все же успела понять: Касселрок и война – за те несколько тысяч лет, что стоит замок, – эти слова стали синонимами. Война была здесь всегда…. Она будет всегда. После первой битвы всегда есть следующая… Северные земли – это ворота, охраняющие мир и покой в Темной империи. Северяне не пускали Всадников южнее. Никогда не пускали.

И если я соглашусь с Дроком и покину замок,то спасу свою жизнь. А шаткий мир, зиждущийся на дипломатии и готовности подчиниться законам Дикой охоты, падет. Но что будет с самим темным? Судя по его решимости – он костьми ляжет, причем в самом прямом смысле этого слова, но не пустит врага в замок. Наверняка погибнет.

А если я не уйду, то непременно умру сама. Потому что вариант убить меня на глазах всадников – лучше не придумаешь. И кто бы из Стоунов ни замыслил отомстить Дроку, это будет идеальный вариант.

Мы смотрели неотрывно друг на друга. Не произнося ни слова. И меж тем словно ведя диалог.

«Это тяжелый выбор», - беззвучно кричала я.

«Это возможность выбора. Оборотная сторона истинной свободы, которой нет у светлых», – словно отвечал мне Дрок.

Я сглотнула. Понимая и принимая истину: если я полюбила этого невозможного темного,то должна принять и суть его темной натуры. И быть готовой, как и он, заплатить цену за свободу выбирать.

– Я никуда не уйду. - Мы оба с темным были упрямцами.

И поцелуй, последовавший за моими словами, получился таким же. Настойчивым, яростным. Прикосновения Дрока обжигали. Мне показалось, что внутри меня взметнулся пожар. От земли и сразу до самых небес.

Губы темного. Жёсткие,требовательные. Они заставляли подчиняться, делая меня податливой, покоряя, лишая воздуха и меня,и самого темного. Это был поцелуй-признание. Словно Дрок хотел насытиться мной. Запомнить навсегда этот миг. И сделать так, чтобы и я его никогда не забыла.

Когда мы оторвались друг от друга, мой взор был затуманен. Ноги не держали.

– Если ты решила остаться со мной,то тебе как минимум нужно переодеться. - С этими словами он подхватил меня на руки и вынес из купели.

Холод вновь куснул за плечи, но и только. Тепло темного пламени окутало нас обоих, высушив. Впрочем, я не стала обольщаться и быстро облачилась в платье. Вот только когда потянулась за амулетом личины, рука темного опередила мою. Дрок сжал украшение, и оно брызнуло тьмой, а затем из сжатой мужской ладони посыпался песок.

– Ты – моя жена. Отныне настоящая и единственная. И я хочу, чтобы все видели твой истинный облик.

Я же представила себе сцену повторного знакомства со Стоунами: «Знакомьтесь, это Ди, которая Лорелея. Прошу любить, жаловать и не пытаться убить», – и чуть не застонала.

– Идем, Всадники будут совсем скоро, - поторопил меня Дрок.

Коридоры, переходы, галереи, залы… Я сама не заметила, как темный пронесся по ним ураганом, увлекая меня за собой следом. А вот когда мы оказались в его спальне,то я, переодеваясь из изрядно помятого и слегка грязного платья в чистое, услышала:

– Ди,ты же знаешь, что я темный… – С этими словами он захлопнул дверь, контур которой тут же вспыхнул тьмой.

И я с запозданием поняла, что меня заперли! Обманули. Выбор?! Ха! Он был лишь иллюзией. Обманом. Темный все решил. Сам. И умирать собрался сам. Без меня!

Я ударила кулаком о дубовые доски. Руки сразу же заныли. И не столько от самого удара, сколько от запирающих печатей, ожегших кожу.

– Я не хочу тобой рисковать, - был мне ответ.

Последовавшие за ним удаляющиеся шаги без слов говорили: кричать, угрожать, умолять – все это бесполезно. Потому что просто некого.

Дрок. Демонов темный. Бесит! А его логика… Да она убивает во мне всю культуру речи. Так что выражаться хочется цветасто, но исключительно бранно.

Я, так и оставшись в одной нижней рубашке, повернулась спиной к двери, оперлась на нее лопатками. И мой взгляд упал на окно. Вот только и оно оказалось запечатано. Причем, в отличие от первого раза, когда мы с Эйтой выбирались из спальни, охранные заклинания ныне стояли как от проникновения, так и от попытки выбраться наружу. Взгляд метнулся к вентиляции, но, увы, мышью я не была. А пролезть в воздуховод диаметром с яблоко могла только разве что полевка.

Я уже подумывала, а не разобрать ли половицу, шарахнув по ней магией, когда с улицы раздался лязг. Поднимались ворота. Я, прильнув к окну, видела, как решетка перед барбаканом медленно ползет вверх, поднимая свои зубья от мощеного булыжника. А перед ней на коне, сотканном из бурана, сидит Дрок.

На нем не было шлема и полных лат, лишь перекинутые через спину ножны с двумя мечами, наплечники и кольчуга, почти скрывавшая льняную рубаху. Кожаные штаны и высокие сапоги, в голенищах которых, зная темных, наверняка были припасены пара метательных звезд или короткий кинжал. И все. Даже щита у седла не было приторочено.

Вот только в Дроке что-то неуловимо изменилось. То, как он держался, как двигался… Словно перед воротами был не человек – снежный барс, в котором под теплой шубой и не заподозришь костей. Хозяин Бури. Владетель северных земель. Сейчас он готовился выйти к всадникам, не кланяясь в пояс обычаям Дикой охоты. Дрок решил говорить с ними на равных. На языке силы. Вот только каждое слово в этой беседе зазвенит заклинаниями, сталью и смертью.

Я как наяву увидела битву, удары, росчерки мечей и тело, распластанное на снегу в кровавом ореоле. Светлые волосы и меч в мертвой руке. Дрок был отчаян, как и все темные. Готов защищать то, что ему дорого, как и все темные. И умереть в любой момент, как все темные.

Вот только я-то была светлой! И не хотела терять того, кого люблю!

С кончиной темного все печати и охранные чары падут, и тогда я смогу выбраться из комнаты. Однозначно нужно будет уходить из Касселрока, потому как светлой чародейке без личины в замке темных не место. Горько усмехнулась: лис и тут все рассчитал, оставив один путь – обратно домой, уничтожив амулет с личиной Лорелеи. Обо всем позаботился. У-у-у. Наверняка у метелковязи и на чем улететь мне оставил. Гад. А сам ушел на смерть. Сам. Добровольно. Разменяв свою жизнь на мою.

Подумала и… усмехнулась. Кажется, я начала мыслить как темная. А ещё мне, как истинной дочери мрака, захотелось придушить Дрока, решившего все за меня. Спасти, а потом придушить. Найти некроманта, воскресить и ещё раз придушить.

Вот только как это сделать? Прислонилась лбом к стеклу и взвыла.

Думай, Ди, думай. Иначе еще немного – и биографии Дрока конец. Как пробить заслон сильного заклинания? У меня самой сил и опыта явно маловато. А что, если…

– Эйта. Где ты? - завопила я. - Я знаю имя того, кто отправил нас в зазеркалье.

Призыв, усиленный ментально, в отличие от иных чар, прошел сквозь охранный контур. И плевать, что я понятия не имела, кто на самом деле покушался на меня с рыжей. Блефовать – так по-крупному. Зато пушистая сможет меня вызволить. Наверно. Надеюсь.

Она появилась не сразу, в клубах то ли муки, то ли детской присыпки, с бутылочкой в руках и истошным возмущенным криком из-за спины. Причем несчастный вопил так, словно его как минимум бросили умирать одного в страшных мучениях.

– Дорогая,ты куда-а-а?!

Впрочем, портал тут же за белкой захлопнулся, и она с облегчением и радостью воззрилась на меня.

– Ну наконец-то. Спасибо за призыв, – в сердцах выдохнула она.

– Ты же за Мрот следить отправилась? - как ни кипела я жаждой мщения Дроку, вопрос вырвался сам собой.

– Угу. Оправилась к Мрот, а очутилась по итогу дома с детьми. Это называется: оставь мужа дома одного с ребенком. Точнее, с дюжиной, - исправилась белочка. - Тут же истерика, паника и угрозы уйти на войну добровольцем, дескать, там гораздо спокойнее и безопаснее, чем с этими сорванцами,и ультимативная просьба возвращаться скорее. Вот… пришлось отлучиться ненадолго. - И уже более деловым тоном добавила: – Ну и кто он, наш смертник?

– Пока что Дрок, - мрачно отозвалась я. И вкратце обрисовала ситуацию: надо спасти темного, иначе не поймаем того, кто отправил нас в зазеркалье. А этот лис ощипанный не дает мне поработать наживкой. Запер.

Да, в моей версии логика хромала на обе лапы, а несостыковки проскальзывали, как седина в чёрной лисе, но иного придумать не удалось. Белка испытующе на меня посмотрела и уточнила:

– А тебя точно попытаются убить?

– Обязательно, - заверила я, соблазняя Эйту вендеттой в рыбацком стиле «ловля на живца».

Больше разговоров не было. Зато действий – хоть отбавляй. Но Дрок запер меня на совесть. Заклинания отражались от стен так, что даже Эйта была готова опустить лапы, но…

– Если нельзя вышибить дверь пульсаром, то, может быть, удастся просто выбить? – вопросила рыжая. – Против чар-то он полог поставил. А против грубой силы – сомневаюсь.

Я тут же представила, как мы с белкой несемся на дубовые доски с таранным бревном наперевес.

Впрочем, сказать ничего не успела, как Эйта начала увеличиваться в размерах. Достигнув роста годовалого бычка, рыжая ринулась на приступ. Дубовые доски прогнулись, но выдержали. Рыжая же охнула и заключила:

– Гад!

Я была с ней полностью согласна. Эйта вновь уменьшилась в размерах и села, потирая ушибленное плечо. Зато мне пришла в голову идея. Маг воды я, в конце концов, или нет? Пошла в смежную со спальней ванную комнату и решительно открыла краны на полную.

Не знаю, пробовал ли до меня кто-нибудь из магов призывать кэльпи по водопроводу, но если учесть, что забор здесь прямо из бурной горной реки, а не из скважины или тихого озерца… Пентаграмму рисовала морозными росчерками прямо в воздухе, напитывая ее силой. И как только последняя руна вспыхнула, впитывая мою силу,трубы загудели, лопаясь. Пол тут же залило. Но главное – я услышала среди шумящих потоков конское ржание. Есть. Я его поймала.

Эйта, не понимая, что происходит, запрыгнула мне на плечо и ошалело таращилась на то, как я управляю водными потоками и…

Коня я нашла отличного. Сильного, мощного. Под его шкурой перекатывались неукротимые горные потоки, что брали начало в вечных льдах и бешено неслись по скалам к водопаду, опрокидываясь с утеса в море. Такому зверюге вышибить дверь задними ногами – раз плюнуть. Безо всякой магии. Главное, чтобы при этом кэльпи не зашиб самонадеянную чародейку.

– Хороший коник, хороший… – Я подошла к воплощению дикой водной стихии, как вор к драконьей сокровищнице – тихо и аккуратно. – Ты же мне поможешь?

Судя по морде жеребца, он был готов сделать что угодно, кроме помощи. Он возмущенно фыркнул.

Ему вторила Эйта, сварливо произнеся:

– Сразу не могла призвать?

– Я не думала, что это возможно. Их, вообще-то, опытные маги ловят, причем минимум по трое. И не через кран, а у открытой быстрой воды. Хотя лучше и вовсе на побережье.

Конь, возмущенный таким к себе отношением, заржал. Я же, поманив его в спальню, не с первого раза, но таки сумела подвести его к входной двери. И даже поставить «кормой». Вот только наш таран напрочь отказался выбивать что бы то ни было и стоял возмутительно смирно.

– А, да чтоб тебя! – крикнула белка и… ее когти вонзились в филей кэльпи.

Конь, хоть и был водным, отреагировал как обыкновенная лошадь: заржал, встал на передние копыта и что есть силы лягнул на покорительницу. Дверь не просто слетела с петель. Она разлетелась в щепки.

А вот я как-то мигом поняла, что самое безопасное место, чтобы тебя не затоптали, - на спине взбесившейся водной твари. Аркан лег в руку сам собой. И через миг я очутилась на коне. И даже, к своему чуду, не задом наперед. Белка уже сидела на лошадином крупе, вцепившись в репицу хвоста.

Мы так и понеслись по замку. Я – в одной белой нижней рубашке, которая хоть и была целомудренно длинной, ниже середины бедра, но тонкой. Так и не успела приодеться толком. Платье-то, когда мы пришли в спальню с Дроком, снять успела. А вот поменять его на другое – нет. А потом и вовсе стало недосуг.

Я только и успевала пригибаться к струящейся водой конской гриве. А кэльпи, кажется, не признавал особо, где пол, потолок или стены. По лестнице мы пронеслись, сметая все и вся на своем пути.

Огненный дар внутри меня бунтовал, вырываясь языками пламени на пальцах и кончиках волос. В холле конь, не сбавляя ходу, решил, что через двери он уже выходил,и ничтоже сумняшеся сиганул в окно, выбив собой – и мной заодно – витраж. Мы оказались в замковом дворе и понеслись во весь опор к воротам, решетку которых уже начали опускать.

Белка стягом болталась сзади, клацая зубами:

– Да-вай над-дай! Нас до-го-ня-ют!

Я сначала не поняла, кто нас может настигать, но на свою беду обернулась. Вот зря! Я думала, что беда – это когда приходит Эйта. Или Хель с косой… Так вот. Я решительно обшибалась. За нами прямо во дворе открылся портал, а из него, как горох из худого мешка, начали сыпаться бельчата!

И все – с маленькими рожками. И с криками «мама!», «коник!», «хочу!».

Грозный «коник» от такого внимания тоже ошалел и не просто помчался – ветром понесся вперед.

Мы пролетели под зубьями в последний момент. И то я распласталась на шее кэльпи, чтобы меня не задело. Вот только для беличьей ватаги решетка оказалась не преградой. Они с радостным писком, визгом и небывалой прытью мчали следом.

– Кто это? – ошалело крикнула я.

– Мои д-д-дети! – все так же болтаясь на конском хвосте, просветила меня Эйта и добавила: – Ну му-у-у-женек. Не мог хоть нем-м-много с детьми один п-п-посидеть!

Судя по энтузиазму рыжей мамочки, с каким она улепетывала от чад, белка тоже считала, что дети – это вообще здорово, прекрасно и даже спокойно, но только если удалось от них вовремя удрать.

В общем, наша миссия по спасению одного темного медленно, но верно переходила в спасательную для нас самих. И я даже уже почти не боялась Всадников Дикой Охоты. Подумаешь, какие-то там полубессмертные мужики.

Когда за тобой с криком: «Верни маму и отдай коника!» – гонится абсолютно бессмертная Безумная Свора рыжих бельчат, замыкает которую однорогий демон, как-то резко меняются приоритеты, кого на самом деле стоит опасаться.

Мы нагнали Дрока, когда он в одиночку уже почти приближался к всадникам. Те восседали на своих лошадях, обнаженные по пояс. Лишь у некоторых на широких плечах были наброшены шкуры. И то скорее чтобы не согревать, а показать статус. Волосы всадников были всех оттенков льда. От искристо-снежного до тяжелого синего. У одних – собранные ремешком. У других – ниспадающие на плечи. Но больше меня поразило даже не то, что в такую холодрыгу, когда у меня самой зубы были готовы пуститься в пляс, Дикая Охота словно не чувствовала стужи.

Больше всего меня поразили узоры на теле воинов. Синие, они покрывали вязью руки, грудь, живот. Татуировки были подвижны, как змеи, собравшиеся в клубок. Перетекали друг в друга. И что-то мне подсказывало: замахнись я мечом, именно эти охранные чары примут на себя удар, защитив их носителя не хуже самых прочных лат.

На меня смотрели суровые лица, словно вытесанные из белого мрамора. Угрюмые. Безбородые и бородатые. Прямые носы, разлеты бровей, поджатые губы, мороз во взгляде. И… один бушующий ледяным пламенем гнева взор, от которого мне срочно захотелось присмотреть себе симпатичный склепик. Причем смотрел так на меня мой дорогой супруг. Смотрел прицельно и исключительно бранно. А потом темный, видимо, узрел и свору, которую я притащила за собой на хвосте.

Я думала, он будет метать гром и молнии, но я лишь услышала:

– Ди… Зачем?

– Как зачем? Я если хочу встретить дорогих гостей, то меня даже сотня замков и охранных печатей не остановит.

Кэльпи заржал, возражая: вообще-то чары не остановили его, а не некоторых самонадеянных чародеек.

– И вообще, не мешай, любимый. Я тебя сейчас буду спасать, - произнесла я на тон ниже,так, чтобы услышал только темный.

Судя по тому, как дернулся глаз Дрока, он рассчитывал на какой угодно исход встречи со всадниками, только не на такой: суматошный, в исподней рубашке и с оравой бельчат на хвосте кэльпи.

– Спас-с-сибо… Спас-с-сительница… – прошипел мой темный, которого я так любила, что хотела одновременно и спасти,и придушить. И даже не знала, чего в данный момент больше. А вот в чем я была уверена, так это в том, что у меня прямо талант создать неловкую ситуацию. Я бы сказала, на все двенадцать баллов по шкале из десяти.

И тут нас наконец настигли бельчата. Они были как стихия. Лавина. Волна. Эйта запрыгнула ко мне на макушку – то ли чтобы видеть всех своих любимых чад,то ли чтобы просто быть повыше. Правда, детей это не смутило. Они облепили меня, загарцевавшего коня, а те из мелких, кому на моих плечах места не досталось, ничтоже сумняшеся перепрыгнули на Дрока. А что? Дядя большой, незнакомый, новый, ни разу не игранный. Грех не воспользоваться!

Дрок на это ничего не сказал. Даже отцеплять парочку пушистых наглецов от гарды меча не стал.

Лишь обреченно обернулся к Всадникам и произнес:

– Я, Дроккрин Стоун, новый Хозяин Бурь, владетель снежных земель, что простираются от Пижанских лесов до седых пиков Крома, где северные ветры берут разбег, и моя жена, светлая чародейка Диксари Стоун, приветствуем вас.

– А я, если кто не узнал, я Эйта, Госпожа Безумия, – сама представилась белка, держа за шкирку одного из своих сорванцов. Тот, поджав к брюшку меж задних лап ещё куцый, серенький, а не пушистый и рыжий, как у матери, хвост, чуть втянул голову в плечи, видимо осознав: мама рассердилась. Пора начинать пугаться.

– Кто ты такая, нам известно, – голос Всадника был холоден. - Другой вопрос: что ты здесь делаешь, дочь вечности?

– Что? – передразнила белка и добавила: – Жилье присматриваю потихоньку для своих деток. – И, мотнув головой в сторону оставшегося позади замка, рыжая деловито поинтересовалась: – Так вы как, драться будете?

– Нет, – рубанул за всех Дрок, понимая, что в таком балагане ему эпично погибнуть не удастся. – Мы с женой вышли встречать друзей.

«Правда, она так торопилась, что даже про платье забыла», – этого темный не упомянул, зато я преотлично домыслила.

– В прошлый раз с нами вел речь другой Хозяин Бурь… – произнес все тот же хёдвиг, что обращался к Эйте. Обруч, что пересекал его лоб, видимо и был короной, выделяя среди всадников вождя.

– Я его сын. Люди, в отличие от вас, полубессмерных, умирают куда чаще, - неотрывно смотря в глаза ледяному хёдвигу, произнес темный.

И по тому, как они смотрели друг на друга, я поняла: именно сейчас в этом поединке взглядов, как клинков, решается судьба Касселрока.

Взгляд Вадника скользнул на плечо Дрока. Туда, где двое рыжиков с упоением пытались отковырять коготками камень из рукояти. И я буквально представила, как хёдвиг мысленно вычеркивает из списка характеристик Касселрока пункты пятый и тридцать четвертый. Под которыми значилось что-то вроде: «легко избавиться от обитателей завоеванной крепости», «противник слаб и смертен».

Вождь Дикой Охоты наконец кивнул. Без слов говоря: быть миру. И тут оживилась Эйта.

– Ну тогда чего же мы стоим? Пойдемте в замок! Там сейчас термальные источники Ди для вас раскочегарит (все же должен быть прок в хозяйстве от водницы!), опять же поросеночка и курочку за-ради вас заколем…

– Рыжая, – шикнула я, – ты чего несешь?! Какие, к архам, курочки? Ты их этим собралась уговаривать?

– Ди, не мешай дипломатии, - так же на ультразвуке ответила Эйта. - Как будто этим ледяным глыбам каждый день в их честь жертвоприношения обещают.

– Это скорее жратвоприношение, – уточнила я.

– Да какая разница: жертво или жратво? По их рожам не поймешь, какой голод их больше мучает: простой или от чувства собственного величия. И вообще, светлая, - психанула Эйта, – уговаривай их сама, раз такая умная и пока живая, – фыркнула белка под конец и язвительно добавила: – И, между прочим,ты тут такая вся хорошо простреливаемая стоишь…

К чему клонит пушистая, я смекнула. Дрок не зря всеми силами старался меня сюда не пустить. Выбравшись из замка, я добровольно стала живой мишенью. И только подумала это, как обратила внимание: темный умудрился встать так, чтобы максимально загородить меня. Защитить собой от любых выстрелов болтов и пульсаров.

И точно так же оберегал весь тот путь, что мы следовали от снежной пустоши до замка. Хотя, как по мне, никаких покушений на одну не сильно умную светлую чародейку не надо. Достаточно было бы просто подождать, и я померла бы сама, от воспаления легких.

Об этом я думала и когда кони стучали копытами по опущенному мосту,и когда мы проезжали длинную каменную арку барбакана,и когда натужно скрипели цепи, поднимая решетку со стальными четырехгранными прутьями.

Я промерзла основательно. Даже согревающее заклинание, которым окутал меня темный, не

помогало. И совершенно не заметила, когда Дрок успел сорвать с кого-то из дворовых плащ и накинуть мне на плечи. Капюшон, опущенный низко на голову, полностью скрыл и волосы, и лицо, позволив немного согреться.

Мы остановились у крыльца. Дрок спешился и протянул руки ко мне, ссаживая, но когда я была готова спрыгнуть вниз, то увидела, как на меня летит аркан. Смертельный.

Создавший его имел минимум восьмой уровень дара. Вот только это должен был быть светлый дар. Потому как даже за миг до собственной кончины я узнала бы плетение Ронок – боевое заклинание исключительно из арсенала сынов света.

– Еть твою ж….! – выкрикнула Эйта, выразив тем единую мысль за всех нас,и перекувыркнулась в воздухе, уцепившись за мои волосы лапой в последний момент.

А все потому, что у кэльпи оказалась, судя по всему, уж очень тонкая душевная организация. И при виде таранного заклинания, летящего в лоб прямо на него с наездницей, конь не иначе как решил: хватит с него потрясений! И пока водную лошадку не размазали по сугробам, пора уносить копыта. В общем, эта зараза меня скинула.

Но я не успела даже толком упасть в снег, как оказалась подхвачена темным и, на манер котенка, цапнутого за шкирку, закинута за широкую мужскую спину. Дрок же, в отличие от белки, на слова не разменивался: пока перед моими глазами проносилась вся моя жизнь, муж одной рукой поймал меня, а второй успел выставить щит. В него-то и ударило заклинание.

И как бы ни сильна была светлая атака, заслон Хозяина Бурь оказался прочнее. Хотя Дрока и шатнуло, но он устоял. Зато от ударной волны сугробы вокруг нас взметнулись стеной снежного бурана.

Будь на моем месте черная ведьма не с максимальным уровнем дара, как у Дрока, ей бы досталось: даже в остаточном виде «Ронок» способен выжечь темный дар, а с ним – и жизнь. Темную бы просто смело, размазало.

Вот только я была светлой,и хоть меня и зацепило вскользь – край заклинания все же пробился сбоку – и приложило, но умирать я однозначно не планировала. А вот отомстить…

Разрозненные фрагменты замелькали в моем мозгу, складываясь в причудливую мозаику. У темного было много врагов. Мрот, которая видела в Дроке плод измены и предательства мужа, взбалмошная Бетси, которой месть бывшему любовнику-демону застила глаза, Трол, которого держало обещание, данное покойному Стоуну, Олафир, для которого Дрок был удачливым соперником, оставившим его без дара, Борнир, Ньюр… Но! Все они были темными. Тем-ны-ми. И не могли активировать «Ронок».

Кем же являлся тот, кто имел доступ к тайнам Касселрока? Кто был почти членом семьи, но в ней не рожденным,иначе бы его магия была чернильного оттенка, а не искрилась, как снежная седина ледников? Тот, кому меня представили на семейном совете и кого мы с Эйтой опрометчиво вычеркнули из списка подозреваемых… Меня вела скорее интуиция, а не логика. Не знаю, чем руководствовались Дрок и Эйта, но выдохнули мы почти одновременно:

– Шон! – мое потрясенное.

– Шпион, - вердикт темного.

– Хмырь вдовы! – белка была самой точной.

И рыжая же взвыла сиреной:

– Ар-р-рмоя-трий,твою жену тут обижают!!! – И Эйта даже подробно и матерно уточнила, кто именно.

Дрок ринулся было в замок, но его со словами:

– Щас принесу! – опередил демон с обломанным рогом, который, двинувшись в Касселрок, попутно отцепил от себя последних висевших на нем бельчат.

Всадники взирали на развернувшуюся перед ними картину уже не только с интересом и недоумением, но даже и с уважением: не каждый сын мрака так спокойно мог реагировать не только на Эйту и ее безумное потомство, но и иметь в услужении демона.

А у Хозяина Бурь не то что страха при виде этих бессмертных не было. Даже ни единый мускул на лице темного не дрогнул.

Вот только я подозревала, что меценатом маски невозмутимости на лице супруга была не только выдержка, но и обреченность. Когда он назвал меня перед всадниками своей женой,то я поняла: он

принял меня со всем моим ненормальным табором, что шел к сомнительной светлой довеском. Хотя при этом прекрасно осознавал: с такой женой будет не просто. Далеко не просто. И речь не столько о моей шебутной семье СВЕТЛЫХ магов, долгах рода Флейм, сколько об Эйте. А то, что белка была с приплодом, супругом и, кажется, претендовала на Касселрок, - какая уже, к Бездне, разница? Дрок… смирился. И, невзирая на это все, назвал своей. Хотя это и означало, что отныне о спокойствии можно забыть. И именно это его равнодушие Всадники и приняли за невозмутимость.

Только я успела это подумать, как перед нами явился демон. Причем не один, а таща за шкирку любовника Мрот. Шон, судя по его помятому виду, сопротивлялся. И отчаянно. Но против демона оказался бессилен. Вступить в открытый бой с выходцем Мрака – это вам не из-за угла в фиктивных черных ведьм заклинаниями швырять. Такому попробуй нахами – выходец бездны и обматерит в ответ. В лицо плюнешь – получишь плюху. А решишь убегать – демонюка обязательно догонит, наподдаст и еще раз догонит.

Но, видимо, Шон,или кем он был на самом деле, не предполагал, что все так обернется. И вытрясать из него душу будет сам бессмертный. Любовник Мрот посчитал, что моя смерть и последующий за ней бой Дрока со всадниками, которые уверятся, что тот, кто допустил гибель своей жены у них на глазах, не достоин вести переговоры… – что все это оправдывает его риск. Да и готовить тщательно продуманный план у этого хмыря времени не было. Вот он и применил свою магию. Свой настоящий дар.

Дрок и Ар-р-моя-трий выбили из пойманного не только эти признания. Правда, не сразу. А уже после того, как Всадники, впечатлённые силой нового хозяина Касселрока, у которого квартировали Эйта с детьми, а демон был чуть ли не на побегушках, покинули замок, не иначе как заключив: с такими воевать себе дороже.

Правда, прийти им к этому заключению, помогла… Эйта. Случилось сие событие, когда вождь Дикой Охоты, встав из-за стола, окинул Дрока задумчивым взглядом и произнес:

– Что же, новый хозяин Касселрока,ты силен. И достоин того, чтобы вести с тобой беседу.

– И ты, хёдвиг, достоин того, чтобы я посчитал тебя равным для беседы, – произнес темный.

Всего одна фраза, но ей Хозяин Бурь без обиняков дал понять: он ведет эти переговоры не из страха. Ныне северные земли сильны. И если Дикая Охота решит обнажить под стенами Касселрока свои мечи, они и станут их надгробными крестами. Но Дроку предпочтителен мир.

Хёдвиг и темный. Они стояли рядом. Друг напротив друга. Два сильных противника. Равных противника. И если они сойдутся – содрогнется земля. От холодных Шумерлинских топей южного Хорса. Дрогнет Серебряный хребет.

Но сила бойца не только в том, чтобы скрестить клинки и победить. Настоящий воин тот, кто сумеет одержать победу, не развязав войны. Сохранить мир и при этом не отступить.

Я сидела на своем месте не шелохнувшись. По моей спине, по ложбинке позвоночника стекла капля холодного пота. И замерла в зале в этот миг, кажется, не я одна. Все. И даже воздух закаменел, отказываясь проталкиваться в легкие.

Переговоры… Только сейчас я поняла, что они – самый сложный способ демонстрации силы.

– Ну архов сын! – грянул хёдвиг на весь зал и… захохотал. – Давненько я не слышал подобного. Да что там давненько. Никогда. На равных от смертного… но и таких смертных я ни разу не встречал.

– Конечно, не встречал, - встряла Эйта. - Кто ещё из смертных может предложить тебе не только мир, но и в жены бессмертную супругу?

– Это какую? - не понял вождь.

– Да хотя бы дочку мою. Старшенькую. Как подрастет. – И пушистая мамаша прошлась по фигуре хёдвига оценивающим взглядом.

Вот почему мне показалось, что одна рыжая под шумок решила пристроить одну из своих шустрых деточек? Вот ведь… практичная!

– Моей Эпидемии скоро женихаться пора будет… – меж тем вещала белочка. – Почти девица. А ты мужик видный, в зятья бы мне сгодился.

Судя по взгляду хёдвига, себе без тещи-белки он сгодился бы куда лучше. Но бессмертной Госпоже Безумия даже отказывать нужно дипломатично. Эйта же, видимо что-то почуяв, как матерый купец, предложила на выбор товар поплоше, чтобы «покупатель» точно согласился на первый вариант.

– Ну не хочешь бессмертную,так у меня ещё пять невест простых есть. Человеческих. На выбор. Все водницы…

Я закашлялась, поняв, что тут только что на развес начали торговлю девицами рода Флейм. И точно:

– Вот. - Эйта торжественно указала обеими лапами на меня. - Все пятеро ее единокровные сестры. Правда, смертные. Но зато женился, овдовел и свободен. Если повезет… Скажу по секрету: эти светлые чародейки дюже живучие. И до преклонных лет дотянуть могут. Ну зачем тебе жена-старуха? Так что лучше мою девочку…

– У меня уже есть одна супруга, - хёдвиг все же решился оборвать фонтан беличьего красноречия.

– А твои воины? Неужто ни одного холостого не завалялось? Не поверю!

Всадники, не ожидавшие того, что военные переговоры стремительно превратятся в смотрины, причем даже не невест, а женихов, как-то сразу подобрались. Видимо, холостяков среди них было все же изрядно.

Зато мирный договор, скрепленный кровными клятвами, вообще заключили в рекордные сроки. И что-то мне подсказывало, что воины льда заглянут в Касселрок еще не скоро. Гораздо позже, чем обычные пять лет. Причем среди них наверняка не будет ни одного свободного. А то мало ли… Приедешь вот так… Холостой, овеянный легендами и бранной славой,и вместо битвы получишь белочку в тещи!

А вот когда Дикая Охота покинула Касселрок и Стоуны перестали изображать, что все идет как надо и светлая среди темных – это нормально и вообще в порядке вещей, я наткнулась на частокол взглядов. На меня смотрели с удивлением, недоверием и непониманием. Кто вообще эта девица и откуда она взялась? И почему Дрок называет меня своей женой?

Впрочем, надо отдать должное: держались родственнички долго. Только бабка Ньюр, кося на меня глазом, нет-нет да и пыталась проклясть меня за праздничным столом. Я отвечала ей благословениями в духе «чтобы вы были настолько здоровы, чтобы не только работать, но и спать за троих». Отчего бабуля периодически клевала носом, но мужественно боролась.

Борнир смотрел на меня оценивающе. Мрот – презрительно поджав губы. Олафир – неверяще, Трол – этот широко скалясь в хитрой улыбке. Бетси и вовсе по-детски дулась. Как будто я пообещала ей пирожное, а потом на ее глазах его сама и съела.

Но Дрок не спешил что-то объяснять. Его гораздо больше, чем недоумение родни, интересовал пойманный Шон, которого на время переговоров заключили в темницу Касселрока. А вот после того, как Всадники отбыли, Хозяин Бурь приступил к допросу.

К слову, на оном присутствовали все Стоуны. И там всех собравшихся ждали неприятные открытия. Как оказалось, под личиной любовника Мрот скрывался и вправду шпион. Шон, а точнее Шонариэль Элозийский, лучший разведчик не только Алжирраса, но и всех южных земель, получил четкое задание: сделать все возможное, чтобы в этот раз переговоры с Всадниками закончились войной. Причем не просто войной, а прорывом на юг и разрушением Касселрока.

– Но зачем? – выдохнула потрясенная Бетси.

– Я так полагаю, затем, что это ослабило бы всю нашу империю. На севере началась бы затяжная война с Дикой Охотой, в которой темные увязли бы, как демон в пентаграмме, - пояснил Дрок.

– И? – не поняла Бэт.

– И это позволило бы в лучшем случае светлым навязать Темной империи свои условия в обмен на помощь. Скажем, снятие торговых пошлин в обмен на военные артефакты. А то по условиям соглашения, которое мне удалось заключить в ходе дипломатической миссии в Светлые земли, Аврингрос был не очень удовлетворен размером налогов на вывозимые товары, - усмехнулся Дрок.

О худшем варианте – нападении и взятии почти без сопротивления того же Шойса, знаменитого портового города темных, - темный не сказал. Но все подумали.

– Значит, это был не твой личный враг, Дрок, а всей нашей империи и темного владыки, – глядя на шпиона, произнес Борнир.

– И мы пригрели его в замке… – саркастически заметила Ньюр и ехидно добавила: – А кто-то и в своей постели.

Мрот вспыхнула тьмой.

– Но-но… полно пенять на правду… – Ньюр от души наслаждалась. – Небось этот твой любовничек и кровь у тебя во время утех сцедить мог.

А я подумала, что не наверное, а точно. Иначе он бы не усыпил Касселрок. Сделать это можно только кровью истинного Стоуна. А темные просто так ею не разбрасываются. И достать оную мог только очень близкий… А любовник был к Мрот ну очень близко.

– И что теперь делать с этим… Убить? - вопросил Трол. Судя по его виду, он прикидывал уже, как это сподручнее сделать прямо тут, в подвале.

– Это непрактично, – хищно усмехнулся Дрок. - Светлые хотели им шантажировать нас. Что мешает сделать то же самое? Думаю, столичные казематы ему обрадуются…

– Кстати, о светлых, внучок, – каркнула Ньюр. - Ты ничего не хочешь нам сказать о своей жене?

– Да! – вставил посерьезневший Трол.

– Надеюсь,ты не оставишь эту… светлую, - Мрот выплюнула последнее слово, как ругательство, – в Касселроке? Ты же выкинешь ее отсюда?

– Свою жену? – холодно произнес Дрок. И я сразу ощутила, как заиндевело все вокруг. - И не подумаю. А те, кто не согласен с моим решением, могут отправляться следом за всадниками.

– Выродок! – рыкнула Мрот и в сердцах выкрикнула: – Ты стал Хозяином только из-за того, что моему сыну чуть-чуть не хватило капель эликсира!

– Эликсира? - переспросил ошарашенно Олафир. - Какого эликсира?

– Думаю, такого, из-за которого ты выгорел, – отчеканил Трол.

Пояснения не потребовалось. Выгоревший маг все понял и… шагнул ко мне.

– Я лучше останусь со светлой, которая готова ради тех, кто ей дорог, пожертвовать собой, чем с темной, которая, не задумываясь, пожертвует мной ради себя.

– Я, пожалуй, тоже, - огладив свои шикарные вислые усы, пробасил Трол.

– Знаешь, брат, хоть я тебя и ненавижу, но она, – Бетси кивнула в мою сторону, - мне жизнь спасла. Там, на крыше. Так что остаюсь. И обещаю, что кто светлую тронет, будет иметь дело со мной.

– М-да… – Борнир был задумчив. - Касселрок видел многое. Но светлую чародейку хозяйкой… Что ж, я не прочь на это посмотреть.

– Даже не знаю, что могло быть хуже. Отвратительная у тебя жена, внук, – подытожила, сморщившись, старуха Ньюр. – Но живучая… Всем темным на зависть. И где только ты ее откопал.

– В семействе Флейм, – отозвался на это Дрок. – Там еще пять таких же.

– Надеюсь, они не заявятся в Касселрок, - видимо, прикидывая масштаб разрушений, опасливо произнес Трол.

Побратим покойного Стоуна как в воду глядел. Мои сестрички заявились. Все. И даже бывшего алкоголика-гибискуса прихватили. Но это было пару месяцев спустя.

А в этот вечер замок покинули вдова Мрот (своим ходом) и ее любовник (спеленанный заклинаниями и путами – под надзором Борнира и Трола).

А вот Эйта, шумные бельчата и демон выдворяться и не подумали. Хотя им об этом намекали абсолютно все. Даже сам Касселрок.

Семейство бессмертных облюбовало себе заброшенное крыло, а из термальных источников устроило бассейны. Причем мелкие рыжики раскатились горохом по замку так шустро, что белка не успела поучаствовать ни в допросе, ни в выдворении: занималась отловом детей.

ЭПИЛОГ

За окном вечер опускался в морские волны, а Касселрок жил своей жизнью маленького сумасшедшего дома, обитателям которого, несмотря на ворчание, хорошо вместе. И он впервые стал самым надежным заслоном от Дикой Охоты без войны и навязанных условий переговоров. Потому что Всадники осознали: нужно ценить удивительные и счастливые моменты мира и спокойствия и, пока ненормальные обитатели Касселрока спят мирным сном, не стоит их будить.

– Знаешь, а так даже интереснее… – невозмутимо, как может это сделать только истинная мать, реагируя на крики и вопли своих чад, заявила Эйта, сидя в кресле у камина и поглаживая свое округлившееся пушистое пузико.

Рыжая была уже опытным бойцо… тьфу, родительницей. Это оказалась ее пятнадцатая беременность. А вот у меня намечалась только первая. Еще не сильно заметная, но Дрок уже был в курсе. Муж едва ли не вперед меня понял, что то купание в термальном источнике не прошло просто так. Его сила потянулась к моей, и… как итог, во мне сейчас было ее наследие. Он же наследник рода Стоунов.

Дрок безапелляционно заявил, что будет девочка. Дескать, он уверен.

На что демон печально хмыкнул, что он тоже шесть раз надеялся на мальчика. На седьмой уже перестал, но все равно работал над вопросом. Судя по числу бельчат – усердно. И вот на девятый раз у него получилось. И сразу тройня. Не знаю, правда, насколько многодетный демонистый папаша к тому времени был рад…

– Ты это о чем? – откладывая в сторону рукоделие в истинно темном духе – плетение демоноловки – уточнила я.

– О том, что без вас, домашних питомцев, деткам в замке было бы скучно. А так… развлечение.

Особенно деткам нравился Олафир. Такой симпатичный мальчик-зайчик... «Симпатичный мальчик» был сейчас наглядной иллюстрацией того, что зайчик задолбался, зайчик хочет убивать. Но стоически терпел. Зато от энергии Бетси порою шарахались сами рыжики. И прятались от юной темной экзорцистки под креслом-качалкой бабушки Ньюр, которая воспринимала их как правнуков. И даже (!) пока никто не видит, дабы не разрушить грозный образ старой черной ведьмы, сюсюкала с малышами.

Дрок же… он принял меня. С моим приданым, которое и состояло-то по большей части из долгов да пестрой шумной толпы родственников, от которой можно сойти с ума безо всяких белочек. А ведь сестры, когда узнали, что фиктивный брак перерос в настоящий и даже вскоре даст плоды, ринулись на Касселрок штурмом. И взяли бы его, на посрамление всей Дикой Охоте, если бы Дрок опять не принял удар на себя. На этот раз я не ринулась его спасать.

Для моего темного я была его светлой. Суматошной, внезапной, но любимой. Он так мне и сказал:

– Ди, я люблю тебя. Безгранично. И эта любовь – она как якорь, как камень, который может утянуть меня в самую темную Бездну. Но я люблю этот камень и не расстанусь с ним ни за что. Потому что без тебя, Ди, я жить не смогу. И даже не надейся, что я тебя отпущу.

И я тоже приняла Дрока. Таким, какой он есть. С его отвратительным темным характером, кучей родственничков, готовых в любой момент открыть охоту на полтергейста,и с его жутким умением признаваться в любви. Но я все же не теряла надежды, что когда-нибудь я услышу из уст темного признание в духе светлых: «Я люблю тебя, твои мечты, желания, чаяния чувства. Ты мне нужна…»

Спустя семь месяцев

– Как мальчик…и? – ошарашенно уточнил темный, когда ему протянули два попискивающих свёртка.

– Так, - пожала плечами повитуха в духе: «В этом деле гарантий не бывает». – Крепенькие, хорошенькие. С отличным даром черного пламени.

И если первая часть известия удивила Дрока, мечтавшего о дочурке,то вторая – уже престарелую лэриссу Флейм. «Второй раз в роду водников такой позор! Огненная мета!» – причитала она. «Зато пламя-то темное!» – в пику ей отвечала няня Бо. Ее активно поддерживала Ньюр.

Но добила трех старых перечниц Эйта. Белка умудрилась где-то откопать родовое дерево Флеймов не до трехсотого колена, а аж до великого исхода темных. И оказалось, что чистокровные водники Флеймы начали свой род от огневиков. Да что там! У истинных светлых в роду успели отметиться и дракон, и эльф, и даже некромант с пожирателем душ.

– Так что ваши правнуки могут быть и это… с крыльями,и с острыми ушами, – утешила пушистая, вручая мне генеалогическое древо – подарок мне на родины.

– Нет уж, следующих внуков пусть родят светлых! Без всяких острых ушей! – фыркнула Флейм-старшая.

– Темных! – встряла Ньюр. Она сидела в кресле и прижимала к себе урну с прахом Хённ, деморализуя светлую лэриссу Флейм морально. Числом черных ведьм (пусть некоторые из них уже и покойны) на квадратный локоть.

Бабуля деморализоваться не желала и шла в наступление.

Меж тем новорожденных взяли у отца и положили в колыбели. Удивительно, но близнецы при таком гвалте умудрились заснуть.

И только двое мужей обреченно стояли и смотрели на перемешавшихся Стоунов и Флеймов.

– Мои родные от меня отстали только с девятым ребенком, - поделился печальным опытом демон. - А так все требовали внуков и правнуков.

– Это ты сейчас меня так поддержал? - уточнил Дрок.

– Подготовил, - хмыкнул демон. – А вообще, давай махнем на нижний уровень Мрака. Отметим? Пока все тут хотя бы немного не стихнет. Первенцы же!

– Первенцы, - с теплотой в голосе подтвердил Дрок и добавил: – А давай!

Они провались в воронку. И только крик Эйты им вслед:

– Куда?! – разрезал гул голосов. – Ди, вот ведь… смотри-ка ты… спелись! – то ли восхищенно, то ли удивленно протянула рыжая.

Я лишь улыбнулась. Если описывать начало моего замужества в двух словах, то они будут: «За что?» И лишь теперь я поняла, за что именно. И на иное я бы никогда не согласилась. Потому что даже сумасшедшая любовь может пройти. Причем быстро. Но любовь двух сумасшедших – никогда.

***

От автора

Дорогие читатели!

Вот и подошла к концу пятая, но, искренне надеюсь, ещё не последняя история по миру Светлых и Темных земель. И мы еще вернемся сюда: заглянем в городок на границе болотных топей Хеллвиль, где вольно чувствуют себя и сыны мрака,и дочери зари, побродим по жарким улочкам Алжирраса, попадем на праздник урожая в Большие животинки, которые славятся крепостью своего первача и гонками на кабанах, с причала портового Шойса полюбуемся на игры морских драконов, и спустимся на плоту по стремнине Арринды.

А пока же хочу пожелать вам, мои дорогие и любимые читатели, чтобы каждая прочитанная книга приносила вам радость и светлые чувства, да и в целом, чтобы в вашей в жизни было как можно больше хороших эмоций, приятных моментов, позитивных событий. Чтобы вас окружали только любимые, родные, дорогие сердцу люди, чтобы здоровье было крепким, а мечты исполнялись.

С любовью Надежда Мамаева.